

ПИОНЕР

НОЯБРЬ 11

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1962 г.

45 ОКТЯБРЬ

НАМ СТРОИТЬ
КОММУНИЗМ,
НАМ ЖИТЬ
ПРИ КОММУНИЗМЕ

Снова пришел к нам праздник Великого Октября.

Сколько ты помнишь себя, столько же помнишь и любишь этот день. Малышом вместе со всеми ты радовался празднику, еще не понимая, что он означает. Потом ты вырос, стал пионером и узнал, что ЭТО ПРАЗДНИК ПОБЕДИВШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ. И узнал, что взрослые каждый раз отмечают эту в боях завоеванную победу новыми победами в труде. Ты понял, что общая радость — это радость победителей. Тех, кто варит сталь. Тех, кто выращивает хлеб. Тех, кто строит дома. Тех, кто делает вещи, добывает алмазы и нефть, оживляет пустыни и водит корабли.

Двенадцать или тринадцать Октябрей было в твоей жизни. Сорок четыре — в жизни твоей страны. ПРИШЕЛ В СТРАНУ СОРОК ПЯТЫЙ ОКТЯБРЬ. СДЕЛАН СОРОК ПЯТЫЙ ШАГ К КОММУНИЗМУ. МОГУЧИЙ, ВЕЛИКАНИЙ ШАГ.

Вместе со всем народом и ты сделал подарки Октябрю. Ты работал в поле. Ты собирал лом, чтобы он возродился в стальном теле машины. Ты по-тимуровски помогал старикам. Ты выращивал цыплят, утят, кроликов. Ты не дал вытоптать траву в цветнике, сломать дерево, убить из рогатки птицу. Твой труд — в общем труде строителей коммунизма.

С ОКТЯБРЬСКИМИ ПОБЕДАМИ ТЕБЯ, ПИОНЕР!

11 • НОЯБРЬ • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1962 г.

Ребята спрашивают о коммунизме

Здравствуйте, дорогая редакция!

Меня очень интересует, что будет при коммунизме? Иногда я думаю про себя: был бы я волшебником, сколдовал бы так, что сразу же стал коммунизм.

Володя ЕМЕЛИН,
ученик 6-го класса. Село Чархин, Самаркандской области.

Мерка «навырост»

Это письмо мне показали в редакции нашего журнала «Пионер». Много в редакцию приходит таких писем, где ребята задают разные вопросы о будущей коммунистической жизни. И о том, как строится эта жизнь у нас. И каким путем пойдут народы других стран. И сколько уже сейчас на земном шаре коммунистов. И как будут отдыхать люди... Тут всего и не перечислишь, о чем спрашивают ребята. И уж на все сразу, конечно, не ответишь.

Поговорю я с вами сегодня о письме Володи Емелина. Ведь то, о чем пишет Володя, волнует, наверное, многих ребят.

Ну, что будет при коммунизме, мы все примерно представляем себе. Давно уже ведутся о том беседы и в школах, и на пионерских сборах, и в газетах, и в книгах. Я вот тоже попробовал рассказать ребятам о жизни в коммунистическом обществе на страницах книжки, которая называется «Про жизнь совсем хорошую». В ней сказано о новой Программе партии, по которой наш народ строит коммунизм.

Володя, приславший нам письмо, конечно, знает об этой Программе. Но ему, как видно, не терпится. Он пишет: «Я сколдовал бы так, что сразу же стал коммунизм».

А что, если бы действительно так случилось?

Вот давайте представим себе на минутку, что какой-нибудь мальчишка, ну самый что ни на есть обыкновенный, оказался волшебником. Дунул, плюнул, топнул ногой, хлопнул в ладоши, произнес какие-то колдовские слова вроде: «Чирибум! Чирибах! Трах! Ширманах!..» Зажмурился, открыл глаза — честь имеем вас поздравить, пожалуйста в коммунизм!

А коммунизм — это прежде всего что такое? Это такая совсем хорошая жизнь, при которой каждый делает для других то, что он способен делать, а получает для себя всего столько, сколько ему требуется. Так и говорят: при коммунизме каждый дает обществу по своим способностям, а получает от общества по своим потребностям.

Сегодня с вами беседует писатель Лев Кассиль.

Вот теперь и представим, что было бы с нашим мальчишкой-волшебником, если бы он сразу очутился в коммунистическом обществе. Условимся, что он останется при этом таким же школьником, каким был до того самого момента, пока не произнес своего «заклинания».

Пошел он в школу, как полагается, а по дороге видит огромный кинотеатр. И вход туда без всяких билетов. Потому что ведь при коммунизме деньги будут не нужны, все будет бесплатно для всех. Ну как тут удержаться?! Забежал посмотреть интересную кинокартину. А за ней вторую показывают, еще интереснее! У входа мороженого взял сразу десять порций. Бесплатно же! Бери, сколько тебе надо! Да еще три бутылки лимонаду выпил. Пока картины смотрел, то отрыжка мучила, то икота. Потом побежал в школу. Конечно, опоздал, попал к последнему уроку. А класс уже, оказывается, улетел на сверхскоростной ракете изучать рыб Белого моря, так как последним уроком в этот день было естествознание. Когда класс вернулся, все очень удивились, почему наш волшебник не помогал утром вести из класса через телевизор беседу с пионерами Австралии, не участвовал в такой интересной ракетной экскурсии, ничего не выучил да еще тихонько просит завтра на уроке подсказать ему насчет беломорских рыб...

— Что же это ты, дорогой друг? Мороженым ты наелся, лимонадом напился, куда даже больше, чем тебе требуется, пожадничал... А то, что тебе по твоим способностям полагалось бы, не выучил... Уж не заболел ли ты?.. Вызвать вертолет тебе с доктором?..

А потом, чего доброго, узнали бы ребята, живущие уже при коммунизме, что волшебник наш еще тайком полные карманы бесплатными конфетами набил, пока шел от кино до школы, да и дома у него в копилочке монеты побрякивают. Удивились бы ребята: зачем он деньги копит, когда все у них и так есть, зачем, когда шел из школы домой, в каждом магазине что-нибудь прихватывал? Там три пальто — летнее, зимнее, демисезонное, здесь новых ботинок сразу пять пар, в другом месте лыжами запасся, четыре пары потащил, хотя на улице почти лето...

Нет! Я вовсе не хочу сказать, что этот обыкновенный мальчишка, который вдруг оказался волшебником, какой-нибудь особенный лентяй или жадина, что он не хочет быть счастливым среди счастливых, деля все блага и радости с товарищами. Но дело в том, что многие и многие из нас еще подчиняются старым привычкам, повадкам, обычаям, желаниям. Эти старые привычки остались у людей еще с тех времен, когда народу многого не хватало в жизни, когда люди не доверяли друг другу, сильные обижали слабых, богатые заставляли работать на себя бедных. Как при коммунизме жить человеку с этими старыми привычками? Он будет мешать людям, да и сам на каждом шагу станет попадать в трудное, неловкое или обидное положение.

Значит, мало построить столько новых заводов, фабрик, типографий, столько развести скота и так повысить урожаи на полях, чтобы всем всего хватало вдосталь: и хлеба, и мяса, и молока, и масла, и одежды, и обуви, и книг, и картин, и автомашин, и самолетов... Мало построить столько новых домов, чтобы все имели просторные, удобные квартиры. Надо еще, чтобы каждый человек давал людям, обществу все, что он способен дать своим трудом, своими знаниями, своим вниманием, своей заботой. Только тогда и возможна коммунистическая жизнь. А для этого все люди должны стать по-настоящему сознательными, всегда готовыми с любовью и усердием выполнить нужную работу. Конечно, времени на работу будет уходить гораздо меньше, чем сейчас. Умные машины ускорят ее. Автоматы заменят чело-

века там, где требуется тяжелый физический труд. Но человек коммунистического общества никогда не откажется от полезного дела. Жизнь без работы для него будет пуста и тосклива.

В книге писателя Евгения Пермяка, где он беседует с ребятами о будущем (она называется «Твой завтрашний день»), хорошо сказано: «Коммунизм строится не только вокруг нас, но и в нас». И недаром наша партия, принимая новую Программу — план построения коммунизма, уделила так много внимания внутренним, душевным качествам — благородным чертам, которыми должен обладать каждый настоящий строитель коммунизма. Ведь в один миг ни себя, ни других не воспитаешь. И коммунистическая жизнь может наступить тогда, когда не только будет создано так много заводов, машин, лабораторий, что хватит всем товаров, но когда и люди вырастут такими, что и своим трудом, и своим поведением, и всеми своими обычаями будут соответствовать добрым законам коммунистической жизни.

Программа партии и рассчитана на такой быстрый, добрый рост наших людей. При условиях, уже сейчас созданных в нашей Советской стране, люди могут с каждым днем становиться все лучше, все сознательней, честней, образованней, трудолюбивее, добрей, внимательней друг к другу. В наших лучших передовых людях уже есть черты человека коммунистического будущего. По ним и видно, как растет сознание советского человека. Новая Программа партии — это мерка «навырост» — так говорят, когда шьют что-нибудь быстро растущим ребятам. Сегодня кое-что будет еще и «велико» для тех, кто хочет нетерпеливо примерить все на себя. Но, глядишь, пройдет год-другой — и все придется в самую пору!

Вот и Володе Емелину, которому не терпится скорее попасть в коммунизм, мы тоже от души пожелаем хорошего, доброго роста! Чтобы он вместе со своими друзьями по школе и пионерскому отряду, вместе со всеми гражданами нашей страны набирался год от году новых знаний, полезных умений, высоких душевных качеств. Чтобы стал он людям другом, братом, товарищем и в радостях и в беде, чтобы он был надежным помощником народа в его великом труде, человеком чистой совести и щедрого сердца, верным сыном нашей Родины и другом всех трудовых людей на земле. Вот тогда не надо будет ему колдовать: не в сказке, не во сне, а на самом деле станет он гражданином счастливого общества, живущего по-коммунистически!

Лев КАССИЛЬ

Жоркины годы

Из документальной повести

Александр САДОВСКИЙ
Рисунки Н. Борисовой.

Не раз царский Петербург — бывшая столица бывшей Российской империи — сотрясался от сильных толчков на рабочих окраинах. Так было, когда на Выборгской стороне вспыхнула стачка «новолесснеровцев».

Сто два дня бастовали «новолесснеровцы», защищая честь погибшего товарища, оклеветанного мастером. Рабочие других заводов и фабрик помогали бастовавшим в трудной борьбе...

В тот вечер по мощенной булыжником улице мимо Финляндского вокзала прошла рабочая процессия. Демонстранты не несли красных знамен, не выкрикивали лозунгов, но лавочницы и чиновницы, разодетые по вечернему времени в зеленые и пунцовые кашемировые платья, в изумлении застыли на тротуарах.

В одном из первых рядов шел пожилой рабочий с ремешком на кудрявой голове с сильной проседью и медной плешью на макушке. Рядом шел очень похожий на него молодой рабочий, тоже кудрявый, с выпуклым лбом и светлыми, слегка навыкате глазами. То были Бугровы — Жоркин дед, Иван Афанасьевич, модельщик Металлического завода, и Жоркин отец, Александр Иванович, токарь того же завода. Они вели за руки худенькую большеглазую девочку в мамкином платке, маленькую «новолесснеровку», которую взяли в свою семью на время забастовки. Старый Бугров загрубелыми пальцами показывал девочке «козу рогатую», развлекал ее, как умел, смеясь серыми, выпуклыми, влажно блестевшими глазами, и какой-то парень с трехрядкой насмешливо крикнул с тротуара полицейскому:

— Селедка, знай службу, посвисти! Здесь «козу рогатую» показывают, а он стоит, как пень.

Шли с детьми «новолесснеровцев» рабочие соседнего с Металлическим завода «Феникс»

и заводов Эриксона, Парвиайнена, Рено, Розенкранца, шли работницы сигарной фабрики «Гаванера» и фабрики трижды проклятого англичанина Чешера, у которого даже десятилетние дети работали от темна до темна.

Пятилетнюю девочку в мамкином платке, которую привели к себе Бугровы, звали Марусей. Маленькая, с прозрачным личиком, она была такая худенькая, что Прасковья Егоровна (мать Жорки), приподняв ее, ужаснулась:

— В ней весу нет!

Невесомую Марусю спросили: как она, очень хочет есть или потерпит?

— Потерплю, — пискнула Маруся.

— Не то что наш Жорка, — усмехнулся Александр Иванович. — Нашему вынь да положь.

Марусю усадили за стол, поставили перед ней миску с подогретым супом, положили ломоть хлеба. Невесомая девочка деликатно откусывала от ломтя крохотные кусочки, бережно подбирала с подола крошки. И опять ее поставили в пример Жорке.

— Вот как хлеб берегут. Учись!

Александр Иванович объяснил сыну, каким образом Маруся оказалась у них в семье.

— Видишь, как солидарно живут рабочие на Выборгской стороне? Будь же и ты такой! Бери Марусю и отправляйся с ней погулять. Да смотри не обижай ее, а то ремня отведаешь.

Жорке было уже восемь лет, и ему неинтересно было водиться с такой малявкой, но из солидарности он взял ее за худенькую ручку и повел с Тимофеевской улицы, где жил с отцом и матерью (и где живет сейчас его сын), к берегу Невы.

На набережной, рядом с заводом, раскинулся большой парк с тенистыми липовыми и кленовыми аллеями, с павильонами «Грезы» и «Дуновенье зефира», с прудами, по зеркальной поверхности которых важно плавали черные и белые лебеди. Парком владел царский министр Дурново.

Мальчишки с соседнего двора, сыновья лавочников и мелких чиновников, учившиеся у своих отцов пресмыкаться перед чужими богатствами, хвастливо рассказывали, что в дурновский парк привезли мраморную ванну, которую наполняют парным молоком, и министр купается в ней на свежем воздухе.

Врали, наверно.

Жорка смотрел в щель в высокой ограде парка, поднимался на крышу самого высокого цеха, смотрел снизу и сверху, но никакой ванны так и не увидел.

Зато увидел однажды самого министра, как его прогуливали по аллее: впереди бежала

Жорка так расхрабрился, что даже замахнулся на усатого кулаками.

рыже-белая собака, за ней, поддерживаемый под руки двумя лакеями, медленно шел министр, постукивая палкой, как слепец.

Сюда Жорка и привел новую приятельницу. И в то время как он показывал Марусе через щель владения царского сановника, сзади выросла огромная фигура со шнурами и больно ожгла его плетью. Усатый[1] замахнулся и на Марусю, но у нее нашелся защитник.

— Не смей бить маленькую, дурак! Не смей, слышишь, что тебе говорят?

Жорка так расхрабрился, что даже замахнулся на усатого кулаками. Тот опустил плеть, с насмешливым любопытством оглядел своего «противника».

— Биться хочешь? Вдарь! Ты мне дай раза, а я тебе.

— Не-е, — сказал Жорка. — Биться не буду.

— Сробел?

— А вот я возьму да как скажу папане!

— Кто он, папаня твой? Беспортошный генерал? Али из других чинов?

Усатый сыто хохотнул.

— Марш отседова! — грозно крикнул он и потом молча раздувал усы, глядя, как они спасаются бегством.

Маруся жила у Бугровых до конца забастовки «новолесснеровцев». Тихая, как мышка, часами просиживала она у клеток с певчими птицами. Что ей, так мало видевшей в жизни, говорили голоса птиц? Непререкаемый авторитет — Жорка сказал, что птицы все улетают на зиму в теплый край, в Африку.

— А где это — Африка? — допытывалась Маруся.

— Там, — Жорка махал в сторону пустырей, — за морем.

И Маруся верила, что сразу за пустырями начинаются море и Африка... А Жорка, выполняя отцовское задание, каждодневно водил маленькую Марусю на прогулку и потому думал, что он тоже борец за рабочее дело, мало того — пострадавший борец.

Но вот что произошло в семье Бугровых, когда Жорке исполнилось одиннадцать лет.

— Сынок, знаешь, где усатые прячутся? — спросил Александр Иванович, закрывшись с сыном в комнате и опасливо оглянувшись на окна и двери.

Жорка фыркнул. Чтобы он — да не знал такое! Он знал все на Выборгской стороне. Усатых дурак и тот подсмотрел бы. Они прятались напротив завода, во дворе, в котором помещалось Жоркино училище. Каждый раз они въезжали в этот двор ночью, накануне предполагавшегося выступления металлистов.

— Там еще такие железные ворота, — подсказал Жорка.

— То-то, что железные, — загадочно ответил токарь, прислушиваясь к шагам жены, хозяйничавшей за стеной на кухне.

Поведение отца удивило Жорку. С каких это пор папаня стал таиться от мамани? Александр Иванович работал выборным казначеем в подпольной рабочей кассе взаимопомощи и часто давал жене деньги на сохранение. Ей же отдавались на хранение какие-то листки и книжки, которые Прасковья Егоровна прятала где придется, иногда подсовывала под тощий тюфяк, на котором спали Жорка и его младшие братья. Обычно Александр Иванович посвящал Прасковью Егоровну во все свои секретные дела. Но на этот раз все было иначе. Он достал из-под кушетки коробку с косой надписью «Скороход», вручил ее Жорке и сказал:

— Спрячь получше! Особенно мать чтобы не увидела. Понял?

— Бомба? — деловито осведомился Жорка, взвесив в ладонях тяжеленную коробку. Но папаня досадливо поморщился, а Жорка, открыв коробку и увидев какие-то болты и гайки, разочарованно протянул: — А я-то думал...

— Ерунду думал! — поспешно перебил папаня. — Тебе дают материал для работы, а ты думаешь всякую ерунду.

— Чего делать с этим?

— Сам должен сообразить.

— Знаю! — обрадованно закричал Жорка. — Надо усатых запереть во дворе.

— А кричать не надо.

Александр Иванович поскреб пальцем макушку, представив, как Прасковья Егоровна, найдя коробку и дознавшись, для чего предназначены болты и гайки, стоит в дверях, раскинув руки, и произносит низким, полным материнской силы и укоризны голосом: «Ты посылаешь на такое дело мальчонку? Не пущу!» И не пустит, хоть на куски ее режь.

— Не шуми, — тихо сказал он сыну, — а говори дело: как работать будешь?

— Там, на воротах, такая перекладина, а в ней отверстие, — вслух вспоминал Жорка.

— Ну-ну?

[1] Так в семье Бугровых называли полицейских.

— Загоню в отверстие болты, а снизу наверну гайки.

— Ты навернешь, а они отвернут. Болты выколотят, и вся твоя работа пойдет насмарку. Всего и задержки будет минут на пять.

— Не отвернут, — уверенно сказал Жорка.

Папаня с усмешкой:

— Силенок не хватит?

— Не отвернут. Я камень возьму...

— Усатых бить?

— Я камнем резьбу забью.

— Вот! Забить надо, изуродовать резьбу. Тогда они у ворот попляшут. Только ты вот что. Прихватишь засовы, а после — и язык. Понял, на что намек?

— Могила!

Над Невой еще плыли ночные туманы, когда Александр Иванович потянул сына за ногу с постели. Жорка виновато поморгал сонными глазами, вспомнив, что накануне обещал отцу подняться раньше всех в доме. Он поспешно сполз на пол, стараясь не разбудить маленьких братьев (спали на одной кровати втроем), сгреб с табурета свои вещички и босиком на цыпочках выбежал за отцом в холодную прихожую.

Света не зажигали, хватало и того, что скупо цедился из кухни через примороженные стекла. Александр Иванович вынес в прихожую табурет, уселся и закурил папиросу «Тары-бары». Прислушиваясь к шуму ветра за стеной, молча смотрел, как собирается сын. Молча же показал на вешалку, на которой среди заношенной зимней одежды висело и короткое Жоркино пальтишко.

— Без пальта ловчей, — сказал Жорка, туго затягивая ремень на животе.

— Смотри, парень, остынешь.

— Жуй солому, а духа-бодрости не теряй! — возразил Жорка словами, которые часто слышал от отца.

— Жуешь ты солому, — ворчливо сказал Александр Иванович.

Шаркая валенками, он сходил на кухню и принес ломоть хлеба, намазанный свиным жиром.

Солома соломой, а от этого Жорка тоже не отказывался. Он торопливо набивал рот хлебом, а карманы — болтами и гайками. Взял припасенные плоскогубцы.

— Кажись, все, батя!

Но выйти не успел. Скрипнула и приоткрылась дверь из комнаты. На пороге, в одной сорочке, с накинутым на плечи платком, показалась та, кого отец и сын боялись в эту минуту больше всего на свете.

— Воины вы мои! Заговор против матери составили?

Темные глаза Прасковьи Егоровны заволокло слезами, сухие губы тронула печальная усмешка. Она так долго и пристально смотрела на заговорщиков, что Александр Иванович не выдержал, завертелся на табуретке.

— Учти, мама, время уже не раннее... Или туда, или сюда, а кончай с этим делом!

— А не раннее, так спали бы поменьше, — неожиданно звонким голосом сказала Прасковья Егоровна. — Собрались воевать, а разоспались оба, как сурки. Я-то не спала. Всю ночь проворочалась...

Мать проворно нагнулась и подняла с пола коробку.

— Уже порожняя?

Александр Иванович крякнул. Дозналась все-таки!

— Жорка, что же ты? Велели тебе: спрячь получше.

Прасковья Егоровна смотрела на сына, и глаза ее туманились от слез, и в уголке рта вздрагивала добрая морщинка. Такого Жорку она еще не видела. Посмотрите на него, люди добрые, какой он насупленный, какой суровый! Мать вздохнула. Как рано кончается детство у них на Выборгской стороне! Как рано родители устраивают здесь своих ребят на фабрики, отдают «в люди», посылают на такие вот опасные дела!

— Подойди ближе, сынок!

Жорка попятился к выходу, но отец прикрикнул:

— Делай, как мать велит!

Перед ними стояла вдоволь хлебнувшая нужды и горя, тихая и безответная, сильная и непокорная мать рабочей семьи. Она перекрестила Жорку и легонько ладонью толкнула в грудь.

— Теперь иди, воин!

На Тимофеевской порывами задувал холодный ветер. Из низкой тучи, несшейся над скованной льдами Невой, над заводскими трубами, над влажными крышами сыпалась ледяная крупа. Прижатые ветром, стлались над жилыми домами дымки: рабочий Питер просыпался рано.

Но улицы были еще тихи, безлюдны, и только на углу Безбородкинского, где в зимней мгле тускло посвечивал керосиновый фонарь, прозванный рабочими «волчий глаз», зябко ежилась на ветру маленькая фигурка Кольки Чикина — приятеля и соучастника всех отважных Жоркиных предприятий.

Накануне вечером Жорка успел сбегать к Чикиным и без труда уговорил Кольку принять участие в операции. Позднее он жалел об этом. Но то было позднее.

Около двора с железными воротами Колька занял пост наблюдения. Жорка пролез под воротами во двор и осмотрелся. За дровяными сараями под большим навесом стояли кони. Усатых не видно было: наверно, дрыхли еще. Кони мирно хрупали овес, изредка нарушая тишину зимнего утра ударами копыт, но у Жорки тревожно сжалось сердце: навес был длинный, почти во всю ширину двора, кони под навесом стояли в два ряда, и это доказывало, каким многочисленным был враг. Жорка попытался сосчитать коней, но в зимней мгле сбился со счета. Не теряя больше времени, принялся за работу.

Ему повезло. Обычно в отверстие перекладины дворники пропускали цепь и навешивали на нее замок. На этот раз ни того, ни другого не оказалось. Должно быть, замок с цепью убрали усатые, чтобы в нужную минуту, не мешкая, выехать со двора. Жорка наставил болт резьбой на отверстие и загнал булыжником внутрь, до крови рассадив ладонь. Поболтал рукой в воздухе, унимая боль, и вдруг услышал сзади сердитый окрик:

— Что делаешь тут, поганец?

— Бежи,— запоздало проверещал Колька.

Оглянувшись, Жорка увидел... «царя Александра III». Рыжебородый, с непомерно широкими плечами, в вечернее время он неподвижно, как монумент, стоял перед воротами дома, в котором служил дворником. Стоял, рисуясь своим сходством с покойным царем и грозя всем мальчишкам Тимофеевской.

Но Жорка и не подумал о бегстве. В его светлых, выпуклых, дедовских глазах засветилось озорство. Он ухватился за перекладину и начал раскачиваться на ней, беспечным видом своим стараясь внушить рыжебородому, что балуется, и только. Маневр оказался удачным.

— Геть! — издалека крикнул рыжебородый, не сделав даже попытки задержать озорника, а только пригрозив ему метлой.

Жорка мгновенно нырнул под ворота, но через несколько минут, удостоверившись, что «царь» ушел куда-то по своим делам, занял прежнюю позицию.

Колька постыдно сбежал. Пришлось работать в одиночестве. К счастью, больше никто не мешал Жорке, и он добросовестно выполнил все по плану, одобренному отцом.

И вскоре прямо-таки помирал со смеху, глядя из окна училища, как толстый полицейский пристав завертелся на коне перед закрытыми воротами.

А из других ворот — заводских — уже выходили металлисты и развертывали по ветру красное знамя. На набережной Невы они построились в колонну и с пением «Варшавянки» пошли вниз по реке, в сторону Финляндского вокзала. С колонной шел и отец.

В училище первые уроки прошли для Жорки в этот день счастливо. Два раза его вызывали к доске. На уроке арифметики он быстро решил задачу и получил четверку. На уроке русского языка ему велели прочитать «Как ныне сбирается вещий Олег». Он нечисто выговаривал букву «р», но стихотворение прочитал без запинки и получил еще четверку.

— Поставил бы пять,— сказал учитель,— но ты читаешь: «сбийается». Почему ты так читаешь? Ведь ты мальчик русского, а не иудейского происхождения. По-русски читают: «Как ныне сбир-рается вещий Олег». Повторяю: «Как ныне сбир-рается...» Садись на место.

Один из учеников, когда Жорка возвращался к своей парте, передразнил его: «Сбийается»,— за что тут же получил щелчок по голове. За последней партой сидел бледный, перепуганный Колька Чикин. Он не дразнил Жорку, наоборот, смирно уткнулся в книжку острым носиком, но тоже получил щелчок.

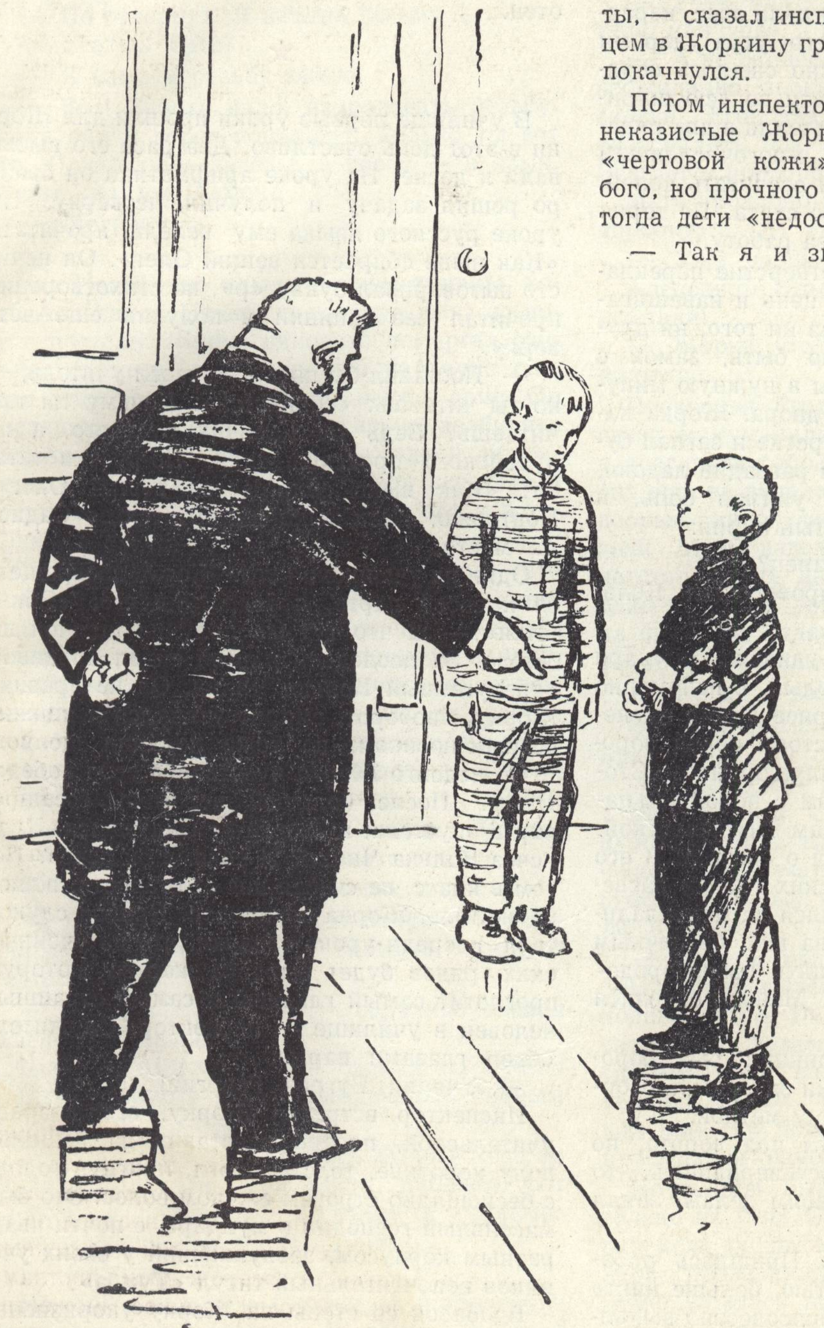
Но недолго Жорка чувствовал себя победителем. После большой перемены соседняя парта опустела, и Жорка призадумался. Куда исчез Колька Чикин? И почему он исчез? Потом в класс, не сгибая ног от старости, вошел служитель. Жорка похолодел. Приход служителя посреди урока означал, что из ученических рядов будет вырвана жертва, которую проглотит самый главный и самый страшный человек в училище — инспектор. Служитель обвел глазами парты.

— Ученик Бугров Георгий!

Инспектор встретил Жорку, стоя посреди учительской, плотно расставив на вощеном полу короткие, толстые ноги, пригнув голову с беспощадно строгим ежиком волос. Это был массивный господин в мундире, с почти квадратным корпусом, заслуживший у своих учеников непочтительный титул «Тумба».

Вдобавок со стены на Жорку укоризненно смотрел царь. На царе тоже был мундир, и почище, чем у Тумбы, а выглядел он, со сво-

им носиком-пипкой и приклеенным ко лбу холуйским завитком, как знакомый Жорке половой из трактира «Солоники». И все-таки это был царь-государь, помазанник. Сам бог помазал его чем-то, когда сажал на престол. Все училище молилось за него ежедневно утром перед началом занятий.

— На колени! — рявкнул инспектор.

За Жорку никто не молился, чтобы разошлась туча, собравшаяся над его бедовой головой.

В учительской Жорка увидел и Кольку Чикина. Дружок смиренно притулился в уголке и пошмыгивал там носом.

«Готово дело, рассопливился», — подумал Жорка и тайком показал Кольке кулак.

— Мальчик, не отпирайся, это сделал ты, ты, — сказал инспектор и дважды ткнул пальцем в Жоркину грудь, отчего мальчик дважды покачнулся.

Потом инспектор осмотрел спереди и сзади неказистые Жоркины рубашку и штаны из «чертовой кожи» — смолисто-черного, грубого, но прочного материала, который носили тогда дети «недостаточных родителей».

— Так я и знал. Этот негодяй лазил сегодня по заборам. На штанах дыры... Что ты делал сегодня на заборе? Готовил там уроки?

В углу хихикнули, но Жорка не сумел оценить остроумие своего наставника и промолчал.

Вдруг инспектор рявкнул:

— На колени!

Мальчик поднял изумленные глаза.

— На колени! — последовало повторное приказание, и Жорка густо покраснел, поняв, что не ослышался.

— Не стану я на колени, — буркнул он.

— Что-о? Когда тебе приказывают...

Мальчик в продранных штанах из «чертовой кожи» метнул на своего приятеля презрительный взгляд, догадавшись, что тот уже бухал поклоны перед Тумбой. Жорке такое не простили бы дома. Отец рассказывал про покойного деда Ивана, что его однажды погнали с завода за его строптивость, но он не ходил на поклон ни к хозяину, ни к хозяевым холопам. Он пошел к своим то-

варищам-рабочим, после чего вспыхнула забастовка протеста, одна из первых в истории Металлического завода.

— Не кричите на меня, — дерзко сказал Жорка. — Все равно не стану.

Инспектор отвернулся к окну и долго смотрел через запотелые окна на Неву, приподнимая на носках грузный корпус. К его чести надо сказать, что он тоже покраснел, должно быть, поняв низость своего приказания. Но чести у него хватило ненадолго. Через несколько минут он обратился к Жорке с такой речью:

— Я вижу, ты упрям, а между тем сегодня решается твоя судьба. Твой школьный друг Николай Чикин, которого ты совратил и сделал соучастником своего преступления, уже покаялся. А покаяние, — думаю, что отец Илиодор говорил вам об этом на уроках закона божьего, — самый надежный и единственный путь к спасению. Чикин покаялся — и спасен. Его я решил оставить в училище. Ученик Бугров, ты слышишь, что я сказал? Чикина я прощаю. Теперь твоя очередь. Скажи: ты хотел бы у нас остаться?

Жорка пожал плечами. Будь у Тумбы побольше ума, он бы понял, что ученик Бугров считает глупым такой вопрос. Тумба этого не понял и переспросил:

— Ты не хочешь остаться в училище?

— Хочу.

— Ты умный мальчик, и другого ответа я от тебя не ждал. Не будь же таким упрямым и расскажи мне, как другу, кто тебя научил это сделать? Ты понял мой вопрос? Ты должен сказать: кто тебя научил это сделать? Вот и все, что от тебя требуется!

Вот и все, что требовалось от мальчика: выдать отца. И он мигом сообразил, как должен разговаривать с человеком, который требует от него, чтобы он стал предателем.

— Про какого учителя вы спрашиваете? По русскому языку?

— Вон! И чтоб духу твоего здесь не было! — отчеканил Тумба, пригнув голову так низко, как будто хотел забодать непокорного ученика.

Жорка понуро унес из училища свою стриженную «под нуль» голову, размышляя о том, какие еще испытания выпадут в этот трудный день на его долю. Ведь предстоял еще разговор с отцом и матерью.

— Говоришь, велел стать на колени?

— Да я ж не стал...

— Еще бы ты стал! А кого позвал прихватывать засовы?

— Да Чикина же, сколько раз говорить...

— Сколько отец спрашивает.

Александр Иванович сидел у стола, занавесив глаза густыми бровями. Потрескивала керосиновая лампа. Тусклый свет слабо озарял небогатое убранство комнаты: разобранные перед сном постели, кушетку с продранным верхом, табуреты, часы-ходики на стене. Прасковья Егоровна стояла рядом с Александром Ивановичем, подложив руки под фартук. Жорка украдкой взглянул на мать. Непривычно жестким выглядело ее лицо с окаменевшими скулами, не было знакомых добрых морщинок в уголке сжатого рта, и он понял, что и тут ему не найти защиты.

— Смотри на меня в упор, голову не опускай, — приказал Александр Иванович. — Говоришь, Чикина позвал? Подумай! С Чикиным сам рассчитаешься.

Не вставая, отец наградил сына оплеухой, памятной по сей день.

За что такая награда?

А за то, что сын не умел выбирать себе друзей.

— Чтобы знал в другой раз, с кем связываешься...

У Жорки намокли глаза, и он поспешно вытер их рукавом. Упаси бог, разводить сырость при бате. Этого тоже не прощали мальчишкам в семье Бугровых.

★

Все это происходило за два месяца до Февральской революции. В феврале царя скинули. Человечек с носиком-пипкой покатился с трона, но жизнь семьи Бугровых и всей Выборгской стороны мало изменилась после этого. По-прежнему заплывали грязью дощатые тротуары и деревянные домишки. Хлеб добывался после долгой маяты в очередях. Крикливые плакаты, перекинутые через улицы и приклеенные к заборам, гласили, что наступила свобода, но пока ею пользовались только спекулянты, которые драли за все сколько хотели. Заработка Александра Ивановича не хватало для большой семьи, и на семейном совете решили, что кормильцем будет и второй мужчина в доме — Жорка, которому исполнилось уже двенадцать лет. Его устроили в экспедицию продавцом газет. Торговля пошла бойко. Жорка носился по городу с толстой сумкой, набитой кадетскими, меньшевистскими и эсеровскими листками, которых развелось тогда великое множество, и, не задумываясь, выкрикивал то, что писали в этих листках. А писали там по преиму-

ществу о том, что надоевшую всем войну нужно вести до пролития последней солдатской капли крови.

— Наши перешли в наступление! — орал Жорка, размахивая выхваченными из сумки листками. Он был достаточно благоразумен и победоносные лозунги выкрикивал не на Выборгской стороне, где за это могли надрать уши, а на Невском проспекте. Но в памятные рабочему Питеру июльские дни ему велели кричать такое, что он, при всем своем мальчишеском легкомыслии, не мог примирить со своей совестью. Тощий экспедитор, отпуская Жорке газеты, подмигнул и сказал:

— Сегодня ты живо расторгуешься. Кричи: «Новое разоблачение! Большевики — германские шпионы!»

Большевиков Жорка немного знал. К отцу часто заходил рослый, плечистый модельщик, которого все называли Василием и о котором только после революции все узнали, что он работал организатором подпольной большевистской ячейки на заводе. Лицо у Василия было совсем молодое, а виски седые уже. И все большевики представлялись Жорке молодыми, но поседевшими от забот.

Лето стояло жаркое. В воздухе остро пахло гарью, которую наносило с торфяных болот, горевших вокруг города. Жорка ничего не замечал. Он брел из экспедиции по набережной Фонтанки и невидящими глазами смотрел на грязную воду, пытаясь представить себе, как Василий, который дома у них ругал царя и богачей, тайно шпионил и получал за это деньги от германского царя. Василий жил бедно, как все рабочие, и Жорка решил, что он получает от германского царя немного. Но почему так небогато выглядел главный большевик, про которого газеты, лежавшие у Жорки в сумке, напечатали, что германцы дали ему миллион?

«Куда он такую уйму девал?» — размышлял Жорка, вспоминая этого человека, которого он видел в начале апреля. По случаю пасхальных праздников завод тогда пустовал, и Жорка с отцом обходили рабочих по квартирам и оповещали о предстоящем приезде этого человека, которого ожидал весь рабочий Питер.

Поезд пришел около полуночи, но великое множество народа собралось тогда у Финляндского вокзала. Пошел к вокзалу и Жорка с отцом, с металлистами. В толпу, затопившую привокзальную площадь, пустили слух о пожаре. На станционных путях в самом деле пылали вагоны, зарево отражалось на низких облаках, и Жорка метнулся к месту проис-

Жорка носился по городу с толстой сумкой, набитой листками.

шествия, но отец схватил его за руку и удержал. Отец сразу понял, что вагоны подожгли нарочно и слух о пожаре тоже распространили нарочно, чтобы сорвать встречу приехавшего с питерским трудовым людом.

— Ленин, Ленин! — прошумело, прокатилось по толпе.

И Александр Иванович взял сына на плечо:

— Видишь?

И показал на человека, который быстро спускался по ступенькам, зажав в кулаке шляпу и помахивая ею рабочим. Жорка очень тогда удивился. Он думал, что увидит кого-то большого, важного, в богатой шубе, а папаня показывал на невысокого, приветливо улыбавшегося человека в простом пальто с узким вытертым воротником. Такое пальто носил и отец Жорки.

«Где ж миллион?»

— Сам ты шпион, дурак, глиста поганая! — сердито сказал Жорка про тощего экспедитора.

Энергичный и быстрый в своих поступках, он вскочил в трамвай и отправился из «буржуйского» центра города на Выборгскую сторону.

— Мальчик, уплати за проезд! — крикнула кондукторша, высмотрев на задней площадке безбилетного пассажира с сумкой. В другое время Жорка не посчитался бы с этим требованием, хотя и папаня не однажды предупреждал его, что сдерет шкуру, если узнает, что он ездил «зайцем». Он частенько висел на «колбасе», рискуя остаться не только без шкуры, но и без головы, только оглядывался: нет ли знакомых, которые могли бы донести отцу о его проделках. Но на этот раз он хмуро протянул кондукторше почтовую марку, заменявшую тогда серебряную монету. Переехав Литейный мост, Жорка выскочил из вагона и пошел по набережной к тому месту на Неве, где сейчас высится серое здание заводской лаборатории, а в то время у берега лениво покачивались на маслянистой воде рыбачьи лодки. На набережной он подобрал тяжелый булыжник и затолкал в сумку, потом сбежал по замусоренному берегу к воде и вскочил в чью-то лодку, а из нее перебрался в другую, стараясь отойти подальше от берега.

Сняв с плеча сумку, Жорка с силой бросил ее в реку. Над маслянистой водой вспухнул фонтанчик и обрызгал ему лицо. Жорка быстро присел на корточки и проследил сощуренными глазами, как сумка с нечистыми листками уходит на дно Невы.

Много грязи вынесла эта река из большого города.

Весь день Жорка слонялся по набережной, но наступил вечер — самое трудное время суток в жизни каждого бедового мальчишки. Как все легко делается днем, и как трудно вечером держать ответ перед отцом, матерью!

И вот — вечер...

— Сколько же ты в Неве утопил?

— Двенадцать рублей... керенками.

— И много ты их принес в дом, керенок этих?

Александр Иванович — лобастый, усатый, хмурый, положив на колени натруженные руки, слушал отчет сына о том, чем кончилась его недолгая карьера продавца газет. Стояла рядом и Прасковья Егоровна, горестно подперев ладонью щеку. Она лучше всех в доме знала, какую брешь пробила утопленная сумка в скудном бюджете семьи.

— Что же ты, сын?

Жорка смело взглянул в отцовские глаза и сказал:

— А я знал, что вы меня за это не заругаете.

— Немного ты знаешь, парень. Почему ты мог это знать? Молчишь, нету слов... Видишь, какой ты? Как неученый кенарь. Петь хочется, а песни нет... Не заругал бы я тебя, если бы ты пришел с сумкой к отцу. А ты сам взял на себя смелость утопить столько на дне Невы.

— Вы бы их не утопили?

— Сын, что ты спрашиваешь? Только мало — на дно листки. Писак надо на дно!

Приближался Октябрь...

Безработный Жорка снова носился по Выборгской стороне, с утра до вечера слонялся по пустырям, где молодые металлисты кололи штыками соломенные чучела и метали деревянные гранаты — обучались военному делу.

Домой забегал только затем, чтобы выпросить у матери что-нибудь съестное, но в ответ чаще всего слышал одно — вздохи. Из дома выносились последние вещички и выменивались у мешочников на муку и картошку.

За два дня до переворота, под вечер, Жорка встретил невдалеке от Финляндского вокзала отряд конных юнкеров. Впереди ехал пожилой подполковник с запухшими глазами, положив руку с плетью на луку седла. Вдруг из переулка выбежали вооруженные металлисты, и среди них Жорка сразу узнал знакомых, в том числе подручного токаря Семена Чистякова. Развернувшись цепью, рабочие пошли на юнкеров с винтовками наперевес...

Сняв с плеча сумку, Жорка с силой бросил ее в реку.

— Этот? — крикнули в цепи.

— Этот, этот! — раздалось в ответ. — Такой, понимаешь, подлюга!

У Жорки тревожно забилось сердце. Он ждал схватки, прижавшись к воротам какого-то дома, но подполковник только погрозил металлистам плетью, вздыбил и повернул коня, и юнкера поскакали вслед за ним к Литейному мосту, очистив улицу без боя. Тогда Жорка выбежал на мостовую, подстроился к рабочему отряду и зашагал рядом с Семеном.

— Ты чей, малец? — строго спросил один из металлистов.

— Свой это, Бугровых, — ответил Чистяков за Жорку и наклонил к нему раскрасневшееся лицо, опаленное злой решимостью: — Такие, понимаешь ли, подлюги! Подъехали к клубу на Самсониевском, все разворотили, перекололи штыками: «Где Ленина прячете?»

Чистяков разговаривал с Жоркой, как с равным, но через два дня, когда Жорка полез на грузовик, отвозивший к Зимнему дворцу молодых металлистов, тот же Чистяков, посмеиваясь, согнал с машины двенадцатилетнего борца за рабочее дело.

А через месяц с небольшим Жорку высадили из поезда, который вез в Харьков отряд выборгских красногвардейцев. Вытащили его из-под нижней полки. Не помогли и знакомые, которых он тут встретил. Они ссадили его на первой же остановке, снабдив на обратную дорогу полбуханкой хлеба и парой дружеских подзатыльников.

Есть на Металлическом заводе большой цех, который прозвали когда-то «Вселенной».

С редкой для нашего города щедростью трудится солнце, столбами валится в цех через остекленную крышу. Сквозь широкие лучи, раскинутые веером вниз, проплывает рыжеватая колоннада статора новой водяной турбины. Подъемный кран несет ее на стальном якоре из одного конца «Вселенной» в другой, где на сборочной плите, такой просторной, что на ней можно играть в футбол, по крайней мере. тренироваться в одни ворота, стоит плотный человек в спецовке, крепко расставив ноги. У человека большой залысый лоб, широкое лицо с красноватым загаром, светлые, слегка навыкате глаза. Колоннада замерла в воздухе над его головой. Плавными движениями правой руки, очень похожий в эту минуту на дирижера, который выжимает из оркестра нежнейшее «пианиссимо», он показывает крановщику точки приземления статора.

— Левей! Еще левей! Держи прямо!

Последний взмах руки.

— Опускай!

Завтра начнется сборка. На колоннаду наденут десять тысяч узлов и деталей, сбалансируют рабочее колесо, проверят «на поворот» каждую лопатку направляющего аппарата.

— Эй, верхние! — будет кричать человек, задрав голову и приставив ладони рупором ко рту, чтобы его услышали на многоэтажной высоте турбины: — Проверить повторно

третью лопатку! Четвертую лопатку! Седьмую лопатку!

Наверху слесарь остановится и подморгнет соседу:

— А батя наш все пошумливает.

И сосед ответит:

— А иначе не услышат.

Но потом сам же выйдет на кромку направляющего аппарата, свесит лицо вниз и крикнет:

— Не шуми, отец, слышим! Третью, что ли?

— Дальше!

— Четвертую?

— Дальше!

— Седьмую?

— Действовать!

Трудно угадать в этом плотном, седоватом уже человеке, которого молодые слесари «Вселенной» называют кто батей, кто отцом, а кто и дедом, того худенького, шустрого, лихоглазого парнишку, которого все называли Жоркой.

Но это он!

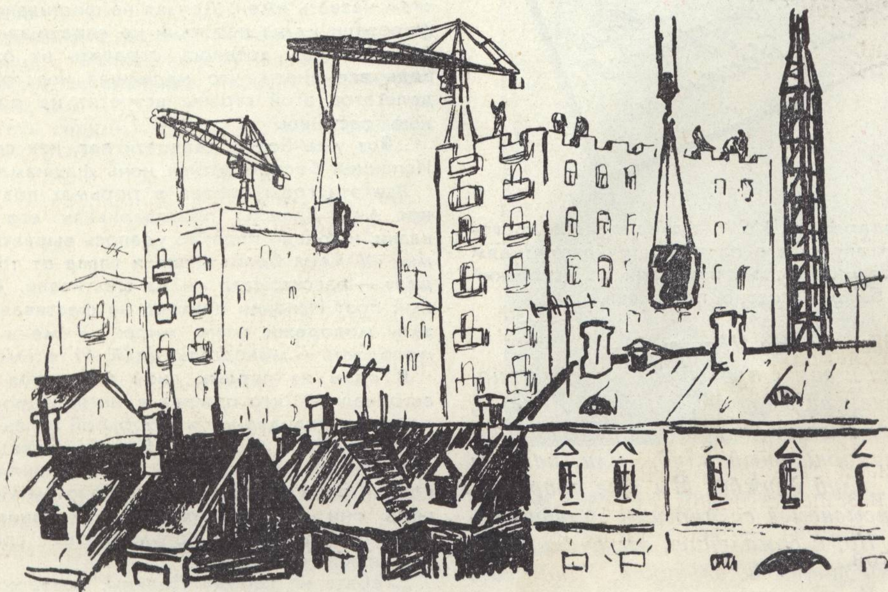
Вся жизнь его прошла на Выборгской стороне. Здесь он собирал все до одной водяные турбины, которые работают на наших гидроэлектростанциях: волжские, днепровские, цимлянские, братские — все!

Он очень любит свою Выборгскую сторону.

И я люблю эту сторону. Здесь проходили годы моей молодости, и я тоже помню ее такой, какой она была при Жорке Бугрове. Мне дороги новый Большеохтинский проспект с его прямой, строгой, как у Невского, перспективой, зеленые кудрявые полосы, разлившиеся вдоль Лесного проспекта, все новые кварталы и старые, тихие переулки с их деревянными домишками, затерявшимися среди каменных громад. Когда я бываю на Выборгской стороне, мне почему-то кажется, что здесь новые дома смотрят на своих старых соседей, как внуки на дедов, — почтительно. Идешь по Тихвинской улице, смотришь на двухэтажный домик с выцветшей зеленой краской и думаешь вслух: «Не здесь ли молодые металлисты собирались вечером сговориться о стачке, послушать «Буревестник» Горького?» Старожил поправляет: «Не здесь, а во втором доме от угла». Но другой спорит: «Здесь!» На Сердобольской улице уже не спорят. Доска из черного мрамора на угловом доме гласит, что на четвертом этаже была последняя подпольная квартира Владимира Ильича Ленина. В небольшой, очень чистой комнате стоят на своих местах вещи, служившие ему: аккуратно заправленная кровать (так сам Ильич заправлял), рукомойник, этажерка с книгами, которыми он пользовался в последние дни подполья, небольшой стол и на нем тарелка, на которой он оставил записку хозяйке квартиры Фофановой, когда в ночь перед Октябрем ушел отсюда в Смольный:

«Ушел туда, куда вы не хотели, чтобы я уходил».

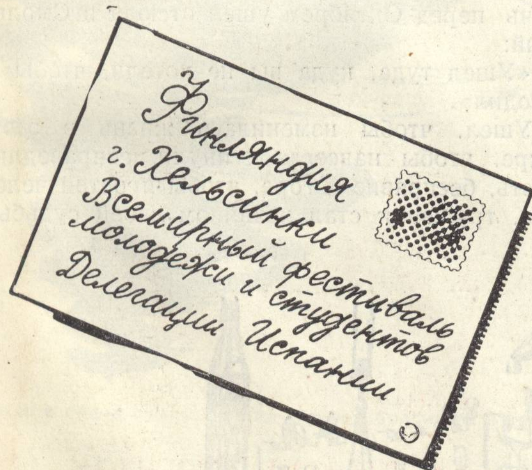
Ушел, чтобы изменилась жизнь в этом мире, чтобы навсегда сгинули несправедливость, бесправие и горе, чтобы простой человек, труженик стал хозяином своей судьбы.

С вами говорит Испания

В. БЛИЗНЕНКОВА

В Хельсинки в дни фестиваля со всех концов света приходили сотни писем. Среди них было одно, с очень простым адресом:

Письмо не затерялось. Из Международного подготовительного комитета его передали руководителям испанской делегации. Потом перевели на испанский язык. Письмо было написано по-русски.

Дорогие товарищи из Испании!

Обращаются к вам с просьбой советские пионеры. Мы живем на Украине, в городе Долины, Станиславской области. В нашей школе организован интернациональный клуб, или, как мы его называем, клуб дружбы. Мы уже подружились и переписываемся со многими зарубежными ребятами. Но, к сожалению, мы очень мало знаем о жизни ваших школьников. У нас еще нет друзей в Испании. Очень просим вас: пришлите, пожалуйста, нам адрес какой-нибудь испанской школы или адреса отдельных учеников.

С горячим пионерским приветом
пионеры города Долины.

Наверно, вы подумаете: ну, что тут особенного — просят адрес и все. Каждый из вас наверняка такие письма писал, и потом завязывалась переписка. Однако на этот раз такая простая просьба — прислать адрес — оказалась невыполнимой.

Испанские товарищи ответили вам, ребята из города Долины.

Но прежде чем вы прочитаете этот ответ, хочется, чтобы вы представили себе тех, кто его писал.

Мы не можем показать вам их фотографий, не можем назвать имен. Друзья на фестивале не фотографировали их на память и не спрашивали, как их зовут. Каждому хотелось оградить их от опасностей. Ведь все знали, что малейшая неосторожность — и делегатов этой страны встретят на родине тюремные застенки.

...Вот уже более двадцати лет, как спустилась над Испанией беспросветная ночь фашизма.

Все эти годы провел в тюрьмах поэт-борец Маркос Ана. Дважды приговаривали его к смертной казни, и только недавно удалось вырвать его из тюрьмы. «У меня болит душа и глаза от того, что я видел»,— рассказывал он на фестивале. Да, легендарный поэт Испании приехал на фестиваль, чтобы сказать молодежи всего мира: «У меня только одна молодость — молодость идей. И я вместе с вами».

В один из первых дней фестиваля Маркос Ана встречал тех, кто пришел в интернациональный клуб на вечер солидарности с борьбой испанского народа. Представители Франции, Италии, Советского Союза, ФРГ, Португалии и других стран пришли сюда, чтобы пожать руки бесстрашным патриотам Испании. С вечера они унесли священные сувениры — флажки, сделанные узниками тюрьмы Бургос специально для участников фестиваля.

...Ребята из города Долины, разверните недавние газеты, и вы увидите пламенные строки:

3 ТЫСЯЧИ... 5... 12 ТЫСЯЧ ШАХТЕРОВ ИСПАНИИ ВНОВЬ ПРЕКРАТИЛИ РАБОТУ

АСТУРИЯ ОХВАЧЕНА МОЩНОЙ ВОЛНОЙ ЗАБАСТОВОК

Буря народного гнева проносится над Испанией

ПАТРИОТЫ ИСПАНИИ ГОТОВЯТСЯ К РЕШИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЕ!

Испания борется

Астурия — знамя свободы

Мы, члены Союза коммунистической молодежи Испании, вместе с молодежью других антифранкистских организаций боремся против существующего режима — режима несправедливости, террора и насилия.

Борьба наша полна опасности и трудностей, но она прекрасна. Полицейские репрессии Франко обязывают нас к суровой конспирации, но мы стремимся сочетать легальную и нелегальную работу. Ведь революционно настроенные молодые испанцы помогают нашей организации, ищут возможности связаться с нами. А есть и такие, которые пока еще не участвуют в борьбе. Просто они с чувством симпатии относятся к Советскому Союзу, к революционной Кубе и Фиделю Кастро.

С мая этого года, когда бастовали шахтеры Астурии, наша организация выросла почти вдвое. Но это вовсе не означает, что нам стало легче работать. Репрессии продолжаются, становятся еще более жестокими.

Весной этого года были арестованы Рамон Ормасабаль, Грегорио Родригес и другие

К рабочим всего мира обращаются испанские коммунисты с призывом: «Оказать помощь шахтерам Астурии, которые героически защищают хлеб своих детей и профсоюзные свободы!».

Когда читаешь эти строки, становится ясно, что в наши дни идут те самые классовые бои, о которых нам известно только из учебников истории.

Придет время, и мы узнаем имена борцов за свободную Испанию. Народ сложит о них прекрасные песни. Этих людей недаром называют «племя героев». Их мужеством и бесстрашием гордится все человечество.

Один из них говорит сегодня с вами на страницах нашего журнала.

Теперь вы понимаете, почему он не может назвать своего настоящего имени, почему не может дать адреса испанских школьников, почему о многом не рассказывает вам.

Прислушайтесь сердцем к этим скупым строчкам: с вами говорит Испания.

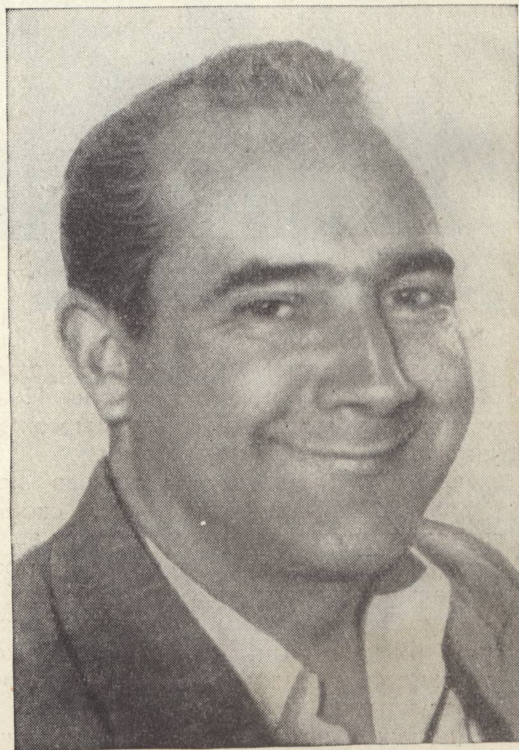
ЮНЫМ ПИОНЕРАМ ГОРОДА ДОЛИНЫ

Дорогие друзья!

Ваше письмо мы получили на фестивале. Вы поступили правильно, написав в Хельсинки. Это была единственная возможность связаться с нами.

Свое письмо мы отправляем тоже из Хельсинки. Иначе мы не уверены, что вы его получите.

Я хочу рассказать вам о нашей жизни и борьбе.

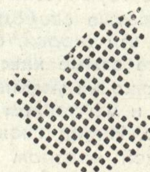
Этот человек приговорен к двадцати годам тюремного заключения. Двадцать лет каменного плена — так хотят расправиться испанские фашисты с Рамоном Ормасабалем, членом ЦК Коммунистической партии Испании, героическим вожаком забастовщиков. Но мы верим: Рамон Ормасабаль будет свободен!

Этот рисунок — тоже борец. Он появился в мае этого года в знак поддержки забастовок шахтеров. По сути дела, это даже не рисунок, а листовка — боевая, настоящая листовка, призыв к борьбе.

Под рисунком слова: «Солидарность с шахтерами в борьбе». Эти слова — взрывчатка, эти слова — динамит, эти слова — хлеб для забастовщиков; за такие лозунги фашистская полиция бросает в тюрьму. В этих словах главное — единство рабочего класса.

Мы не можем назвать имени художника, автора этой листовки. Франкистская полиция посадила его в тюрьму, но искусство не спрячешь за решетку, оно вместе с народом, вместе со всем миром. На Варшавском фестивале демократической молодежи автор этих рисунков получил золотую медаль.

видные деятели-антифранкисты. Их ждут десятилетия тюремного заключения.

Мы будем бороться за их освобождение, протестовать против новых репрессий. И мы знаем, что, хотя вам немного лет, мы можем рассчитывать на вашу поддержку.

Испанская молодежь, рожденная под игом франкизма, не знает, что такое свобода, справедливость и демократия.

Молодежь у нас не имеет права на профессиональное образование, а зачастую и на работу. Очень многим молодым людям под угрозой нищеты и безработицы приходится покидать родину, познавать тяжкие дороги эмиграции.

Вам, конечно, интересно узнать, как живут в Испании дети, школьники вашего возраста.

Во всех испанских школах обязательно изучение религии, а в школах-интернатах — еще ежедневная церковная служба.

Помимо этого, государство ввело недавно еще один обязательный предмет. Он называется «формирование национального духа». На этих уроках детям внушают, что политика диктатора генерала Франко справедливая.

Большинство испанских школ находится сейчас в руках церкви.

Многие рабочие и крестьяне все же вынуждены отдавать своих детей в такие школы, потому что хитрые церковники не берут денег за обучение, а в государственных школах надо платить.

Часто ребята, которым по 12—13 лет, должны идти работать.

Итак, вы смогли убедиться, как трудно живется испанской молодежи, испанским детям.

Мы не можем с этим мириться.

Наша борьба становится с каждым днем все упорнее.

Мы будем бороться до полной победы свободы, демократии и социализма в Испании.

ХОРХЕ,
член Союза коммунистической молодежи Испании.

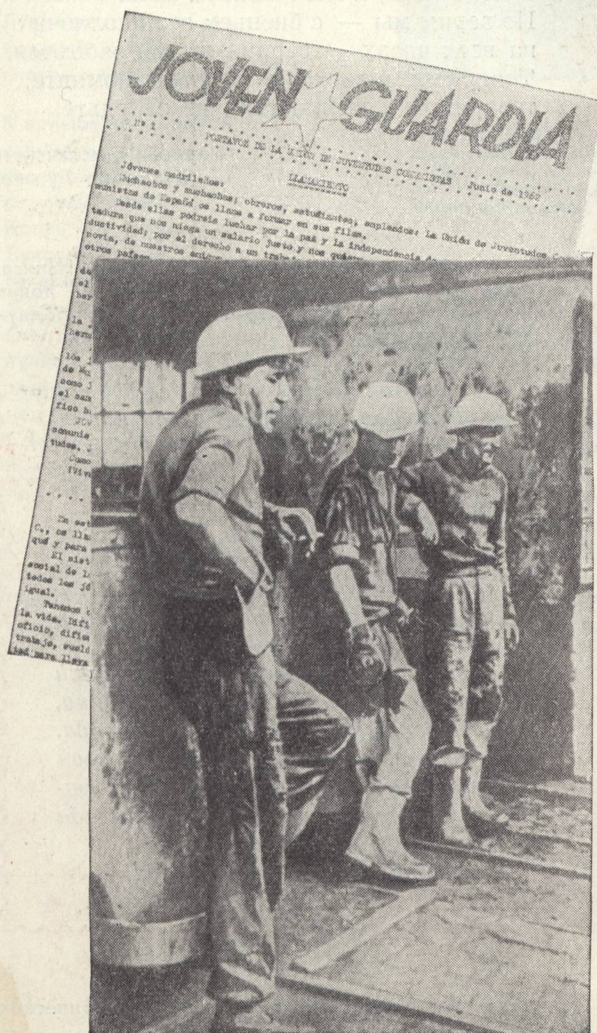
10 августа 1962 года,
Хельсинки.

Вы прочитали письмо, и, наверное, каждый задумался: как же помочь тем, кто сражается в Испании. Ведь пока на земле еще идет борьба за свободу, борьба с фашизмом, это касается всех нас, советских людей.

Вот что говорили на фестивале испанские товарищи советской молодежи:

— Каждый ваш шаг вперед — наша победа против Франко. Русское слово «Восток», написанное на заборах Барселоны, дает нам силу и уверенность в гибели фашизма!

В этих словах—высокая оценка того, что делает советский народ, в этих словах — ответ на наш вопрос.

JOVEN GUARDIA

Junio de 1962

Jóvenes madrileños:

Muchachos y muchachas; obreros, estudiantes, empleados: la Unión de Juventudes Comunistas de España os llama a formar en sus filas.

«Амнистия политзаключенным!» — вот чего добиваются сейчас испанские антифранкисты. Тысячи борцов томятся в тюрьмах.

А после майских забастовок Франко обрушил на испанских демократов новую волну арестов, пыток, несправедливых приговоров и ссылок.

Весь мир поддерживает борьбу испанского народа в защиту политзаключенных. На митингах и демонстрациях люди разных стран произносят короткое слово: «Амнистия!». Это слово написал на своем плакате и советский художник.

А на стенах домов в Испании снова и снова появляется огромная буква «А» — голос за освобождение политзаключенных.

◀ Вот они, шахтеры, гордость рабочего класса Испании. В этом году весь мир с волнением следит за их мужественной борьбой.

У рабочего класса учится молодежь Испании. В трудных условиях подполья Союз коммунистической молодежи начал выпускать нелегальную газету «Молодая гвардия». Вверху на снимке — первый номер этой газеты. «Молодая гвардия» зовет молодежь Испании объединить свои силы в борьбе с фашизмом.

МАРКОС АНА

Испанскому поэту Маркосу Ана было всего восемнадцать лет, когда франкисты бросили его в тюрьму. А когда он вышел на свободу, ему уже было за сорок лет.

Его стихи из тюрьмы через друзей передавались на волю и печатались во многих странах мира. Когда Маркос Ана был освобожден, ему как представителю испанских политзаключенных вручили Золотую медаль Всемирного Совета Мира...

Романс без десяти минут в полночь

Товарищи, в двенадцать ровно, помните,
товарищи, в двенадцать, не забудьте, —
пусть в унисон биенью этой полночи
на всех часах — сердца людей забьются;
и полуночной тьмою не задержано —
сквозь темноту — тому биенью вслед
пусть вырастает молодое дерево,
и пусть ему названьем будет — свет!

Друзья мои, под синими полотнами
небес мятежных мы себя открыли.
Сегодня крылья многие поломаны —
попробуем опять расправить крылья.
Мы молоды опять, мы племя гордое,
не памятники мы, так станем вновь
не на подножья — на уступы горные,
куда из ран стекала наша кровь!

Товарищи, в двенадцать ровно, помните,
товарищи, в двенадцать, не забудьте, —
пусть в унисон биенью этой полночи
на всех часах — сердца людей забьются:
И — темень полуночная расколота,
и кажется, что факелы вокруг —
горят сердца! И бьется, бьется колокол,
и за решетки взялись сотни рук...

На нас надели стены наших камер.
Но и сквозь стены наш протест пророс.
Пусть плачет камень, он на то и камень,
а мы борцы, и мы не знаем слез.
Но верим мы — с биеньем этой полночи
на всех часах — сердца людей забьются...
Товарищи, в двенадцать ровно, помните,
товарищи, в двенадцать, не забудьте!

Перевел с испанского
Владимир Луговой

Это письмо недавно пришло из Испании. Написал его двенадцатилетний мальчик Педро, сын политзаключенного. Он благодарит свою двоюродную сестру за посылку.

Дорогая сестра!

Большое спасибо тебе за посылку. Ты знаешь, мы сейчас живем только тем, что нам помогают родственники.

Наш папа в Бургосе[1]*, и одна мама работает, и то, когда может и когда работа есть. Вот уже три месяца она без работы и ничего не зарабатывает. Мы очень нуждаемся сейчас: ведь ты знаешь, у меня еще три брата — Хуан, восьми лет, Антонио, четырех, и Манолито, ему два года.*

Я знаю, дорогая сестра, что мой папа очень хороший. Когда он работал, все его любили, он никогда не делал ничего плохого.

Дорогая сестра, целую тебя.

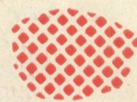
Педро.

Гражданские гвардейцы — вот кто помогает Франко душить забастовки и разгонять демонстрации, вот на чьих штыках держится фашистский режим.

[1] Бургос — тюрьма в Испании для политических заключенных.

Мигель Эрнандес, коммунист, выдающийся поэт революционной Испании, умер в тюрьме двадцать лет назад. Но его стихи продолжают сражаться, хотя фашисты запретили печатать и распространять их: они знают силу поэзии Эрнандеса.

Мигель ЭРНАНДЕС

Луковая колыбельная

Посвящается сыну. Стихи написаны после письма от жены, из которого Эрнандес узнал, что она питается только луком и хлебом.

Окраина Барселоны. Район Плайя де Соморростро. Один из тысяч испанских мальчишек...

Ради него сражаются лучшие люди Испании — шахтеры и студенты, художники и поэты, коммунисты и демократы. Ради этого мальчишки, ради тысяч таких же, как он, ради будущего Испании.

Лук — это иней,
бедный, холодный.
Иней дней твоих детских
и моей ночи.
Лук — это голод,
круглый, огромный,
снегом запорошенный.

В колыбели голодной
сыночек качался.
Луковой кровью
сыночек питался.
Кровь его стынет.
Луковый голод,
сахарный иней...

Смуглая женщина
лунной капелью
плачет и плачет
над колыбелью.
Смейся, сыночек,
лунную нежность
пей сколько хочешь.

Смех твой дает мне
крылья свободы.
Рушит тюремные
темные своды.

И на губах,
где он тает,
сердце мое пылает.

Я уж, печальный,
проснулся от детства.
Не просыпайся,
смейся и смейся.
Чтоб в колыбели
детские сны твои
пели и пели.
Птицей взмываешь
в небо бездонное,
сам ты как небо
новорожденное.

Меж лун, напоенных
лишь луковым снегом,
живи, мой сыночек.
Про горе не ведай
покуда.
А впрочем —
будь твердым, сыночек.

Перевела с испанского
Инна Тынянова.

¡SOMOS LA JOVEN GUARDIA QUE VA FORJANDO EL PORVENIR!

«Мы — молодая гвардия, будущее — в наших руках!» — это слова из песни революционной испанской молодежи. Как и у нас, эта песня называется «Мы — молодая гвардия».

Буденовка

И. ЧУТКО

Рисунки П. Кирпичева.

В субботний вечер я Алешу спать не торопил, и мы прочитали до конца всю «Сказку о Мальчише-Кибальчише». А ночью Алеша стонал, ворочался и все звал далекую Красную Армию.

Раза два или три просыпался. Потом к нам постучала Вера Сергеевна, соседка.

— Ай-яй-яй! — сказала она.— Это же — несчастье! А врачи — где они, врачи? Жди их... Надо сейчас вот что: дать ребенку чаю с малиной, и пусть он все же уснет и на всякий случай пропотеет.

Она принесла сушеной малины и на заварку целебного китайского чаю. А Алеша показал ей картинку: в подземелье, на каменном полу из огромных плит, стоит маленький босой Мальчиш. Руки и ноги Мальчиша скованы тяжелыми цепями, стерегут его страшные буржуинские солдаты.

— Да-да-да! — сказала Вера Сергеевна.— Ай-яй-яй!

И сунула Алеше карамельку «Дюшес».

Утром мы с Алешей ушли гулять. Думали на мультфильмы попасть, на какие-нибудь повеселее.

Вот идем мы по улице Горького. Еще рано было, солнце только-только поднялось над домами. И видим: за воротами со львами на столбах — зеленая пушка с длинным стволом. На лафете блестит начищенная медная пластинка, а на ней что-то написано.

Алеша взял меня покрепче за руку и толкнул приоткрытую чугунную калитку.

Это мы в Музей Революции попали да так и остались там, пока весь не обошли.

— А в кино,— решил Алеша,— в другой раз.

Редкие утренние посетители разбрелись по залам, и мы почти все время оставались одни. Было тихо. За стеклами стендов спокойно стояли старые винтовки в пирамидах, чернели наганы. Алеша долго рассматривал шашку с орденом, вделанным в рукоять; сверху, на клинке, лежала диковинная шапка — буденновский шлем.

Задумавшись, Алеша протянул к нему руку. Из угла сразу же поднялась дежурная.

— Мальчик, мальчик! Не нажимай на стекло! Посмотрел — и хватит...

Алеша вздохнул и отошел ко мне. Мы сели на диванчик у стены.

Начало припекать. От железных полос за окнами струился вверх нагретый воздух, и по солнечным прямоугольникам на полу бежали быстрые волнистые тени. Смотреть на них — будто на огонь смотреть: рассказывать легко и слушать интереснее.

И я рассказал Алеше про моего товарища Витьку Беседина и про его буденовку.

Я с ним познакомился задолго до войны, когда мы переезжали в новый дом. Только он давно уже не новый и совсем не такой высокий, каким казался тогда.

Помню гулкие голоса в пустой квартире, шуршание газет на полу. Взрослые носили вещи, а меня послали гулять, чтобы не путался под ногами.

Была весна. Блестели лужи и сосульки, на газонах потемнел и осел нетронутый снег. Там торчали привязанные к колышкам тоненькие яблоньки; зимой они, наверно, еле видны были из-под снега, зато к весне сразу вытянулись и уже пробовали качаться на влажном ветру, как большие.

Капли воды летели, сверкая, с высокого карниза и с громом били по крыше над спуском в котельную. Спуск был огорожен решеткой, а на решетке висел парнишка в полушубке, со светлым чубом из-под кубанки.

Я повис рядом и тоже стал смотреть вниз, где за открытой дверью, в темноте, гудели большие печи; оттуда тянуло жаром, сырым угольным теплом.

Парнишка сказал, что его зовут Витькой. А я, помню, не успел ему ответить: снизу, из темноты, вышел чумазый кочегар с белыми глазами, увидел нас, облизнулся и полез наверх.

Я соскочил с решетки, хотел бежать. Витька тоже слез на землю, но засмеялся и зачем-то потянул в стороны штанины.

— Нашел кого пугаться, дядю Федю! Это ведь он от угля страшный, а так — ничего... Котельную нам показывал, там как на паровозе от бронепоезда...

— А я и не боюсь! — сказал я, останавливаясь.— Просто мне домой пора... А ты зачем штаны дергаешь?

— Ха! У меня валенки черные, как сапоги... Вообще, если по-правильному, то так и надо говорить: валяные сапоги, а не просто валенки! А брюки — видишь, какие широкие? Если их вот так вот поправлять все время, они сделаются, как галифе... «Чапаева» видел? А «Волочаевские дни»?

...Он был намного старше меня, уже кончал второй класс, а я только осенью шел в первый. И все же, вернувшись из школы и покончив с уроками, Витька приходил за мной или свистел мне со двора долгим разбойничьим свистом.

И уж я гордился! Думал: вот я какой, со мной большие водятся!

А вскоре у меня появилось острое желание, тайная надежда: когда-нибудь, в будущем, во всем сравняться с Витькой.

Теперь я, конечно, могу спокойно в этом признаться, а тогда, хоть и понимал, но ни за что бы никому не сказал, что Витька-то ко мне приходил не столько из-за меня самого, сколько из-за нашего соседа, комбрига Николая Петровича Чернышева. Во всяком случае, первое время — только из-за него.

Комбригова комната была маленькая, окном на задний двор. Ее потом, после войны, отдали Вере Сергеевне.

Комбриг жил один, дома бывал редко, и то ненадолго приезжал. Приедет, примет душ, перекусит — и обратно к себе на Арбат, в Реввоенсовет. Такая уж у него была служба, тогда нам тоже отовсюду войной грозили.

Как только у него в комнате зажигался свет,— если, конечно, было не слишком поздно,— Витька тащил меня со двора домой. И стучит-шумит, бывало, в прихожей, чтобы Николай Петрович услышал.

А тот и сам, когда мог, звал нас к себе. Помню, был у него альбом с фотографиями. Большой альбом, в синем кожаном переплете. Там все больше военные были, его товарищи. Некоторые в буденовках и с шашками на боку. И под карточками написаны даты и названия разных городов, сел. Мы их на картах находили: Серогозы, Юшунь, Спасск, Чжалайнор...

Николай Петрович рассказывал про тех, кто на фотографиях был. Иногда какой-нибудь город он называл по-военному: населенный пункт. А мне нравились другие, звучные слова: командарм, плацдарм, огневая ударная бригада.

Как-то раз он достал из стола деревянную коробку. В ней лежал промасленный забинтованный маузер. Николай Петрович разбинтовал его, вытер и дал нам подержать по очереди.

Этот тяжелый холодный маузер был именной подарок от Фрунзе за Каховку.

Каховка, Каховка! Родная винтовка!
Горячая пуля, лети...

Ну как тут было Витьке не дружить со мной?

Когда сошел снег, Николай Петрович привез саженцы-трехлетки «золотой китайки» и позвал нас выбрать для них место. Мы пошли на задний двор, где тогда еще не было газонов и где стоял глухой забор, весь в ржавых гвоздях. За забором тянулась тихая улочка со старыми деревянными домишками, маленькими садиками и зелеными скворечнями.

Витька достал из кармана рогатку и горсть гладких, один к одному, камней. Возле забора, в хламе, мы нашли чернильницу-непроливайку и нацепили ее на гвоздь.

— На! — протянул мне Витька рогатку.— Попробуй сперва ты.

Я стрельнул раз, другой. Потом камень улетел за забор. Витька вырвал у меня рогатку и прислушался.

Нет. Ни звона, ни крика с глухой улицы. Пронесло.

— Ну, смотри теперь!

Он выбрал круглый, вроде старинной пули, камень, вложил его в петлю рогатки и натянул резину так, что она заныла, вздрагивая.

Я зажмурился. В воздухе гуднуло, словно его тонким прутом рассекли, и от гвоздя, где висела чернильница, брызнули белые искры.

— Вот это да! — сказал Николай Петрович. — Тебя учили или сам достиг?

— Сам. Я уже с каких лет стреляю!

Комбриг взял рогатку, задумчиво покачал ее на пальце и протянул обратно Витьке.

— И сделано хорошо, с любовью... Только бандитская это штука, ребята. А в городе, в такой вот тесноте — и подавно. Можно своему же, красному, нечаянно в глаз засветить.

Да. После этого один только раз Витька взялся было за рогатку. И чуть беды не наделал. Нет, носить-то он ее все время носил — вдруг шпион попадется или диверсант,— но даже не вынимал на улице до того случая.

Это было осенью, когда я пошел в первый класс, а Витька в третий. Скоро его должны были принимать в пионеры.

Николай Петрович узнал об этом и спросил, что, по-моему, лучше всего подарить Витьке.

— По-моему, лучше всего от военной формы что-нибудь! — говорю я.

Он только засмеялся.

— Ишь,— говорит,— гвардия!

Вот однажды сидим мы с Витькой у нас, уроки делаем. И видим, как в дверь несколько раз заглянул Николай Петрович. Мы заторопились. Думали, он ждет, когда мы кончим, чтобы к себе позвать.

Оказывается, нет. Он хотел только, чтобы Витька отвернулся. И дождавшись, быстро подошел к нам и надел на чубатую Виткину голову кавалерийскую буденовку. Настоящую, с голубой нашитой звездой и с красной приколотой...

— Носи, пионер! И береги ее, как настоящий красноармеец!

Витька осторожно встал, держась за буденовку на голове, не решаясь даже снять ее, чтобы посмотреть. Так и к зеркалу подошел.

— А как же... разрешение, Николай Петрович?

— Разрешение?

— Ну да... Чтобы звезду носить. Нельзя же, кто не в Красной Армии!

— Ага... Ну, скажи на милость!.. Тогда вот что: если тебя остановит патруль, можешь говорить, что но-

сить звезду лично тебе разрешил комбриг Чернышев, с которым ты будешь служить, когда вырастешь!

С того вечера Витька стал сам на себя не похож: серьезный, молчаливый. Мне кажется, Николай Петрович заметил бы это и что-нибудь сделал. Или я ему сказал бы. Но мы не видели его с того дня и до самого сбора.

Впрочем, может, мне только теперь кажется, будто я мог что-то сказать комбригу про Витьку... Ведь я не обижался, когда Витька всего лишь разок дал мне подержать буденовку и тут же ее забрал. Он говорил — а я знал, что это так и есть,— он говорил, что для бойца буденовка со звездой — все равно что знамя для всего полка: потерял — и вон из армии!

Или верни, чего бы это ни стоило.

Так вот. Нас тоже пустили на концерт после сбора, когда Витькин класс приняли в пионеры. Мы пришли, помню, слишком рано и долго бегали по школе. А на этажах становилось все темнее и темнее.

Потом в большом актовом зале зажгли люстру, и все расселись по местам, оставив несколько рядов впереди свободными для новых пионеров.

На сцену поднялись горнисты и вскинули серебряные трубы. Под бой барабанов в зал вошел Витькин отряд. На них на всех были летные шлемы. Только не настоящие, а сшитые из мягкой серой материи, вроде байки. Витька тоже получил такой, я видел, но здесь он надел не эту тряпочную игрушку, а свою кавалерийскую буденовку!

Горнисты ушли, отряд занял свои места. В зале поднялся было шум, но тут же стал стихать. Многие смотрели туда, где сидел Витька.

К нему протискивалась, потирая руки, худая старуха с молоденькой Витькиной учительницей. Старуха эта, директор школы Елена Алексеевна Поплавская, что-то раздраженно твердила учительнице, а та краснела и молчала. Только старалась не отстать от Поплавской или — еще того хуже — не наткнуться на нее.

Рядом со мной шептали (наверно, это были учителя):

— Бедная Лидочка! Хорошо, если здесь все кончится. Не дай бог, завтра еще и в кабинет вызовут!

— Погодите! Что с парнем-то сейчас будет!

Уже в совершенной тишине Поплавская говорила отчетливо, как это умеют только актеры и старые, опытные учителя:

— ...Повторяю, тот, кто нарушает хотя бы мельчайшие нормы, установленные для всех, тот не лучше, а хуже всех! Несогласных мы в школе не задерживаем. Больше того, мы их просим расстаться с нами!

Она сняла с Витьки буденовку и сунула ее себе под мышку.

— Беседин, завтра после уроков зайдете ко мне вместе с Лидией Игнатьевной.

И она ушла, подталкивая учительницу.

Люстра медленно погасла. Красный занавес, освещенный снизу, колыхался, и по залу метались багровые отсветы.

Учительница опустилась на откидной стульчик и нервно пригладила волосы. Витька сидел поникший; я еще подумал: «Неужели он смирился, неужели ничего не сделает?»

Но вот он встал и выбрался, пригнувшись, в проход. Поплавская в первом ряду оглянулась на стук сиденья и теперь следила за Витькой, не отрываясь. А он шел неторопливо, будто задумавшись.

И вдруг, проходя мимо Поплавской, метнулся к ней, рванул у нее свою буденовку и отпрыгнул назад. Поплавская взмахнула руками, вскочила, ее пенсне звякнуло о паркет и заскользило, крутясь, за Витькой. Он отбил его дальше, прыгнул еще раз, и стекла захрустели под его каблуками.

Кто-то кричал, чтобы зажгли свет и позвали дворника. Завуч держал дверь, никого не выпускал. Боялся, что Витька убежит.

Витьку, конечно, схватили. Дворник хотел заломить ему назад руки, но тут между ними бросилась учительница и вцепилась ногтями в красную лапу дворника.

— Вы с ума сошли, это же мальчик! Елена Алексеевна!

Поплавская прижимала к вискам белые пальцы, тихо стонала:

— Как хотите... Немедленно в милицию! В трудовую колонию!

Дворник усмехнулся, сгреб в кулак Витькину куртку на плече и поволок его к выходу. Сначала, еще в школе, Витька упирался, а потом перестал. Зачем? Только люди на улице смотреть будут.

В сутолоке я незаметно выбрался из зала и спрятался в темном коридоре, пока все снова не успокоились, пока из зала не донеслась приглушенная песня: «Взвейтесь кострами, синие ночи! Мы пионеры, дети рабочих...»

Я спустился в раздевалку и позвонил по автомату Витьке домой.

Трубку никто не снимал. Я подумал, что на прошлой пятидневке Витькина мать бы-

ла вечерами дома. Значит, теперь ее смена ночная. А сестра, наверно, у подруги. Да это и не страшно, если сестре сообщат: она за Витьку будет, она же его знает!

К милиции я бежал проходными дворами — хотел перехватить Витьку, успокоить его насчет дома.

Но опоздал. А зайти в милицию побоялся. Там дежурный сидел, стал бы спрашивать, кто я да зачем явился. А что я мог ему ответить?

Пока я придумывал, что сказать, из милиции вышел дворник, закурил на крыльце папироску и пошел в школу. Да так неторопливо, будто доброе дело сделал.

Два милиционера на мотоцикле привезли пьяного. Пьяный грязно ругался и плакал, с хлюпом вытирая рукавом нос. И никак не хотел идти, валился на землю и лягал милиционеров. Тогда ему тоже заломили руки за спину и головой вперед втолкнули в дверь.

Возле овощной палатки по соседству валялись пустые ящики. Я взял два. Милиция занимала первый этаж, хотя довольно высокий — там еще был полуподвал. Я ставил ящики один на другой, залезал на них и заглядывал в комнаты. А меня оттуда почти не видно было, на улице совсем уже стемнело.

Я нашел Витьку. Он стоял против окна у стены и пил воду. Рука у него дрожала, вода выплескивалась на рубашку, оставляла темные пятна на новом галстуке.

Спиной ко мне сидел милиционер и быстро писал, не глядя на Витьку.

Я стал размахивать руками, чуть с ящиков не упал. Наконец Витька поднял на меня опухшие глаза, покосился на милиционера и потихоньку сделал мне знак рукой. Уходи, мол. Ничего тут не поделаешь.

Я слез с ящиков и дождался его на другой стороне улицы.

Мы вернулись к школе. Вернее, Витька вернулся, а я шел с ним, не понимая, зачем он это делает.

Концерт уже кончился, школа была заперта. Во дворе, за оградой полисадника, горел свет только в директорской квартире. Из открытой форточки доносились голоса и стук посуды.

Я сказал:

— Вить, пошли отсюда! Еще хуже будет, если увидят.

— Хуже теперь не будет. Все равно, школа — до свидания!

Он подошел к ограде — до окна оставалось шагов пять — и достал из кармана рогатку и камни. Я отошел в тень и стал следить, не появится ли кто-нибудь во дворе. И так ясно представил себе, как сейчас осколки посыплются на рыхлую клумбу под окном, как закричат у директора те, кто там собрался!

Вдруг Витька спрятал рогатку и вернулся ко мне.

— Ну уж нет! Сначала я тебя домой отведу, а потом вернусь сюда один. Пойдем!

Я не хотел уходить, но он и слушать не стал. Сам привел меня домой, нажал звонок.

Мы ввалились в темную прихожую, не заметив, кто нам открыл. И как-то сразу, припоминаю, оказались в комнате у Николая Петровича. Он стоял перед нами почему-то в шинели, видно, сам только что пришел. И был не то злой, не то испуганный и расстроенный.

— Ну! — говорит.— Где были после милиции?

Витька молчал. Николай Петрович смотрел на нас выжидающе.

— В школе были,— буркнул наконец Витька.

— В школе?

— В школьном дворе.

— Зачем?

— Она мне за все ответит!...

Николай Петрович протянул руку.

— Значит, не успели еще? Ну, давай! Давай сюда оружие!

Он достал коробку с маузером и сверху аккуратно положил туда Витькину рогатку.

— Вот так! Получишь, когда поумнеешь. И запомни: то, что вы хотели сделать,— это самосуд! Карается нашими законами, ясно? Теперь вот еще что. Я бы на твоем месте зашел завтра в милицию к тому товарищу, который тебя допрашивал,— его фамилия Миронов,— и спросил бы, кто из ребят нашего двора сказал ему про тебя. Кто ему посове-

товал мне позвонить?.. Я хочу познакомиться с этим парнем. Его можно взять в товарищи на войне.

Утром в школе некоторые держались от Витьки подальше. А на первом уроке к ним в класс вошел завуч. Конечно, из-за Витьки. Хотел его выгнать.

Тогда учительница ему говорит:

— Виктора Беседина на уроки допустила я!

А Витька еще никому в классе не сказал, как кончилось вчерашнее. И учительнице не успел сказать, хотя собирался.

На перемене за Витькой прибежали. В школу — кто-то увидел — шел милиционер.

Это был Миронов.

После уроков Витьку вызвали к директору. Вернулся он с буденовкой.

Сережа, шофер Николая Петровича, рассказал нам позже, что когда комбригу позвонили из милиции, он тут же отпросился с какого-то совещания и уехал. Об этом Сережа узнал у других шоферов. А сам Николай Петрович ему ничего не говорил.

— Про то, что задумал, комбриг никому не сказывает. Факт, что в беде не оставит, это уж будьте спокойны!

С тех пор прошло без малого тридцать лет. Двор наш изменился: выросли и плодоносят яблони, и «золотая китайка» прижилась на заднем дворе; а наши корпуса, раньше издалека видные среди окрестных домишек, теперь сами кажутся маленькими рядом с соседними великанами.

Каждый год в первое воскресенье марта в школе бывает вечер встречи. И всякий раз на вечере наступает тяжелая минута: кто-нибудь заговаривает о погибших на войне Борисе Лаврентьеве, Ирочке Козыревой, Витьке Беседине и о многих других...

Витька провоевал меньше года. В то время Чернышев командовал их корпусом. Он был далеко, на другом участке фронта, и когда приехал в село, где похоронили Витьку, его проводили на братскую могилу на площади. Жители села обещали к осени справить солдатам железную ограду, отковать из обломков снарядов, валявшихся по полям.

Теперь Николай Петрович в отставке. Он живет в нашем же доме, только в другой квартире. Дома его застать по-прежнему трудно: все у него дела — то в военкомате, то в исполкоме... Но в хорошую погоду он иногда сидит во дворе, отдыхает. Старичок как старичок. Возвращаясь с работы, я присаживаюсь к нему, спрашиваю о здоровье. Бывает, смотрит он на меня долго-долго и, кажется мне, думает: а каким был бы сейчас твой чубатый друг Витька? Таким же, как ты, или лучше?

И тогда у меня появляется тайное желание, острая надежда: во всем сравняться с Витькой — с таким Витькой, каким его хотел бы видеть Николай Петрович.

Рысья доха Мяника Мянигияна

Баал ХАБЫРЫЫС.
Рисунки В. Федяевской.

Про Мяника Мянигияна [1]
Вы, наверно, слыхали не раз.
Это он от зимы окаянной
Камыши приозерные спас.
Осень знает свои повадки:
Первый снег засверкал серебром.
Синеватым, холодным и гладким
Затянулось все озеро льдом.
И Мяник стал играть в хатыыску [2]
И услышал вдруг: что-то шуршит;
И увидел он: кланяясь низко,
Колыхаясь, шуршат камыши.
И подумал он: «Что это значит?..
Не шуршали так в теплые дни.
Почему они стонут и плачут?..
Очевидно, замерзли они».
Он сказал камышам: — Ах, бедняжки!
Вы под ветром продрогли насквозь.
Жалко вас, и смотреть на вас тяжко,
Тяжело и обидно до слез!..
С каждым часом теперь холоднее.
И дела у вас, братцы, плохи.
Чтоб согрелись вы, не пожалею
Я для вас своей рысьей дохи!
На клочки он доху разрывает,
Теплым мехом камыш укрывает.
Добротой своей — верьте не верьте —
Камыши он спасает от смерти!
Пожалей он доху, не росли бы
Они в нашей озерной глуши.
— За хорошее дело спасибо,—
Шепчут, тихо шурша, камыши.
Если верить, друзья, не хотите,
На осенний камыш поглядите:
Лютый холод ему не помеха:
Весь он в шапках из рысьего меха!

Перевел с якутского Николай Глазков.

[1] Мяник Мянигиян — герой многих якутских сказок.
[2] Хатыыска — одна из любимейших игр якутских ребят. Заключается в том, чтобы разбежаться и как можно дальше проскользить на ногах по льду.

В городе Гайдаре, на улице Радости

На этюды.

Рисунок Оли Городничевой.

Видели ли вы когда-нибудь, как собирается на рыбную ловлю рыболов? Он проверяет удочки, бежит покупать дополнительные крючки и блесны, месит тесто на подсолнечном масле для прикорма рыб, бережно упаковывает в рюкзак маленький пузырек, где лениво шевелятся отвратительные белые личинки больших жирных мух — опарыш... Словом, хлопот у него полон рот. Зато он приезжает к реке во всеоружии и гордо и спокойно спит в палатке короткие рыбацкие ночи.

Художнику собраться на этюды так же сложно и хлопотно, как рыболову на рыбалку. Надо взять с собой альбомчик для набросков, листы белой плотной, тугой бумаги для больших этюдов, найти хорошие, мягкие карандаши, кисти многих размеров, баночку для воды, акварельные краски, тушь для набросков, да мало ли что еще! А тут в последний момент, как назло, ломается старенький складной стульчик, и надо его сбивать, то и дело попадая молотком по неловким от волнения пальцам. Трудно собираться на охоту, за чем бы ты ни охотился — за быстрыми ли зайцами, за серебряными веселыми рыбами или за красотой летнего леса, высокого неба и белых облаков, которые собираешься поймать на кончик своей кисти.

Но вот наконец все позади: сборы, поезд, двенадцатикилометровый переход, — и на берегу прозрачной речушки Лидь, недалеко от большой деревни Поток, стоят белые палатки, а на высоком шесте прикреплена дощечка, где аккуратно красной темперой выведены слова: «Город Гайдар».

Приходит первая спокойная ночь. Город Гайдар спит. Спит проспект Мечтателей, улица Радости и коротенький Хозяйственный тупик. Поднимаясь до самых звезд, спят огромные, черные в темноте сосны. В белых полотняных домиках, положив под подушки пионерские галстуки, спят 70 усталых строителей города Гайдара — ленинградские мальчишки и девчонки. Перемазанные красками с ног до головы, спят 17 выехавших на этюды художников. Нахмурив черные, густые, как у Карабаса-Барабаса, брови, спит их любимый учитель, руководитель студии Ленинградского Дворца пионеров Соломон Давыдович Левин. Забытый около палатки, покрывается росой желтенький складной стульчик... Но вот поднимается солнце. Река из черной становится белой, потом сиреневой, потом розовой. С сосен в розовую воду падают прошлогодние колючие, как ежи, шишки. Новенькие маленькие шишечки, величиной с вишню, крепко держатся за ветки. Наконец из палатки вылезает горнист. Он смотрит на солнце, подтягивает трусы и поднимает к губам сверкающий, поющий, звенящий горн. Город Гайдар просыпается. По мокрой холодной траве веселые, взлохмаченные мальчики и девочки, размахивая полотенцами, бегут к прозрачной речушке Лидь. Вспыхивает костер. Над костром кипит огромное ведро чая. В костре печется картошка.

После завтрака жители города Гайдара забираются в грузовики и уезжают на совхозные поля. Все, кроме художников. Художники выходят на охоту. Длинной цепочкой они идут вдоль деревни Поток, смотрят на старые березы, серебряные от лишайников, с мелкой серой листвой, смотрят на густо покрытые цветами кусты сирени, растущие у небольших темных изб, смотрят на древние валуны — огромные камни, много тысяч лет тому назад оставленные на этих полях могучим ледником, отступавшим на север, смотрят на белые облака...

Завтрак. Рисунок Кати Зайчик.

Читали ли вы когда-нибудь про храброго охотника Соколиный Глаз и про последнего юношу из племени могикан — зоркого Ункаса? Там, где белый солдат проходил по лесу, ничего не замечая, следопыты по сломанным веткам, потревоженным листьям, по еле заметно примятой траве могли рассказать о жизни леса — о прошедших людях, пробежавших животных, об отдыхавших на ветках птицах. Но разве следопыт сразу рождается следопытом? Нет. Его надо учить. Его надо учить смотреть. Художников тоже надо учить смотреть. Поэтому впереди цепочки сверкающих красными галстуками художников, как Соколиный Глаз, идет Соломон Давыдович Левин. Его черные быстрые глаза из-под густых, косматых бровей видят все сразу. Они видят, как под столетними елями, за тысячелетними валунами притаились древние сказки: вот-вот выскочит из-за камня Серый Волк или выкатится румяный Колобок. Они видят, как с серебряными самолетами пролетает над белыми облаками наше будущее. Что это там засверкало на небе? Может быть, это спускается чужой звездолет и чужие зрачки расширяются от удивления, глядя на наши ели и березы? Но ничьи глаза не увидят наши ели и березы так, как видит их Соломон Давыдович Левин, потому что Соломон Давыдович — художник. Он видит одновременно и трепет березовой листвы, и солнечное кружево зайчиков, лежащее на ветках березы, тысячи оттенков цвета, миллион переливов света. И Соломон Давыдович рассказывает своим ученикам о том, что он видит. Он открывает им красоту, которую разглядеть очень трудно, но которая притаилась в каждой веселой травинке, в каждом белом облаке, в каждой могучей сосне. Так опытный следопыт показывает своим ученикам чуть-чуть примятую траву, оборванную бороду лишайника, пожухший на сломанной ветке лист.

Художники учатся смотреть. Наконец каждый выбирает себе место, где он будет рисовать. На протяжении двух километров расставлены складные стульчики, разложены на камнях, на бревнах, на смятых плащах карандаши и краски. В стаканы налита вода. Художники старательно работают.

Соломон Давыдович не ленится. По дорогам и прямо по полям, мимо домиков и колодцев он шагает от одного художника к другому. Он учит их смешивать краски, класть мазки, правильно вести линии. И все время, не уставая, он учит их смотреть.

— Вот так так! — говорит Соломон Давыдович круглоголовому румяному Жене Щербакову, серьезному мальчишке в больших очках. — Да у тебя деревья и трава одного цвета! Посмотри внимательно: трава всегда голубоватая, холодная, светлая, потому что миллиард травинок, как маленькие зеркала, отражают синеву неба. А листья деревьев обращены к земле. Коричневые отблески земли делают их желтоватыми, красноватыми, теплыми. Я уже не говорю о почти оливковых соснах...

У Жени широко открываются глаза. Он с любопытством смотрит на миллион блестящих травинок, ловящих, как зеркальца, небесную голубизну, и на круглые листья деревьев, как маленькие лопаточки, обращенные к земле. Потом он смешивает краски и начинает переписывать этюд. А Соломон Давыдович в это время отшагал уже полкилометра и говорит Ире и Тамаре Сироткиным, сестрам-близнецам:

— Эх! А ведь деревья, бревна, камни у вас очень похожи друг на друга. Разве вы не видите, что все вещи разные? Есть вещи-взрослые, и вещи-детки, и вещи-старики. Есть вещи совсем незаметные, а есть такие, которые громко кричат о себе...

Сестры поднимают глаза от бумаги и вдруг впервые замечают березу-старуху, толстую, седую, с жидкой листвой, и белоствольную молодую березку, с листьями ярко-зелеными, как нарезанный мамой весенний салат...

Солнце стоит высоко в небе. Потом оно начинает медленно спускаться. Тени удлиняются и темнеют. Но художники знают: тени не черные, они голубые. Еще сегодня утром Соломон Давыдович сказал:

— Посмотрите, как голубой воздух, словно вата, плотно набит в тенях...

Вот что значит быть художником! Это значит знать тысячу примет, миллион законов и видеть так, как будто у тебя не два глаза, а целая сотня!

Постепенно закрывается этюдник за этюдником. Художники выливают из баночек розовую, желтую, зеленую, голубую и серо-буро-малиновую с крапинками воду, захлопывают коробки с красками, прячут рисунки в папки или этюдники и идут в «мастерскую». Человек, который строил маленький дощатый сарайчик на берегу реки Лидь рядом с упавшей в воду могучей, еще не пожелтевшей сосной, конечно, не подозревал, что семнадцать неунывающих художников превратят сарайчик в мастерскую, в музей, в склад материалов и в место шумных собраний.

Мальчишки и девчонки с этюдниками на плечах, усталые, обожженные солнцем, искусанные комарами, входят в прохладу и в полусумрак сарайчика. Они достают кнопки и прямо на дощатую стену своей «мастерской» прикалывают только что оконченные, еще не просохшие этюды. Потом оглядывают стены.

В этом маленьком музее чуть ли не каждый час происходят перемены. Кто написал темперой ярко-желтые купавы, сверкающие, как множество маленьких солнц, на фоне ярко-красной стены? Конечно, это Андрюша Ларионов. Ему не нравится прозрачная акварель.

— Живопись должна передавать темперамент художника, — заявил Андрей в первый же день ошеломленному такой категоричностью суждений Соломону Давыдовичу. — А акварель не может передать никакой темперамент. Я хочу работать темперой.

И Андрюша пишет темперой, накладывая ее густо, как масляную краску. Так любил работать Рембрандт, про которого современники говорили: «Он кладет такие горы краски, что его портреты можно прямо-таки схватить за нос!..» Так же можно «схватить» выступающие из плоскости бумаги купавы Андрюши.

Рядом с купавами висит написанный акварелью этюд сосен. У сосен темно-зеленые, в некоторых местах почти синие кроны и освещенные солнцем золотисто-красные стволы. Это работа Эмика Погорельского. Эмик — лентяй. Мама даже специально звонила Эмику из Ленинграда, чтобы сказать ему: «Не ленись!» Но раз в год ленивый Эмик делает самую лучшую в студии Соломона Давыдовича работу, на которую с завистью смотрят его товарищи и говорят: «Что было бы, если бы Эмик работал столько, сколько мы!» Но не думайте, что Эмик работает мало. Он просто работает меньше остальных. Вот и сейчас, сразу же после обеда, Эмик спешит от костра на улицу Радости, чтобы взять маленький альбомчик и палочкой, обмакнутой в черную тушь, сделать быстрые и точные наброски.

Почему охотник должен уметь быстро стрелять? Потому что птица не будет ждать. Не будет ждать художника и спешащая за водой девчонка, едущая по дороге машина, плывущее облако, летящий над деревом ветер. Надо быстро увидеть их и быстро нарисовать. Что значит быстро? На этот вопрос больше ста лет назад

Мы варим обед. **Рисунок Иры Семеновой.**

ответил своим ученикам французский художник Делакруа. «Ты должен научиться рисовать человека, выпавшего из окна четвертого этажа, за то время, за которое он долетает до земли», — совершенно серьезно сказал Делакруа. И художники с улицы Радости следуют совету Делакруа. Они вывешивают на соснах сделанные с быстротой молнии карикатуры на жителей города Гайдара. Они ловят на кончик быстрой и точной палочки сидящих, лежащих, смеющихся, спорящих, обедающих, играющих в мяч ребят. Они приносят Соломону Давыдовичу свои наброски, и Соломон Давыдович, окинув их быстрым взглядом из-под черных лохматых бровей, сердито буркает:

— Никуда не годно! — и объясняет, почему, или радостно говорит:

— Вот это наконец удача!

Так проходит три недели. Три недели упорной работы. Три недели жизни в палаточном городе Гайдаре, на улице Радости, под огромной раскидистой сосной. И опять стучат колеса поезда...

Видели ли вы когда-нибудь, как возвращаются охотники с охоты и с рыбной ловли рыболовы? Рыболов сам варит янтарную уху из колючих маленьких ершей и жарит на большой сковородке полосатых окуньков и зубастую щуку. Охотник привозит тяжелых глухарей и маленьких куропаток. Он обметает оставшейся еще от зимней охоты белой заячьей лапкой простой кухонный стол и с торжеством кладет на него свои трофеи.

А художники привозят этюды. На белых листах бумаги, на грубых холстах навсегда остаются леса и дороги, по которым прошел художник, и люди, которых художник встретил.

И все они — рыболовы, охотники и художники — привозят с собою из далеких походов зоркие глаза и ловкие руки...

Ариадна ЖУКОВА

Владимир ОРЛОВ

Море спит

На воде звезда
Блеснула,
На звезду вода
Плеснула.
Ветерок утих, и вскоре
Улеглось ночное море.
Поворочалось, вздохнуло
Еле слышно и легко
И нечаянно уснуло
Глубоко-преглубоко.

Осторожная медуза

Над морем туча
Разгружалась.
Ударил дождик о волну.
Дождя медуза испугалась
И вмиг нырнула в глубину.
Плывет медуза под водою,
Глядит испуганно кругом
И держит зонтик над собою,
Чтоб не промокнуть
Под дождем.

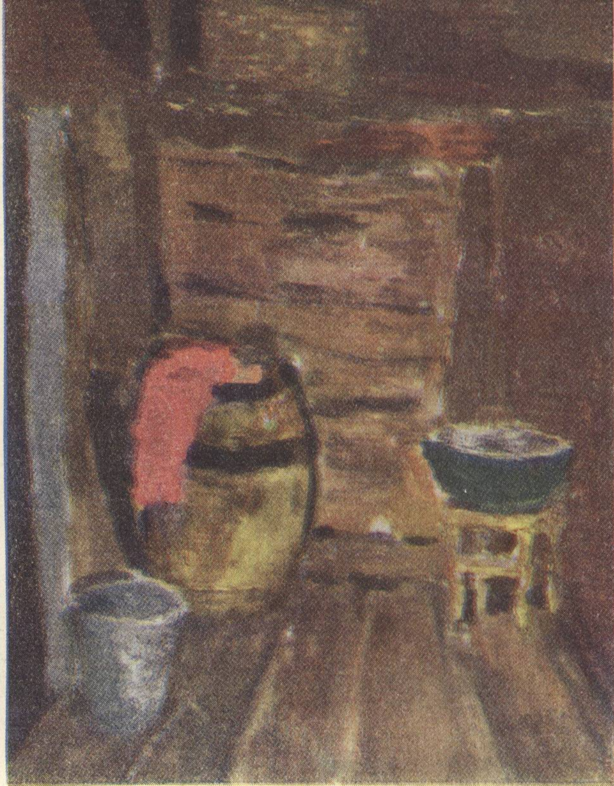
Мощный траловый и сельдяной флот — гордость мурманских рыбаков. Пятую часть всего улова страны — вот сколько рыбы он привозит к берегам незамерзающего Кольского залива! На снимке: в Мурманском рыбном порту

Фото В. Минкевича.

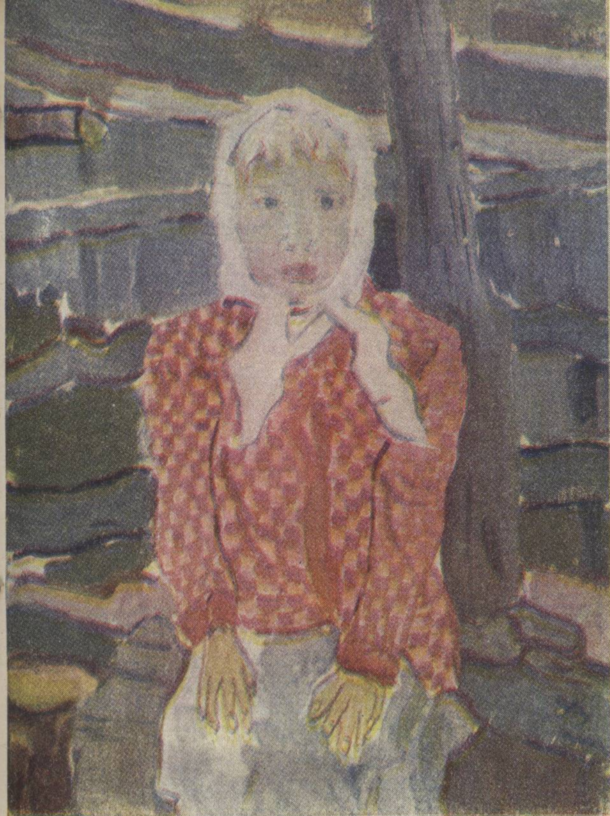
ВОТ КАК РИСУЮТ ХУДОЖНИКИ ИЗ ГОРОДА ГАЙДАРА!

НАТЮРМОРТ — Валерий Радкевич, 14 лет.
СЕНИ — Андрей Ларионов, 13 лет.
ДЕРЕВНЯ ПОТОК — Андрей Ларионов, 13 лет.

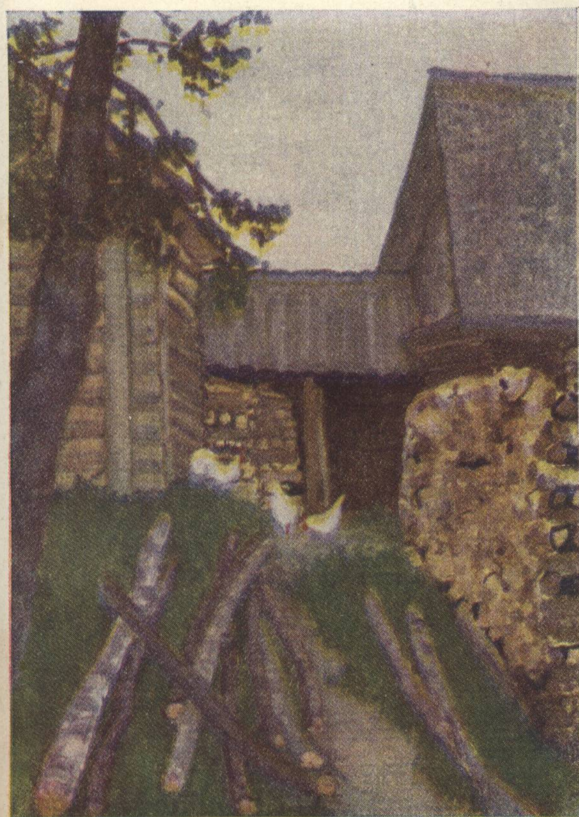

ДЕВОЧКА	Саша Симуни, 15 лет.
МЫ РАБОТАЕМ	Катя Зайчик, 15 лет.
ХОРОШИЙ ДВОРИК	Лена Пейсина, 13 лет.
ВЕЧЕРНИЙ РАЗГОВОР	Ира Семенова, 15 лет.

Эти снимки сделаны в тундре, за Полярным кругом. Здесь, как и повсюду в нашей стране, бурно кипит трудовая жизнь. Растут большие города, день и ночь вращаются турбины электростанций, идут на-гора́ уголь, руда.

Много никелевых руд на Кольском полуострове. В городе Мончегорске работает крупный комбинат «Североникель». Вот цех, где электричество плавит металл.

А вот теплица в шахтерском городе Воркуте. Для жителей Заполярья, и малышей и взрослых, свежие овощи — круглый год. Видите, какой тут обильный «огуречный» урожай!

Фото В. Минкевича
и А. Гостева.

КАК ПАПА УЧИЛСЯ В ШКОЛЕ

Александр РАСКИН

Рисунки Л. Токмакова.

Дорогие ребята!

Вышло так, что я написал две книжки для вас. Я много рассказывал своей дочке о том, как ее папа был маленьким. Потом я записал эти рассказы. Первая книга так и называется «Как папа был маленьким». Может быть, вы ее читали? Теперь я написал про свою школу, своих товарищей и про свою первую учительницу.

Мы очень любили свою школу. И мне было очень интересно вспомнить все то, о чем здесь рассказано. Мне кажется, что ребята и девочки в разное время и даже в разных странах всегда в чем-то похожи. А я жил и учился в Москве. И я очень хотел, чтобы рассказы о том, «как папа учился в школе», вам понравились и научили вас чему-нибудь хорошему. Я никогда не был примерным мальчиком. Поэтому мне хочется думать, что вам не будет скучно.

Во всяком случае, мне хочется узнать ваше мнение об этих рассказах. Обещаю не обижаться, если кому-то они не понравятся. И постараюсь, чтобы следующие мои книги были лучше. Я придумал еще книгу — о том, как папа был пионером.

В общем, мне кажется, что мы будем друзьями. Желаю всем вам здоровья и счастья. Это нужно и большим и маленьким.

С уважением

А. Раскин.

КАК ПАПУ ДЕВОЧКИ ОБИЖАЛИ

Когда папа был маленьким и начал учиться в школе, часто можно было видеть такую картину. Кончилась перемена. Прозвенел звонок. Опустели все коридоры. Все школьники сидят на своих местах. И только один маленький папа стоит у дверей класса и горько плачет. Он плачет, а в классе все хохочут. И когда учительница идет в класс и видит эту картину, она сразу все понимает.

— Ну, что, мальчик,— говорит она с улыбкой,— опять тебя девочки обижают?

И маленький папа, горько плача, кивает головой.

Почему же девочки обижали маленького папу? И как они это делали? А очень просто. Когда все прибегали с перемены, девочки занимали парту маленького папы. Три, а то и четыре девочки сидели за этой партой и громко смеялись, глядя на маленького папу. А он был очень тихим и стеснительным мальчиком. У него до школы была только одна знакомая девочка — Маша. И он вообще старался держаться подальше от девочек. А девочки это заметили. И стали его дразнить. Вот как все это получилось.

Когда вы просто сидите рядом с одной девочкой, это еще можно стерпеть. Но когда четыре девчонки сидят на вашем месте и помирают со смеху, глядя на вас, это совсем другое дело. А когда вместе с ними хохочет весь класс, то это уже невозможно выдержать. И маленький папа убегал из класса и горько плакал за дверью. А классу, конечно, было очень смешно смотреть на все это. Другие мальчишки говорили маленькому папе:

— Что ты на них смотришь? Гони их со своей парты. Толкни вот эту! Вот так, чтобы помнила.

И они толкали ту девочку, которая смеялась громче других и чаще всех дразнила маленького папу. Это была очень бойкая и очень симпатичная

девочка. Кажется, ее звали Тамара. Или Галя. Одним словом, или Вера, или Люся. Но скорее всего Валя. И она, наверно, очень хорошо понимала, что нравится маленькому папе больше всех девочек в классе. Девочки всегда это понимают. Может быть, поэтому она и смеялась так громко. Она смеялась, а маленький папа плакал.

Наконец, все это надоело учительнице. И однажды, войдя в класс вместе с рыдающим маленьким папой, она сказала так:

— В классе шестнадцать девочек и восемнадцать мальчиков. Шестнадцать девочек дразнят одного и того же мальчика. Спрашивается: почему они не дразнят остальных семнадцать? Кто может решить эту задачу?

Весь класс засмеялся. Тогда учительница повторила:

— Почему дразнят только одного мальчика? Я спрашиваю совершенно серьезно. И прошу мне ответить.

Тогда все замолчали. И только девочки тихонько хихикали. Один мальчик поднял руку и сказал:

— Потому что он плачет.

— Совершенно верно! — сказала учительница под общий смех.— Ведь мы давно договорились, что лучше смеяться, чем плакать. Ты помнишь это? — спросила она маленького папу.

И он, плача, сказал:

— Помню...

— Смотри же, не забывай,— сказала учительница,— а то девочки будут обижать тебя всю жизнь...

Маленькому папе совсем этого не хотелось. И в следующий раз, когда девочки сели за его парту и стали смеяться, он уже не плакал. Он просто пошел и сел на место той девочки, которая ему нравилась. И тогда все стали смеяться над ней. Она, конечно, не заплакала, но перестала смеяться. С тех пор девочки перестали обижать маленького папу. Они даже подружились с ним. И всю жизнь его обижали только мальчики. Но ведь мальчики всех обижают. На то они и мальчики.

КАК ПАПА ОБМАНЫВАЛ УЧИТЕЛЬНИЦУ

Когда папа был маленьким и учился в школе, он очень любил свою учительницу. И все ребята ее любили. Она была высокая, некрасивая, всегда носила только темные платья. Это взрослые говорили, что она некрасивая. Маленькому папе она казалась очень красивой. И звали ее так: Афанасия Никифоровна. Она была веселая и строгая. Но важнее всего было то, что она была очень справедливая. И все ребята знали: если Афанасия Никифоровна сердится и кричит на них, значит, они виноваты. Никогда она не кричала на ребят зря. И у нее не было любимчиков. Она любила всех своих учеников. И на каждого могла рассердиться. Если он шалил или не сделал уроков. Все ребята знали, что Афанасия Никифоровна работает в этой школе уже двадцать лет. Все знали, что у нее нет семьи: мужа убили на гражданской войне, а маленький сын заболел дифтеритом и умер еще до войны. И все знали, что она не любит хвастунов, жадин и ябедников.

На уроке Афанасии Никифоровны всегда было очень интересно. Поэтому все сидели тихо и слушали. Однажды маленького папу укололи в спину булавкой. Было очень больно. И он крикнул:

— Ой!

Тогда учительница спросила:

— Что это значит? Почему ты нам мешаешь?

Маленький папа молчал.

И учительница сказала:

— Выйди из класса.

Маленький папа встал и пошел к двери. Но тут закричали две девочки. Они кричали:

— Его Зайчиков уколол!

И тогда Афанасия Никифоровна сказала:

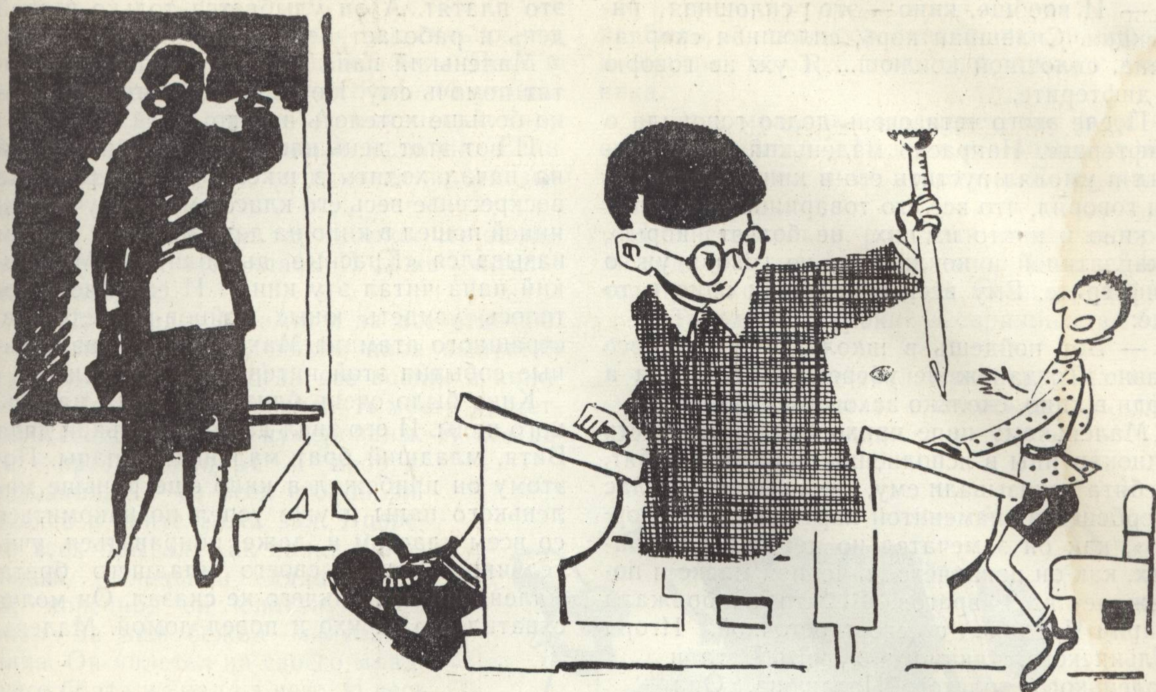
— Пусть выйдут из класса тот, кто кричал, тот, кто колол, и те, кто ябедничает. Правильно я говорю?

И все закричали:

— Правильно!

И девочки вышли из класса вместе с маленьким папой и Зайчиковым. Маленький папа шел и плакал. Ему было очень обидно, что его сначала укололи, а потом выгнали. Зайчиков шел и смеялся над девчонками и маленьким папой. Но видно было, что ему не так уж весело. Девочки не смеялись и не плакали, но им тоже было обидно!

На следующий день маленький папа пришел в школу с большим гвоздем. И когда

Афанасия Никифоровна повернулась к ученикам спиной и стала писать на классной доске, маленький папа вынул свой гвоздь и уколол Зайчикова в руку. Зайчиков завопил так громко, что маленький папа даже испугался. Афанасия Никифоровна очень рассердилась.

— Опять Зайчиков? — сказала она.

— Это не я-а-а... это меня-а-а...— простонал Зайчиков, держась за руку.

— Ах, вчера ты, а сегодня тебя? Очень интересно. Кто же уколол Зайчикова?

Все посмотрели на маленького папу. Но все молчали. Никто не хотел ябедничать. И даже Зайчиков замолчал и только тихо всхлипывал.

— Кто же это сделал? — спросила Афанасия Никифоровна своим самым сердитым голосом. Маленький папа так испугался, что вдруг сказал:

— Я его не колол...

Тогда Афанасия Никифоровна спросила:

— Чем же ты его не колол?

И маленький папа быстро ответил:

— Вот этим гвоздем.

Тут все засмеялись так громко, что прибежал учитель из соседнего класса. Он спросил:

— Афанасия Никифоровна, чему вы так радуетесь?

— Мы радуемся тому, - сказала Афанасия Никифоровна,— что один мальчик не колол другого вот этим гвоздем, тот не кричал и весь класс не ябедничал. И никто не обманывал свою старую учительницу.

Тут всем ребятам стало очень стыдно. И все стали сердито смотреть на маленького папу. И он встал и сказал:

— Вчера меня кололи, и я кричал. Сегодня я сам его уколол, и он кричал. А я врал.

Тут маленький папа помолчал и сказал.

— Я больше не буду, Афанасия Никифоровна.

— И я не буду,— сказал Зайчиков, но погрозил папе кулаком, и ему никто не поверил.

Афанасия Никифоровна сказала:

— Врать — хуже всего.

И маленький папа больше ей не врал никогда.

КАК ПАПА ХОДИЛ В КИНО

Когда папа был маленький, его долго не пускали в кино. Ему говорили:

— Тебе еще рано... Успеешь. Ничего там нет хорошего.

Это говорили дедушка и бабушка. А тетя добавляла:

— И вообще, кино — это сплошная инфекция. Сплошная корь, сплошная скарлатина, сплошной коклюш... Я уж не говорю о дифтерите.

После этого тетя очень долго говорила о дифтерите. Напрасно маленький папа просил и умолял пустить его в кино. Напрасно он говорил, что все его товарищи уже ходят в кино и никто из них не болеет корью, скарлатиной и коклюшем, не говоря уж о дифтерите. Ему всегда отвечали одно и то же:

— Вот пойдешь в школу, тогда уж все равно. Тогда уж не убережешься. Тогда и ходи в кино, сколько захочешь.

Маленькому папе приходилось смотреть кинокартины в исполнении знакомых ребят. Ребята показывали ему, как прыгает Дуглас Фербенкс в знаменитой картине «Знак Зорро», как он замечательно дерется на шпагах, как он появляется в черной маске и побеждает всех врагов. Ребята изображали Чарли Чаплина с его тросточкой, Игоря Ильинского, длинного, худого Пата и маленького, толстого Паташона. Они старались изо всех сил, они делали все, что могли. Они скакали верхом друг на друге, показывая знаменитого ковбоя Вильяма Харта.

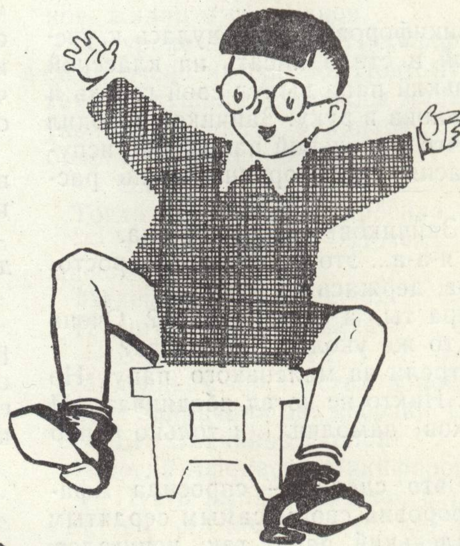
А еще маленький папа слышал, как взрослые говорили про улыбку Мэри Пикфорд: «Это изумительно!»

— Какая такая у нее улыбка? — спрашивал папа у своих товарищей. И один мальчик стал ему показывать, как улыбается артистка Мэри Пикфорд в картине «Когда растает снег». Он очень старался, и все ребята говорили, что он улыбается даже лучше, чем Мэри Пикфорд. Тем более, что она улыбается уже много лет и ей за это платят. А он улыбается только второй день и работает бесплатно, для товарища.

Маленький папа понимал, что ребята хотят помочь ему. Но от всего этого ему только больше хотелось в кино.

И вот этот день наступил. Маленький папа начал ходить в школу. И в первое же воскресенье весь его класс вместе с учительницей пошел в кино на детский сеанс. Фильм назывался «Красные дьяволята». Маленький папа читал эту книгу. И ему очень хотелось увидеть юных бойцов-разведчиков, страшного атамана Махно и все удивительные события этой интересной повести.

Кино было очень близко от дома маленького папы. И его знал даже маленький дядя Витя, младший брат маленького папы. Поэтому он прибежал в кино еще раньше маленького папы и уже успел познакомиться со всем классом и даже понравиться учительнице. Увидев своего младшего брата, маленький папа ничего не сказал. Он молча схватил его за ухо и повел домой. Малень-

кий дядя Витя расплакался так сильно, что выронил изо рта сразу три конфеты. Дело в том, что девочки из папиного класса угощали его со всех сторон. А маленький дядя Витя был очень вежливый мальчик. Если ему давали конфету, он никогда не отказывался.

Дядя Витя плакал так громко, что за него заступился весь класс. И даже учительница сказала:

— Пусть идет с нами, я за все отвечаю.

Услышав это, маленький папа выпустил ухо своего брата. Тогда все вошли в кинотеатр. Тут зазвенел звонок. А места на детский сеанс были не нумерованы. И все дети — организованные и неорганизованные — со всех сторон ринулись в зрительный зал. Впереди всех прыгал, как заяц, счастливый маленький дядя Витя. И, конечно, он споткнулся и упал. За ним бежал маленький папа. Он налетел на своего младшего брата и упал на него. И весь класс, который организованно бежал за братьями, организованно рухнул на них. Это было очень тяжело. Особенно для тех, кто оказался внизу. И маленький дядя Витя, прыгавший, как заяц, теперь закричал, как заяц, когда его схватит собака. Тогда закричал и маленький папа. Но тут подбежала папина учительница и еще два учителя из других школ. Они остановили толпу. Они подняли маленького папу и дядю Витю. И папа и дядя были в синяках и в царапинах. Поэтому их обоих сразу отправили домой, как пострадавших. И тетя, увидев синяки и царапины, радостно сказала:

— Я же говорила!

И долго еще маленького папу не пускали в кино после этого случая. Но потом всетаки пустили. И он посмотрел «Красных дьяволят». И много других картин. И он до сих пор очень любит кино. И дядя Витя тоже.

КАК ПАПА ОПАЗДЫВАЛ

Когда папа был маленьким, он ходил в школу, как все дети.

Но все дети приходили к началу занятий. А маленький папа всегда опаздывал. Иногда он опаздывал даже на второй урок. И это очень удивляло учительницу. Она говорила, что такого мальчика в их школе еще не было. А директор сказал, что, наверно, в других школах тоже нет такого ученика.

— Этот мальчик опаздывает, как часы! — сказал директор.— И даже его родители ничего не могут с ним поделать. Я вызывал их два раза.

И действительно, родители ничего не могли поделать с маленьким папой. Каждый вечер происходила одна и та же история.

— Ты сделал уроки? — спрашивала бабушка.

— Сейчас...— отвечал маленький папа.

— Перестань читать и садись делать уроки! — говорил дедушка.

— Сейчас,— отвечал маленький папа,— только дочитаю страницу.

Маленький папа дочитывал страницу и начинал следующую. Он просто не в силах был бросить интересную книжку и сесть за скучные уроки.

— Брось книгу!

— Сейчас...

— Брось книгу!

— Сейчас...

Наконец у дедушки и бабушки лопалось терпение. Они вырывали у маленького папы книгу.

— Вырастешь лентяем! — говорили они.

Тогда маленький папа очень обижался. Он долго плакал и требовал свою книгу обратно. Он говорил, что, пока ему не вернут книгу, он все равно ни за что не сядет за уроки.

Так незаметно проходил вечер. Когда маленький папа наконец садился за уроки, он быстро засыпал. Его будили. Он опять засыпал. Его опять будили. Он все равно засыпал. Его все равно будили. И он делал уроки в каком-то полусне. Так незаметно проходила часть ночи. Наконец, усталые, дедушка и бабушка сами засыпали.

Утром начиналась другая история.

— Вставай! — говорила бабушка.

— Сейчас...— бормотал маленький папа.

— Вставай! — кричал дедушка.

— Сейчас...

— Вставай!

— Сейчас!

— Опоздаешь!

— Сейчас...

— Уже опоздал...

— Сейчас...

Все знают, как трудно встать рано утром, если лег поздно вечером. Самый сладкий сон как раз в это время. Особенно если тебе надо идти в школу.

Пока маленький папа медленно вставал, медленно одевался, медленно умывался, медленно пил чай и медленно собирал свои тетрадки, проходило очень много времени. И вот он бежал в школу, с ужасом глядя по дороге на все часы.

Когда маленький папа, задыхаясь, вбегал в класс, все ученики помирали со смеху. Смеялась даже учительница.

— А, вот и наш мальчик-опоздальчик! — говорила она. И это было очень обидно.

А в школьной стенгазете маленький папа был нарисован крепко спящим в своей постели. Рядом с ним были нарисованы его родители. Они обливали его холодной водой из двух ведер сразу. Огромный будильник тянул маленького папу за ухо. И какой-то мальчик с трубой дудел ему прямо в другое ухо. Все это называлось: «Баюшки-баю». И это тоже было очень обидно. Но он опять опаздывал.

Делая уроки в последнюю минуту, маленький папа делал их не очень хорошо. Опаздывая в школу, он пропускал объяснения учителей, и это мешало ему хорошо учиться.

Кроме того, он все время куда-то спешил, опаздывал, бежал, волновался. И это плохо отражалось на его характере. Но он все равно опаздывал.

Мне бы очень хотелось рассказать, как родители маленького папы наконец что-то придумали, и он перестал опаздывать.

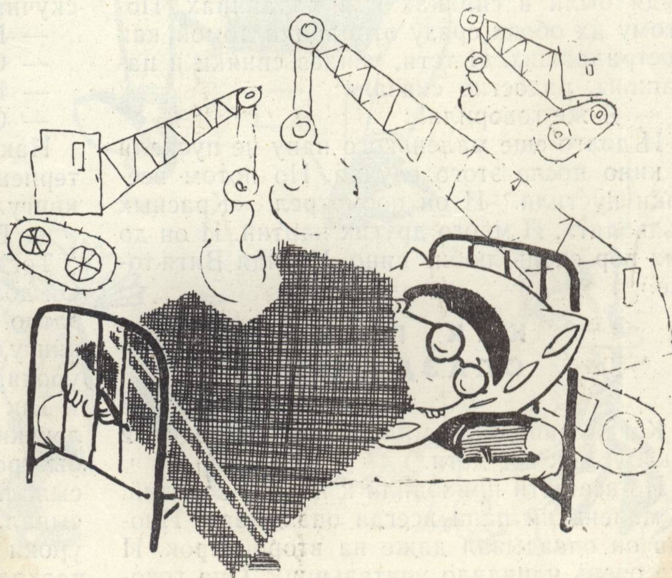
Я бы с удовольствием рассказал, как учителя и ученики смеялись над маленьким папой так обидно, что он в один прекрасный день пришел в школу раньше всех и с тех пор не опаздывал ни разу.

Но я не хочу говорить неправду.

Маленький папа всюду опаздывал всю свою жизнь. Он опаздывал в школу. Он опаздывал в институт. И на работу он тоже опаздывал. Над ним всюду смеялись. Его наказывали. Его ругали и стыдили. И он очень много потерял в жизни из-за этой несчастной привычки. Он опаздывал в театр и смотрел спектакль без начала. Он опаздывал в гости, и на него очень обижались и даже иногда просили больше совсем не приходить. Он приходил по делу и портил это дело своим опозданием.

А сколько раз он встречал Новый год на пустой улице, опаздывая на встречу с друзьями! Скольких людей он подвел!

Сколько смешных и обидных историй любят рассказывать о нем его знакомые... До сих пор маленький папа не может ходить по улице медленно. Он всегда спешит. Он привык куда-то опаздывать. И даже ночью ему снится, что он опять куда-то опоздал. И он вздрагивает и стонет во сне. А иногда ему снится, что он опять стал маленьким. Опять бежит в школу. И весело смотрит на часы. Еще рано! Ему снится, что он не опоздал. Все его поздравляют. Директор школы преподносит ему цветы. Его портрет вешают в школьном зале. И тут он всегда просыпается. И ему кажется, что теперь он не опаздывал бы в школу. Но это ему только кажется.

По речкам, по болотам, по тайге

Юрий СОТНИК

Наша страна богата полезными ископаемыми, особенно Сибирь и Дальний Восток. Комсомольские вожаки Иркутской области призвали молодежь помочь геологам. Сотни молодежных походов как бы слились в один грандиозный народный поход. Он длится уже четыре года.

Конечно же, не отстают от комсомольцев и пионеры. Сейчас в Сибири, пожалуй, нет ни одной школы, ученики которой не побывали бы в геологических походах.

Об одном таком походе вы прочитаете здесь.

Соленое озеро.

ПАССАЖИРСКАЯ БАРЖА

Найдите на карте реку Лену, ведите по ней пальцем до тех пор, пока не отыщете маленький таежный городок Киренск. Тут же вы увидите речку Киренгу — приток Лены.

Почти трое суток плыли мы на маленькой пассажирской барже вверх по этой речке. Мы — это тридцать пять ребят из Киренского детского дома, несколько воспитателей, Станислав Францевич, о котором я вам потом расскажу, три собаки — Мишка, Верный и Лапчик — и я. Мы отправились в геологический поход.

Мне, москвичу, было очень интересно на этой барже. Почти всю ее занимала деревянная надстройка с каютами, в большинстве которых разместились наши путешественники. На крыше надстройки, точнее, на верхней палубе, тоже ехали пассажиры: колхозники, лесорубы, командированные из Киренска, рабочие геологической партии и... еще несколько собак. Кое-где торчали ружья, хотя пора охоты еще не наступила; на палубе лежали стружки — маленькие лодки, выдолбленные из ствола дерева. Собака на этой барже — обычный пассажир, ружье и лодка — обычный багаж. Собаку и ружье берут в тайгу, не только когда идут охотиться,— они нужны для самообороны: здесь немало медведей, а в это время (в конце июня) они голодны, поэтому настроение у них скверное. Без лодки здесь тоже не обойдешься: она нужна рыболовам и тем, кто живет на маленьких речках, где нет судоходства. Доплывет человек на барже до какого-нибудь пункта, спустит свой стружок и продолжает путь уже на нем.

Баржа шла впереди, а сзади, упершись носом в ее корму, гудел мотор водометного толкателя «Мирный». Рядом с ним тащились два шитика — две большие лодки, поднимающие каждая до трех тонн.

На каждый шитик было погружено по моторке. Это был наш флот — флот путешественников из детского дома.

«Мирный» — суденышко маленькое, но двигатель у него мощный — 180 лошадиных сил. Он все время работал на полных оборотах, а тащилась баржа не быстрее пешехода. На вершинах скалистых прибайкальских гор (их здесь называют гольцами) таяли снега. Киренга разбухла от воды и неслась, стремительно закручиваясь бесчисленными водоворотами, громко журча у берегов, поросших тайгой.

Здесь немало опасных мест. Капитан толкателя показал ребятам одно такое место, которое называется Бычек. Тут, почти у отвесной скалы, крутит водоворот диаметром около ста метров. Сравнительно недавно в него угодил буксировщик с баржей, и их долго трепало здесь, прежде чем они выкарабкались. От страха один из пассажиров даже выскочил на скалу.

Попала в переделку и наша баржа, только это было ранним утром, когда все пассажиры спали. Рулевой допустил оплошность: баржа больше чем нужно подставила свой бок течению. Напором воды ее вместе с «Мирным» развернуло сначала поперек реки, а через несколько секунд «Мирный» оказался впереди, а баржа сзади. Шкипер рассказывал потом, каких трудов стоило команде, чтобы суда снова заняли обычное положение: «Мирный» сзади, баржа впереди.

ГОША И ПУШЕЧКА

Другое приключение произошло немного позднее тем же утром: в нашей каюте свалился со второй полки Пушечка. Мы со Станиславом Францевичем всполошились, опасаясь сотрясения мозга, уложили Пушечку плашмя на нижней полке, но он лежать на ней не стал. Он сел, сладко зевнул и потянулся.

— Это я не со сна упал. Я просто слезть хотел,— пояснил он и полез на вторую полку. Полежал там немного и спросил: — Завтрак скоро?

Узнав, что завтрак еще не скоро, он взял какую-то книгу, начал было читать, но через две минуты заснул.

Пушечке (Володе Пушмину) тринадцать лет. Он очень маленький, очень коренастый и очень курносый. Сначала он мне показался великим флегматиком и лентяем. Полной противоположностью ему представлялся Гоша Шапошников, наш другой сосед по каюте. Стройный, живой, он вел себя так, словно хотел быть в десяти местах одновременно. Вот он вскочил на верхнюю полку и как будто собрался немного отдохнуть. Но через минуту его голос раздался вдруг на верхней палубе (как он исчез из каюты, никто не заметил). Еще через двенадцать секунд я слышу, как он спорит с кем-то в соседней каюте. Только я успеваю отметить это обстоятельство, а Гоша уже сидит около меня и требует:

— Расскажите что-нибудь!

— О чем тебе рассказать?

— Ну, про Москву... Правда, что там детей в школу не пускают, если тридцать градусов мороза?

Гоша дружил с Пушечкой и даже нянчился с ним. Вечером, например, он вбегает в каюту:

— Пуш! А где мое одеяло? Я его вот тут положил!

— У меня,— сонным шепотом отвечает Пушечка из-под Гошиного одеяла.

— Ты что, себе одеяло не принес?

— Не, не принес,— шепчет Пушечка.

— Ну и жулик ты, Пуша! Вот жулик! — возмущается Гоша и отправляется добывать себе одеяло.

Или так. Шеф-повар Нина Зуева заглядывает в каюту.

— Идите, получайте обед!

Гоша скрывается и через минуту возвращается с полной миской.

— Пуша! А ты чего не идешь?

— Чичас,— еле слышно отвечает Пушечка.

Что это за камни?

Он лежит на животе и смотрит в окно, подперев подбородок ладонями.

— Пуш, иди, а то разберут, а тебе не достанется.

— Чичас,— вздыхает Пушечка и переворачивается с живота на спину.

Гоша вылетает из каюты и приносит вторую миску.

— Ох, Пушечка! Такого лодыря еще свет не видел! На, ешь!

Пушечка улыбается, кряхтя, усаживается по-турецки на полке и принимается не спеша есть кашу с консервированной говядиной.

СТАНИСЛАВ ФРАНЦЕВИЧ

— Кем ты хочешь быть?

— Геологом.

— Почему?

— Потому что геологи много путешествуют.

— А ты сможешь отличить гипс от простого известняка?

Молчание.

Такие разговоры мне часто приходилось вести и с московскими ребятами, и с ленинградскими, и с киевскими... Многих привлекает образ жизни геологов, но мало кто знает, чем же интересна их наука, их будничная работа.

Таковы были и наши ребята, все тридцать пять человек. Путешественниками они стали, как только сели на баржу, а вот чтобы стать геологами, хотя бы самыми приблизительными,— до этого им было еще далеко.

Большой удачей было то, что с нами поехал Станислав Францевич Шабуневич.

«Рудознатец из Киренска» — так назвала иркутская газета заметку об этом человеке. С давних пор Станислав Францевич увлекается геологией, почти каждый свой отпуск проводит в путешествиях. То в обществе дочки и собаки Верный, то с кем-нибудь из сослуживцев и все с тем же Верным он пробирается на стружке вверх по самым глухим таежным речкам. Изучая строение скалистых обрывов, рассматривая гальку, принесенную рекой, он, как по книге, читает, какие клады здесь может прятать земля. И он ищет эти клады.

Внешне это тихий, приветливый, немолодой уже человек. По барже, а потом и в лагере он расхаживал в голубой пижаме, в тапочках, в соломенной шляпе, точь-в-точь благодушный отец семейства на одной из подмосковных дач. Никто бы не подумал, что этот человек не раз побывал в ледяной воде, после того, как стружок перевертывался на порогах при спуске по горным речкам, что он однажды чуть не погиб, выбираясь с двумя геологами зимой без продовольствия из диких гольцов. Правда, в костюме этого «благодушного отца семейства» была одна деталь: из-под пижамы его торчали ножны здоровенного кинжала. С ним Станислав Францевич не расставался в походах после нескольких неожиданных встреч с медведем.

— ...Стали мы сниматься с лагеря,— рассказывал как-то он,— понес я вещи к лодке. Забрался в нее и копошусь там, размещая багаж. Вдруг чуть приподнял голову, гляжу, а на меня из-за борта лодки смотрит медведь. Сантиметров семьдесят от меня до него было. Что делать? Со мной ни ружья, ни ножа, товарищи далеко... Я сообразил одно: смотреть в глаза и кричать. И я закричал первое, что в голову пришло: «Зверь! Зверь! Зверь!» Он попятился, потом повернулся и ушел. Сытый был. Полюбопытствовать просто захотел.

Как бы гордился любой мальчишка подобным приключением! А Станислав Францевич гордился совсем другим. Он гордился тем, что открыл для страны месторождения марганца, что нашел залежи гипса и огнеупорных глин, имеющих промышленное значение, что им послано в Иркутск тридцать заявок на различные полезные ископаемые.

При всем этом Станислав Францевич в геологии только любитель, а работает он лесопатологом. Его обязанность — следить за здоровьем леса. Деревья, как и люди, болеют; в лесах, как и среди людей, вспыхивают эпидемии. Иногда деревья вдруг начинают гнить: появился какой-нибудь грибок, подтачивающий древесину. Нередко деревья страдают от различных насекомых-вредителей. Чем болен лес в той или иной области? Какими средствами его можно вылечить? Установить это обязан лесопатолог.

Вот и теперь Станислав Францевич ехал на Киренгу, чтобы проведать тамошнюю тайгу. Ему было с нами по пути, и он заключил с ребятами такой договор: он поделится своими знаниями геолога, а ребята за это обязуются принести ему каждого жука, каждую бабочку или гусеницу, найденную в тайге.

ЛАГЕРЬ

На третьи сутки около десяти часов вечера баржа причалила к невысокому, поросшему лесом берегу. Пристани здесь не было, но на берегу баржу поджидали пассажиры: недалеко за лесом скрывалась деревня Ермаки.

Началась разгрузка. Тридцать пять ребят и несколько взрослых сновали взад-вперед по сходням, таская мешки и ящики с продовольствием, вороха одеял и палаток, ружья, ведра и миски, топоры и пилы. Одновременно спускали стружки с палубы, одновременно отвязывали шитики от бортов «Мирного». Шум, гам, крики и звонкие шлепки по щекам, по шее, по затылку: полчища комаров, как видно, очень обрадовались неожиданному ужину.

Стащив часть своих вещей на берег, я направился к барже за остальными и вдруг остановился в недоумении. В густых сумерках мне показалось, что над сходнями сам по себе плывет по воздуху здоровенный ящик с консервами. В следующую секунду я заметил, что у ящика есть ноги, а когда ящик поравнялся со мной, оказалось, что его тащит Пушечка. Позднее я еще больше убедился, что за два дня не узнаешь человека. «Лежебока» Пушечка оказался не только силачом, но и отличным работником и

спортсменом. Я только диву давался, глядя, как он несколькими ударами топора срубает большую сухостойную лесину, как буквально за минуту освобождает ее от сучьев, как без посторонней помощи тащит ее к костру, словно муравей соломинку. Играя в футбол, Пушечка лихо обводил длинноногих девятиклассников, ростом чуть ли не вдвое выше его.

Впрочем, хорошими работниками здесь оказались все. Примерно через час на лугу, чуть в стороне от леса, уже стояли тринадцать палаток; даже девочки поставили их без помощи взрослых; горел костер, кипятился чай. Со следующего утра лагерь жил такой размеренной жизнью, словно мы простояли здесь уже неделю.

По вечерам начальник штаба Валерий Сарапулов назначал дежурных на другой день. Дежурные мальчики заготавливали топливо для костра, несли охрану лагеря по ночам; дежурные девочки стряпали. Продуктов, привезенных с собой, мы расходовали мало. Над водой вдоль всего луга белело штук двадцать удилищ, воткнутых в глинистый берег. Каждая удочка принадлежала кому-нибудь из ребят, но ее хозяин не сидел над ней, уставившись на поплавок. Ребята играли, купались, занимались какими-нибудь делами, а время от времени кто-нибудь кричал:

— Володь! На твоей клюет!

Хозяин удочки вытаскивал хариуса, линька или окуня и относил добычу шеф-повару Нине Зуевой.

Шеф-повар Нина Зуева.

КАРСТОВОЕ ОЗЕРО

Станислав Францевич довольно подробно рассказал ребятам о строении земной коры, о происхождении полезных ископаемых. Я не буду излагать содержание его маленьких лекций — я просто расскажу, что ребята делали, что видели.

В нескольких километрах от лагеря течет маленькая речка Солянка. Директор детского дома Арсений Афанасьевич Рыков сказал нам, что это очень интересная речка. Несколько лет тому назад он побывал на ней с группой своих воспитанников. Решили сходить туда и мы.

Станислав Францевич вооружился карабином, взял множество пузырьков от пенициллина, чтобы прятать в них пойманных в дороге насекомых, взял большой флакон «Репудина». Ребята захватили с собой топоры, геологические молотки, бутылки для проб воды. Все, несмотря на жару, надели плотную одежду, а на головы — сетки от комаров. Оставив в лагере несколько человек, двинулись в путь.

Миновали деревню Ермаки, прошли километра два полем, потом углубились в тайгу. Вот тут-то нас и атаковали комары. Лесок, перед которым мы выгружались с баржи, показался нам раем по сравнению с тем, что творилось здесь. Комары сотнями сидели на одежде, десятками впивались в руки, в шею. Пес Верный был весь ими покрыт. Он то и дело ложился и терся о землю носом. Ребята опустили свои сетки, но скоро подняли их: сетки были марлевые, в них было душно и плохо видно. Станислав Францевич устроил привал и накапал каждому на ладонь по нескольку капель «Репудина». Путешественники натерли маслянистой жидкостью лицо, шею, руки, и комары несколько поотстали.

Станислав Францевич намазал только руки, лицо он мазать не стал. Сетка на нем была особенная, усовершенствованная. Он сделал ее из куска неводной дэлы (сети) с мелкими ячеями. В каждую ячею могли бы пролезть одновременно десяток комаров, но не пролезал ни один. Дело в том, что сетка была пропитана тем же «Репудином», и запах этой жидкости отпугивал насекомых. Дышать легко, едкий «Репудин» не раздражает кожу и не стекает вместе с потом с лица. Ребята через полчаса снова запросили «Репудина», а «сетка Павловского» (так она называется по имени изобретателя) служила Станиславу Францевичу весь день.

Вот так мы были облеплены комарами.

Но вот мы вышли на поле, расчищенное среди тайги, миновали его и увидели странный пейзаж. В конце поля текла небольшая речка. Деревья, росшие на ее берегах, почти все были мертвы. Те из них, что стояли чуть подальше от речки, еще имели ветви, но на них не было ни одного листочка и с них давно облезла кора. От деревьев, стоявших у самой воды, остались лишь пни — столбы метра в три вышиной. Снизу они были совсем белые, словно выкрашенные известкой, чуть повыше — серебристые, а еще выше — темно-серые.

Люся Бокова подобралась по топкому берегу к самой воде, зачерпнула ее горстью и выпила.

— Соленая! — сказала она.

Попробовали воду и другие ребята, попробовал и я. Вода была соленая, холодная и отдавала сероводородом, но не настолько, чтобы ее было неприятно пить.

Мы знали, что Солянка вытекает из небольшого озера.

Станислав Францевич сел на траву, положил на колени карту, а на карту — компас.

— Рекой до озера — километра три. Но река тут делает излучину. Если мы срежем угол, идя через тайгу, мы почти вдвое сократим путь.

Все двинулись обратно вдоль края тайги и скоро нашли тропинку, углублявшуюся в чащу. Снова полчища комаров. Тропинка пересекала небольшие болотца и овражки. То и дело приходилось перелезать через обросшие мохом, упавшие деревья. И вдруг совершенно неожиданно перед нами открылось озеро. Оно было небольшое — метров семьдесят в диаметре — и почти совсем круглое. Мертвых деревьев и высоких пней здесь было еще больше, и они придавали озеру загадочный, мрачный вид.

А в глубине озера, в темно-голубой воде, мы видели множество пересекающих друг друга изломанных светлых линий. Что это такое? Солнце отражалось в воде, и с берега ничего нельзя было подробно рассмотреть.

— Ну что, будем строить плот? — сказал Станислав Францевич.

Мы захватили для этого дела с собой топоры. Мы знали, что Арсений Афанасьевич с ребятами тоже плавали на плоту, разглядывая, что делается в глубине озера. Между прочим, они спустили с плота леску от спиннинга в пятьдесят метров длиной, и груз не достал дна.

Ребята принялись рубить мертвые деревья. Казалось бы, что сухие стволы должны легко поддаваться ударам топора... Не тут-то было! Пропитанная солями древесина как бы наполовину окаменела. Гоша, Пушечка, здоровенный Володя Перевалов и другие мальчишки все взмокли, работая топорами. Пропитанные солью бревна были тяжелыми, а тащить их к воде нужно было сквозь заросли, перешагивая с кочки на кочку, перебираясь через бурелом... И именно потому, что бревна были тяжелы, их пришлось нарубить вдвое больше, чем обычно. Словом, это была работка!

Но вот бревна кое-как связали, на них положили поперечные жерди, а сверху набросали еловых веток.

Первым забрался на это сооружение Станислав Францевич. Гребя шестом, он отплыл к середине озера и заглянул в его глубину. Он долго смотрел туда, потом выпрямился, стоя на коленях, и обратил к нам изумленное лицо.

— Малахитовая шкатулка! — крикнул он, поработал шестом еще немного, переезжая на другое место, и снова почти припал лицом к самой воде.

— Хозяйка Медной горы!

Потом плавали на плоту ребята и тоже восторженно ахали и охали. Настала и моя очередь. Лежа на еловых ветках, глядя вниз, я понял, почему Станислав Францевич вспоминал малахитовую шкатулку. Подо мной был фантастический мир, сказочное царство, правда, не подземное, а подводное.

Отвесным обрывом уходил в глубину освещенный солнцем золотистый берег. Отчетливо было видно рыжеватое дно. А в голубой воде громоздились десятки больших упавших деревьев, сплошь покрытых белым налетом каких-то солей. Одни из них стояли отвесно, вершинами вниз, корнями вверх, другие легли параллельно дну, третьи — наискосок. Ветви их переплетались между собой и у самого дна и у поверхности воды, и все это горело под лучами солнца всеми цветами — от ярко-голубого, как электрическая искра, до красноватого.

КАМЕННАЯ КОРОЧКА

Мы вышли из тайги часа в четыре дня, но это не значит, что тут и закончилось изучение озера. Мы продолжали исследовать его в лагере.

Ветки деревьев, упавших в озеро, местами так близко находились от поверхности воды, что ребятам, плававшим на плоту, удалось обломать их. Вечером, после ужина, мы собрались у палатки Станислава Францевича и снова принялись разглядывать кусочки дерева, покрытые каменистой корочкой. Станислав Францевич протянул один из кусочков Пушмину.

— Ну-ка лизни... Что за минерал образовался на дереве?

Пушечка лизнул.

— Соль!

— Тут, брат, не только соль. Соль прозрачна и осаждается правильными кристаллами, а это... Посмотрите-ка!

Станислав Францевич передал ребятам лупу, и все по очереди стали рассматривать в нее каменную корочку. Корочка была непрозрачная, чуть желтоватого цвета, состояла из множества округлых бугорков.

— Соль тут есть, но еще больше какого-то другого минерала.— Станислав Францевич достал пузырек с соляной кислотой.— Сейчас посмотрим, что это за штука.

Он капнул кислотой на бугорки, и капля начала пузыриться.

— Известняк! — догадались старшие ребята.

Станислав Францевич рассказал, как образовалось озеро и почему здесь погиб лес.

В этих местах на большой глубине лежат пласты осадочных пород, среди которых немало известняков, доломита, гипса и каменной соли. Многие из них сравнительно легко растворяются в воде. Как видно, когда-то на месте озера был родник. Вода постепенно растворила породы, сквозь которые она просачивалась на поверхность земли, вымыла огромную каменную чашу, заполнила ее и образовала речку Солянку. Такие озера называются карстовыми.

— А почему соль? Почему вода соленая? — спросил Гоша.

— В окрестностях деревни Марково (это 90 километров отсюда по прямой на северо-запад) тоже есть соленые источники. Мало того, ученые утверждают, что и в районе Маркова и в здешних местах геологическое строение почти одинаково,— Станислав Францевич снова помолчал и оглядел ребят:

— Ну, какой из этого можно сделать вывод?

— Нефть! — крикнуло сразу несколько человек.

— Да, нефть,— кивнул Станислав Францевич и добавил: — Может, пойдем завтра пленку искать?

Что содержится в этом шлихе?

НЕФТЬ И ПЛЕНКА

Слово «нефть» я часто слышал и в Иркутске, и в самолете, летящем в Киренск, и в самом Киренске.

Есть недалеко от этого города деревня Марково. Недавно геологи здесь пробурили скважину глубиной более двух тысяч метров, и из нее рванул мощный фонтан «черного золота». Нечего и рассказывать, как взволновало это жителей ленских городов и деревень: ведь раньше горючее для тракторов, судов, автомобилей везли сюда за тысячи километров, а теперь оно станет не привозным, а своим. Таежная деревня Марково вдруг сделалась чуть ли не самым оживленным местом на Лене: сюда со всех концов страны съезжаются нефтяники, сюда везут оборудование, здесь спешно строятся новые дома...

Слово «пленка» я впервые услышал, когда познакомился со Станиславом Францевичем. Геологи предполагают, что нефть можно найти не только в Маркове, но и в окрестностях Киренска и в других местах. Тогда в тайге вырастут новые поселки и города, может быть, и сам Киренск — городишко с немощеными улицами и деревянными тротуарами — превратится в крупный промышленный центр. Многие местные жители хотят помочь геологам поскорей обследовать район, где, по предположениям ученых, стоит искать нефть.

Бывают случаи, когда нефть по мельчайшим трещинам в породе просачивается из глубины на поверхность. Часто она просачивается в таких ничтожных количествах, что ее не обнаружишь. И только на воде со спокойным течением или на болоте даже капля нефти расплывается большим пятном тончайшей радужной пленки. Вот об этой пленке и упомянул Станислав Францевич.

Впрочем, слово «пленка» я впервые услышал не от него. Еще когда мы были в Киренске, к Станиславу Францевичу подошел заведующий чайной, страстный рыболов. Он сказал, понизив голос:

— Станислав Францевич, а я ведь пленку видел... Знаете, в том заливчике, где мы на прошлой неделе рыбу ловили.

Потом на барже к Станиславу Францевичу (его знает вся округа) подходили охотники, лесники и другие таежные люди.

— Станислав Францевич, у нас возле деревни болотце есть; так там пленка, однако...

— Надо еще проверить, та ли это пленка.

Теперь он сам повел ребят искать пленку.

Мы прошли большой луг, прошли по мосту речку Юхту и тут заметили в стороне множество ярких цветов.

— Саранки! — обрадовались путешественники и побежали рвать эти цветы.

Скоро каждый вернулся с букетом желтых, ярко-оранжевых и почти красных лилий. Я удивился: зачем было рвать эти цветы, если нам предстоит ходить несколько часов по болотам, по тайге?.. Ведь букеты наверняка завянут или истреплются. Но в следующий момент я удивился еще больше: юные геологи принялись обрывать лепестки саранок и жевать их. Угостили и меня. Лепестки оказались сладкими и приятно пахли. Скоро все букеты были съедены, а губы и носы путешественников окрашены в желтый и оранжевый цвет.

Кончился луг. Началось болото — высокие шаткие кочки, а между ними вода. Было очень утомительно прыгать с кочки на кочку. Если оступишься,— вытаскиваешь сначала ногу из сапога, а потом сапог из тины. Попрыгав так метров двести, я очень устал, но вдруг усталость мою как рукой сняло.

— Пленка! — крикнул шедший рядом со мной Володя Перевалов.

Все, конечно, остановились. Вода между кочками действительно была подернута тонкой пленкой, мутноватой, чуть переливающей радужными цветами.

Ребята возбужденно галдели. Признаюсь, и у меня заколотилось сердце. Неужели мы так вот, сходу, за какой-нибудь час, обнаружили нефть?! Один Станислав Францевич был совершенно спокоен.

— Идите-ка сюда! — позвал он.

Мы подошли к нему. Он присел на кочке, сорвал жесткую травинку и похлопал ею по пленке. Та разбилась на мелкие остроугольные кусочки да так и осталась.

— Пленка, которую вы нашли,— это окислы железа,— пояснил Станислав Францевич.— Они образовались из гниющих растений.

— А теперь идите сюда! — Станислав Францевич перешел на другое место, где не было пленки, и вынул из кармана пузырек с какой-то жидкостью.— Это автол. К сожалению, настоящей нефти у нас с собой нет, но и автол дает на воде почти такую же пленку, что и нефть. Смотрите!

Он капнул из пузырька на воду. Капля стала медленно расплываться. Минуты через две мы увидели пленку, какую нам нужно было искать: она была гораздо прозрачней первой, играла радужными красками в несколько раз ярче. Когда Станислав Францевич постучал по ней травинкой, она не разбилась на хлопья, а расползлась тягучими радужными полосками, которые тут же стали снова сливаться в одно маслянистое пятно.

Разочарованные, мы прыгали по кочкам еще метров триста, смотрели на воду, но так и не обнаружили пленки, похожей на ту, что расплылась из капли автола.

ПОХОД ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Двенадцать дней мы простояли лагерем на нашем лугу. Ходили ребята еще и в другие однодневные походы, только уже не пешком, а в лодках. Других открытий они не сделали, залежей полезных ископаемых не нашли, но ведь перед ними и не стояла такая задача. Прежде, чем найти, надо научиться искать. Этим ребята и занимались.

Можно сказать, что у каждой профессии есть свое особое зрение. На взгляд геолога, ребята в начале похода были, как слепые котята. К концу пребывания в лагере у них стали приоткрываться «геологические глаза».

Как-то мы шли под горой вдоль берега Киренги. На тропинке валялся камень — серый, невзрачный. Все спокойно прошли мимо, а Станислав Францевич поднял его и дал Володе Перевалову. В лагере Володя прокалил камень на костре, и тот из серого сделался белым. Володя сунул его в консервную банку с водой. Вода забурлила, закипела, от нее повалил пар. Прокаленная на костре порода оказалась негашеной известью. Все ребята наблюдали это. Теперь уж никто из них не пройдет мимо невзрачного серого камня.

Отправляясь рыбачить куда-нибудь на новое место вдали от лагеря, многие из ребят стали прихватывать с собой алюминиевые миски. Для чего? Дело в том, что Станислав Францевич научил ребят отмывать шлих.

Ребята насыпали в миску глину, песок, наполняли ее водой и болтали миску так, чтобы вода крутилась в ней. Потом мутную воду выплескивали, в миску набирали порцию чистой воды и снова крутили. Так повторялось много раз. Постепенно легкие осадочные породы вымывались из миски, а крупинки тяжелых минералов оставались в ней. Наступал момент, когда на дне миски оставалась крошечная щепотка мелкого темного песка. Это и был шлих. Его осторожно счищали на бумажку, высушивали, а под вечер исследовали возле палатки Станислава Францевича. Смотрели в лупу: не блеснет ли золотинка или крупица иного драгоценного металла? Подносили к шлиху магнит: если песчинки притянутся к нему, значит, в шлихе содержится магнитный железняк.

Срок моей командировки истек, я сел на знакомую баржу, шедшую обратно в Киренск. Ребята погрузились с кучей багажа в два шитика; шитики потащили две моторки. Путешественники продолжали поход. Они должны были подняться по притоку Киренги, речке Мине и стать там лагерем. Оттуда Станислав Францевич и старшие ребята собирались добраться до подножия гольцов, идя пешком по каменистому берегу горных речек, таща на бечеве стружки с грузом против быстрого течения.

Станислав Францевич обещал написать нам, если в походе произойдет что-нибудь особенно интересное.

ВЕСЕЛЫЙ БАРАБАНЩИК

Лесная перекличка

Г. САПГИР

Однажды барабанщик
Услышал на заре,
Как долгоносый дятел
Барабанит по коре.

Сквозь чащу пробираясь,
Совсем невдалеке
Он увидал, как заяц
Барабанит на пеньке.

Гром грянул за опушкой,
Как будто великан
Ударил колотушкой
В огромный барабан.

И дождь забарабанил
По листьям, по стволам —
Да так, что барабанщик
Забарабанил сам!

Две палочки-скакалочки
Рассыпали горох
На узкую дорожку,
В траву и мягкий мох.

И вышел барабанщик
Из чащи на шоссе.
— Ты славно барабанишь! —
Ему кричали все:

И дятел,
И заяц,
И дождик,
И гром...
Веселый барабанщик
Барабанит за бугром.

Трио. Рисунок Д. Белова.

Медвежья услуга

В. ФЕТИСОВ

Двух друзей ведет вожатый.
В чем, скажите, виноваты
Эти скромные ребята,
Эти тихие ребята?

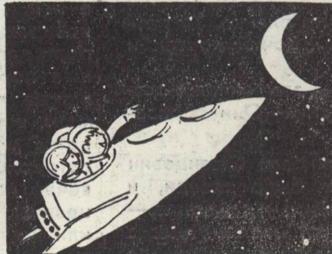
В сборе лома
Эти двое
Управлялись
Всех быстрей.
Утащили
С новостройки
Лом...
Из новых батарей.

А учитель нам сказал:
— Люди гибнут за металл.

ПУТЕШЕСТВИЕ

Ребята, подана ракета!
Летим на ближнюю
планету.

Летим. И смотрим из окна,
Как приближается
Луна.

Была нелегкою посадка,
Луна — не гладкая
площадка.

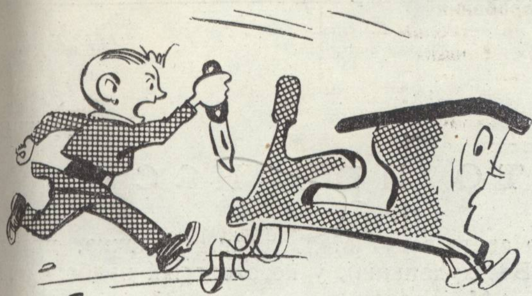
Луна покрыта слоем пыли.
Мы все почистили, помыли.

Большие кратеры пусты.
Сажаем в кратерах цветы.

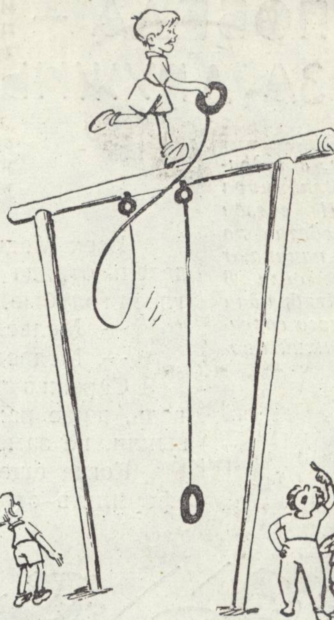

И вот футбол на почве лунной...
Кричит, волнуясь, диктор юный:

Парта: — Караул, режут!

Рисунок В. Жаринова.

— За это упражнение ты получишь двойку!

Рисунок. А. Грунина.

Й БАРАБАНЩИК

У кого чему научишься

О. ДРИЗ

Хотел учиться ремеслу
У солнца паренек,
Да струсил: нелегко вставать
На зорьке, точно в срок.

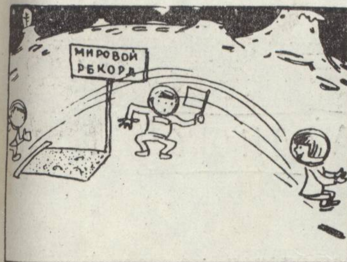
Хотел учиться у реки,
Раздумал он и тут:
И в самом деле, жернова
Вертеть — нелегкий труд.

Он ветер взял в учителя,
Старался ученик,
И ловко пыль пускать в глаза
Он научился вмиг.

Перевела Т. СПЕНДИАРОВА.

НА ЛУНУ

Рисунки А. Шабанова.

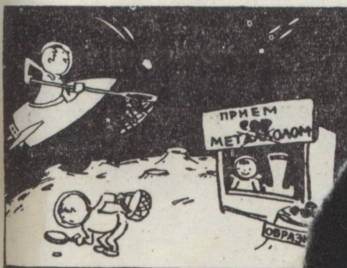

— Смотрите,
телезрители!
Такого вы не видели.

Вы скажете, что, без сомненья,
Здесь меньше сила

Метеорит — железный
слиток.
Идем ловить метеориты!

ПОБЕДА — ЗА ДРУЖНЫМИ

По традиции, в годовщину речи Владимира Ильича на III съезде комсомола ребята по всей стране начинают новые важные дела. В этом году 2 октября дан старт Всесоюзного соревнования на лучший пионерский отряд.

Л. ФРИДМАН

Это про нас

Всех Медведевых на свете зовут Медведями. Сережка, председатель отряда шестого «Б», худенький, у него острый подбородок и глаза голубые, но все равно Медведь.

— Медведь! Выходи коробками меняться!

— Медведь, сегодня совет дружины, вожатая велела оставаться.

Сережка привык быть Медведем, он с первого класса Медведь, даже раньше, с детского сада. Привык Сергей, и ребята привыкли, не замечают, что совсем оно некстати, чудное это прозвище.

Когда еще только начался учебный год, стали во всех классах оформлять отрядные уголки: торжественное обещание на стену вешать, законы пионеров, «ступени». А Сергей сказал: «Зачем?» И задумались ребята: и правда, зачем? Обещание мы помним. Законы знаем. В пионерской комнате они есть. А в классе, конечно, не надо. А что надо? Никто не знал. А Медведь вроде бы знал, но помалкивал.

— Нарисуй хоть лозунг, что ли, — просили ребята.

— Ладно. Сделаю.

А тут как раз пошел отряд шестого «Б» в поход на воскресенье вместе с новым своим вожатым — токарем Мишей Печениным. Вышли — дождь. Холодно и ветер. И сахар в рюкзаках растаял, а хлеб стал как тесто. Но никто не ныл, и все улыбались и прошли двадцать километров. А когда Гале Терентьевой стало тяжело идти, рюкзак взял у нее Юра, председатель совета отряда.

Вернулись из похода, а на стене висит плакат:

ОДИН — ЗА ВСЕХ, ВСЕ — ЗА ОДНОГО!

И все подумали: «Это про нас».

... отрядов соревнование, отряды рвутся вперед, но шестой «Б» ... то, ... отряд всех ... чше: шестой «Б» всех лучше. Прав- ... :

... ить и то не можете! Один лозунг —

... «Б». — Будут, только не сразу. ... разведку в своей зоне, и дел ... «отпетых» ребят во дворе ... ому переулку. Расставили ... ек близко не подпускать.

Это все еще только план. План большой и трудный. Но таким он и должен быть, план отряда. Он как оптический прицел: посмотрел — и ясно видно: вот куда надо бить.

А дела отыскать — это тоже дело, да к тому же важное. Ведь это только так говорится: смотри вокруг, и дела найдутся. Ничего они не найдутся, если смотреть будут равнодушные, холодные глаза. Тогда и план напишут унылый: «Провести поход в кино. Обсудить какую-нибудь книгу. Провести сбор об успеваемости и дисциплине». И потом будут говорить ребята: «Ох и скука у нас в отряде!»

Шестой «Б» не скучает. Куда там, успевай только поворачиваться. И на стене появился новый лозунг:

ДУМАЙ, ПРОБУЙ, ИЩИ, БУДЕТ ТРУДНО — НЕ ПИЩИ!

Когда собирали лом, шестой «Б» набрал всех больше. Почему? Да потому, что затеяли соревнование между звеньями. Крепко соревновались, азартно и весело. Одно звено старый радиатор разыскало, тогда другое старые трубы на заводе выпросило... А третье раззадорилось: «Ах, так!» — и выискало в одном доме худую ванну. Жильцы знакомые с удовольствием подарили: на что она им, треснутая, ржавая! А ребята с победными воплями взгромоздили свое сокровище на тележку — и к школе. Победа за шестым «Б». Еще бы, ванна вон сколько весит! А Сергей Медведев старательно выводит на большом листе:

ДРУЖБА — СОРЕВНОВАНИЕ!

Когда соревнуются не только отряды, но и звенья, это значит, что соревнование разгорелось вовсю, значит, работа спорится.

Вот какие лозунги висят в шестом «Б». Войдешь в класс, и сразу видно, какие люди здесь живут, какие у них порядки, какие обычаи.

Плюс—минус

Соревнование отрядов? Хорошо. Только как решить: какой же отряд лучший? И придумали баллы подсчитывать. А что? Очень удобно: прошла неделя без двоек — получает отряд десять очков. Подрались мальчишки на перемене — минус два очка. Опоздал кто-нибудь на урок — минус еще два очка. А хорошо вымыли пол в классе — плюс пять очков. Просто и выгодно. Стоит мальчишка на лестнице и думает: «Так спуститься или по перилам съехать? Заметят — будет минус три балла. Ну, ничего, съеду, а зато потом пойду с октябрятами в прятки поиграю, забота о малышах — шесть баллов, так что дело прибыльное, можно съезжать».

А пятый «А», ох и хитрецы, председателем выбрали Мишу Трушина. Он хоть и уважением особым у ребят не пользуется, зато такой прижимистый, ни одного очка зря не упустит.

Принесла Марина Волошина в школу кактус, маленький такой, колючий, и хотела его в кабинет ботаники отдать.

ПОБЕДА — ЗА ДРУЖНЫМИ

Ребята, а среди вас нет такого Миши Трушина? Пусть совет дружины строго следит, чтобы не было обмана, вместо дела — пустословия.

— Стоп! — сказал Миша. — Погоди! — Взял кактус и пошел к Лиде, председателю совета дружины.

— Запиши нам семь баллов, общественно полезное дело, подарок школе, цветочек.

Лида оглядела кактус со всех сторон и записала отряду семь очков. А Мишка стоит, не уходит.

— Что ты, Миша?

Нам еще четыре очка полагается, — нахально говорит Мишка. — Это же, с другой стороны, наглядное пособие, мы его на ботанике будем использовать.

— Но ведь кактус-то один и тот же, — засомневалась Лида.

— Ну и что ж? Ты не подходи формально. Вот же сказано: изготовление наглядного пособия от четырех до девяти баллов. Я и так недорого прошу.

Лида вздохнула и записала четыре.

Мишка ушел. Он отправился к завучу.

— Кактус — редкое растение южных пустынь! — выкрикнул Мишка рыночным голосом. — Марь Степанна, запишите нам восемь очков, это ж участие в озеленении родной школы.

Потом Мишка отнес кактус во второй класс и выторговал еще сколько-то баллов за то, что их отряд сделал подарок малышам.

— Да, с таким председателем мы не пропадем, — говорили ребята. — Умеет постоять за честь отряда.

А в пионерской комнате, в коридорах, в вестибюле — всюду ходили сосредоточенные мальчики и девочки и бормотали: «Окно вымыли — плюс шесть, парту сломали — минус девять, учительнице нагрубили — минус двадцать. Да, теперь придется каток расчистить и еще горку построить для детского сада. Плюс один, минус шесть, плюс девять, минус пять с половиной. Что же получается? Ерунда получается! Тоска зеленая, а не соревнование!»

Совет дружины не бухгалтер. Незачем ему подсчитывать очки...

О том, как соревнуются по вымпельной системе, читайте в одном из следующих номеров.

Валерке дали роль

В зоне «Вымпел» четыре двора, обычные дворы, а один проходной. Самые отпетые ребята живут в проходном. Сами они объясняют:

— Нам убегать легче, милиционер в одни ворота, а мы в другие.

Особенно Валерка задается:

— У меня два привода было.

А пионеры ему:

— Подумаешь, приводы. Голубя украл да банку компота из палатки стянул — преступник!

А Зоя серьезно так на Валерку смотрит и говорит доверительно:

— У меня один знакомый мальчик банк ограбил еще в третьем классе.

Валерка глаза открыл, все хохочут.

— Да ну вас,— махнул рукой Валерка.— Сказал, не пойду в школу — и точка. Агитируют, делать вам нечего.

— Нужен ты нам, тебя агитировать! — вспылила Зоя.— Живи как знаешь. У нас и без тебя дел полно.

Создали ребята во дворе клуб «Компас», палатку в Доме пионеров достали, карту Подмосковья. Стали ходить в походы. Потом организовались кружки, а еще устроили пионерский театр. Выбрали пьесу о пограничниках, девчонки костюмы шьют, Митя с Володей и Владиком декорации рисуют.

В отряде договорились: пусть побольше работают сами ребята из двора. А то какой интерес, если мы все им сделаем и все роли сыграем? А во дворе, и правда, увлеклись. Играть пьесу решили на заводе, в клубе. У многих ребят на этом заводе родители работают, интересно же перед своим отцом выступить. И вот репетируют, суетятся. И Валеркина компания понемногу разваливается: Сергей декорации рисует, а Ленька и Саша в спектакле играют — один лесника, а другой шпиона.

Бродит Валерка по двору хмурый: двор большой, а податься некуда. Слоняется Валерка с независимым видом. Художества свои бросил: без дружков неинтересно, кто оценит? Кто удивится его «удали»?

— Валерка, иди-ка сюда! — зовет Зоя.

— Ну, что тебе?

— Ты, говорят, на гитаре играешь. Поиграй сегодня вечером в красном уголке, у нас репетиция, а гитаристка наша, Тамара, к бабушке на день рождения уехала.

— Нужны вы мне,— пробурчал Валерка, но вечером в красный уголок пришел. И гитару принес, так, на всякий случай.

— Ох и здорово ты играешь! — сказала Зоя.— Вот бы мне так! Только я не сумею, у меня слух плохой.

— Чего там слух! — хмыкнул Валерка.— Слух ни при чем. Душа нужна.

— Поучи меня, Валер, а? Ну хоть немного.

— Да ладно, чего там.

Стал Валерка учить Зою, потом к ним присоединились Марина, Женя и Володя.

«Кружок гитаристов ведет Валерий Чугунов»,— написал Володя и повесил два объявления у двух ворот.

А Зоя и Коля вписали в пьесу новую роль, специально для Валерки, предложили ему играть пограничника. Он поломался для виду и согласился. И не пропустил ни одной репетиции. А не так давно вернулся Валерка в школу.

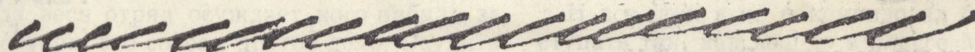
Зоя сказала Маринке, лучшей своей подружке:

— Я от тебя отсяду. Ты не обижайся.

И села с Валеркой.

А среди твоих знакомых есть ребята, которые не учатся? Ты ведь тоже за них в ответе. Ни одного мальчишки, ни одной девчонки вне школы — вот главное условие всесоюзного соревнования!

Не всегда легко вернуть человека за парту. Но если вы дружные, настойчивые, терпеливые, вам удастся помочь человеку. Ребята из зоны «Вымпел» вернули Валерку в школу. Боевые ребята! Такие победят в соревновании.

Секретно и несекретно

Житья во дворе нет...

Совершенно секретно

Еще летом к нам в дом № 17 переехала семья Панковых. До приезда этой семьи в доме у нас было весело. Днем мы играли в разные игры, а вечером — в прятки или пели песни.

А теперь все стало по-другому. Днем нам нельзя играть, потому что Валя Панкова больна, у нее был перелом позвоночника, она ходит в гипсе. Ее нельзя толкать, мы сами это понимаем. Но если ее назовешь, например, дурой, она сразу бежит жаловаться матери. Тогда мать выскакивает и начинает нас ругать, а то даже и бьет. А сама Валя мешает нам играть, дразнится и дерется. Но родители ее ничего этого не знают. Мы выпускали свою домовую стенгазету. В эту стенгазету попадали все, в том числе и я, но когда мы нарисовали Панкову Валю, то ее отец сорвал стенгазету и сказал, что пойдет к директору нашей школы.

Нам уже больше терпеть нельзя, и поэтому мы решили написать в «Пионер». Поместите этот рассказ на самом видном месте и нарисуйте несколько карикатур, чтоб привлечь внимание Валиных родителей. Фамилию я свою писать не стану, потому что будут неприятности.

Ст. Волочаевка.

Твой горестный рассказ мы, дружок, как видишь, поместили, а карикатуры рисовать не будем, потому что такие ссоры надо решать не карикатурами, а миром. Очень хорошо, что вы понимаете главное: Валя больна. Она много лет лежала в постели и не умеет играть с ребятами. К ней надо относиться терпеливо, внимательно и прощать ей то, чего вы ни за что не простили бы здоровому человеку. Ведь с каждым может случиться несчастье, и еще неизвестно, как будем вести себя в этом случае мы с тобой, например. Пожалуй, и не стоило «протаскивать» ее в стенгазете (кстати, вы молодцы, что выпускаете такую газету. Это очень здорово!).

А вот Валина мама, по-моему, неправа. Конечно, ребята должны считаться со всеми людьми во дворе. Но ведь им и играть надо, и песни петь, и на велосипедах кататься! Если же вам все-таки не удастся договориться с Валиной мамой, сходите в райком комсомола, к инструктору по школам и попросите, чтобы комсомольцы пришли в ваш двор и помирили вас всех.

Стенгазета без читателей

Мы выпускаем нашу отрядную стенгазету часто. Но ребята не интересуются ею. Подойдут, обсудят заголовок газеты, а заметки не читают. Я даже не знаю, почему.

Галя Сигидина.

г. Луганск.

А чего ж тут не знать, Галина? Неинтересная у вас, наверное, газета! Вот в предыдущем письме рассказывается про дворовую стенгазету, так ее не то что читают, — даже скандалы из-за нее выходят! А вы, наверно, все силы тратите на то, чтобы нарисовать заголовок покрасивее, а заметки пишете скучные — так часто бывает. Лучше поступать наоборот: заголовок нарисуйте раз навсегда и не мучайтесь больше с ним, а вот заметки помещайте

позлее, похлестче, откровенно пишите про все классные дела. И тогда в день выхода нового номера газеты к ней не протолкнешься!

Если хочешь подробнее узнать, как делать газету, пойди в библиотеку, достань журнал «Пионер» за 1960 год, №№ 3, 4, 10, 11, 12, прочитай материалы под названием «Курсы школьных журналистов». Это тебе поможет.

Кто прав: я или папа?

Здравствуй, Сима!

У меня есть подруги Валя Федорова и Люба Малинина. Как-то обе они не сделали задачи по арифметике. Люба перед уроком встала и сказала учительнице, что она не приготовила урок. Учительница взяла у нее дневник и записала замечание. А Валя промолчала. На перемене Люба подошла к учительнице и сказала, что Валя тоже не выполнила задание.

Папа утверждает, что Люба поступила правильно, когда она сказала про подругу. А я считаю, что нет. По-моему, Люба сказала это от злости: вот, мол, мне записали замечание, а ей нет.

Я считаю, что нужно было поговорить с Валей и потребовать, чтобы она сама призналась. В крайнем случае выступить на собрании.

Сима, ответь, пожалуйста, кто прав: я или папа?

С пионерским приветом

Людмила Звягинцева.

г. Винница.

Случай не простой. Я думаю, что... Впрочем, я не буду высказывать свою точку зрения. Может, я ошибаюсь?

Ребята! Кто прочтет это письмо, напишите, пожалуйста, а как думаете вы? Посмотрим, каких ответов будет больше, и так и ответим Люде. Постарайтесь объяснить, почему вы думаете так, а не иначе. Если с вами случались какие-нибудь похожие истории, расскажите про них.

Нет, я не согласна

Я прочитала в мартовском номере «Пионера» ответ Симы Соловьева Алле Кузнецовой. Он пишет, что бойкот не пионерское дело и его объявляют только глупые девчонки. А я не согласна. Ну, может быть, это и не пионерское дело, не спорю. А вот насчет второго...

Лучше я расскажу о своем классе. У нас 32 пионера: 17 мальчиков и 15 девочек. Мы вовсе не считаем себя глупыми «девчонками». В начале учебного года мальчишки дразнили и вообще обижали нас. Совет отряда ничего не мог сделать. И тогда мы, девочки, объявили мальчишкам бойкот. Мы не разговаривали с ними больше месяца, и мальчишки стали вежливыми, больше не обижали девочек.

С приветом Марина Белова,

ученица 8-го «А» класса.

Мне очень понравилось твое письмо, Марина. Видно, у тебя прямой характер.

А теперь вернемся к письму.

Ребята, которые подверглись бойкоту, говорят: «Уж лучше бы они меня избили, чем такое...»

Когда весь отряд осуждает кого-нибудь за его поступок, это совсем другое дело. Осудить осудили, а в дружбе никто не отказывает. Можно и нужно быть требовательными к друзьям, даже суровыми, но жестокими быть нельзя. Настоящий пионер — добрый человек. Не добренький, не слюнтяй мягкосердечный, а добрый. Он уважает людей и понимает, что бойкот влечет за собой озлобление многих против одного. Это нечеловечно.

Что же касается вашего класса, Марина, то у вас все девочки осудили мальчиков, а это уже другое.

И все-таки я не рекомендовал бы всем поступать так, как вышло в классе Марины Беловой. Дружбу завоевывают не ссорами, а вниманием к товарищам, общими интересными делами.

С пионерским приветом

Сима СОЛОВЬЕВ.

К 75-летию со дня рождения
С. Я. Маршака

Каждый настоящий поэт подобен мореплавателю, открывшему новую землю: архипелаг, или остров, или совсем крошечный островок. Но какой бы маленькой ни была эта земля, она носит имя своего первооткрывателя, и под этим именем значится на поэтической карте мира.

Их много, этих земель. Знать все невозможно, даже если посвятить изучению их целую жизнь. Но большие материки знает каждый. Они наперечет. Как Африка, Америка, Австралия, Антарктида...

Один из таких поэтических материков был открыт нашим современником. Каждому из вас, верно, с самого раннего детства знакомо его короткое, веселое имя — Маршак.

Как же это удалось Маршаку—открыть неведомую землю в мире, который уже давно был исхожен вдоль и поперек его предшественниками? И чем непохожа эта земля на все прочие земли, большие и малые, открытые до него?

Лучшие свои стихи Маршак написал о людях самых обыкновенных, самых будничных профессий: о почтальоне, о плотнике, о пожарном, о продавце мороженого. Просто никому из поэтов до него не приходило в голову, что работа почтальона или плотника заслуживает того, чтобы о ней писать стихи. Люди издавна привыкли считать, что все обыкновенное, будничное, повседневное — это п р о з а жизни. А поэзия существует только там, где есть романтика дальних странствий, трудных и опасных приключений. Поэзия — это сказка. А что сказочного может быть в описании того, как торгуют мороженым или тушат пожар?

Все знают, что дети могут часами стоять и смотреть, как работает точильщик, или как монтер карабкается по столбу, или как водопроводчики лезут в канализационный люк...

Маршак остановился и загляделся вместе с ними. И в простом, будничном труде этих людей он нашел золотые россыпи поэзии. Ему вдруг открылось, что письмо, заклеенное разноцветными марками, или пожарный в медной каске, или мороженщик — обыкновенны только для взрослых. Для мальчишки пожарный — это сказочный витязь, всесиль-

ный, всемогущий. Недаром все в детстве мечтали о профессии пожарного.

Именно таким богатырем, волшебником, покоряющим стихию огня, чуть ли не сказочным пушкинским дядькой Черномором выглядит у Маршака старый пожарный Кузьма:

Широко бушует пламя...
Разметавшись языками,
Лижет ближние дома.
Отбивается Кузьма.

Ищет в пламени дорогу,
Кличет младших на подмогу,
И спешат к нему на зов
Трое рослых молодцов.

Топорами балки рушат,
Из брандспойтов пламя тушат.
Черным облаком густым
Под ногами вьется дым.

Пламя ежится и злится,
Убегает, как лисица.
А струя издалека
Гонит зверя с чердака.

И, совсем как в сказке, побежденная стихия на человечьем языке молит победителя:

Вот уж бревна почернели...
Злой огонь шипит из щели:
— Пощади меня, Кузьма.
Я не буду жечь дома!

Но, может быть, этот материк существует только для детей? Ведь человек растет. И то, что вчера казалось ему самым интересным на свете, быть может, завтра уже не вызовет у него ни малейшего любопытства. Как сделать, чтобы, становясь взрослым, человек не терял это сказочное, поэтическое видение простых, обыкновенных вещей?

Человек растет. Он вырастает из своей одежды, из своей комнаты, из своего переулка. Он возвращается после каникул, и школьный двор, который еще так недавно казался ему целым миром, таинственным и незнакомым, теперь просто-напросто самый обыкновенный двор, изученный и обжитый. Кубики, «конструктор», игрушечный заводной самосвал — вещи, еще недавно имевшие для него огромную ценность, теперь вызывают лишь снисходительную улыбку. Ему смешно: неужели эти игрушки еще недавно могли его интересовать? Какие пустяки! Он уже большой. Он вырос. До них ли ему...

Точно так же бывает с иными детскими книжками.

Когда-то ты плакал, когда тебе читали о злоключениях героя. Ты счастливо смеялся его удачам. Но вот прошло несколько лет. Ты уже прочел другие книги. И случайно тебе попалась в руки та, давнишняя, детская. Ты улыбаешься: какими наивными, глупыми кажутся тебе твои вчерашние слезы и смех...

Так бывает часто. Но не всегда.

Я очень хорошо помню, как в детстве мне читали «Сказку о глупом мышонке» Маршака. Мне читали ее не в первый раз, я уже знал заранее о предстоящем печальном конце. Но всякий раз, когда доходило до того, как мышка-мать приглашала в няньки к мышонку кошку, снова и снова к горлу моему подкатывали слезы.

Сейчас, перечитывая эту старую сказку Маршака, я не реву в голос. И не плачу втихомолку. Но я не стыжусь своих детских слез, они не кажутся мне смешными и наивными. По правде сказать, мне и сейчас жаль глупого мышонка, отвергнувшего добрую тетю лошадь и поверившего лицемерной кошке. Мне жаль его, и всякий раз, когда я дохожу до последних строк, меня начинает тревожить тоскливое чувство, очень похожее на то, которое в детстве вызывало у меня слезы.

Прошло тридцать лет. А я все еще не вырос из этой сказки, как не вырос из «Детства Никиты» Алексея Толстого, из «Школы» Гайдара, из «Детства Темы» Гарина.

Почему это так? И почему так бывает не со всякими детскими книжками, а лишь с некоторыми, с немногими?

Очень просто. Почему человека перестает интересовать игрушечный самосвал? Да потому, что он проникся сознанием, что самосвал ненастоящий. А он уже вступил в тот возраст, когда ему интереснее смотреть на настоящий, чем наслаждаться всей полнотой обладания игрушечным.

Стихи Маршака настоящие.

Но разве бывают ненастоящие стихи? И, если бывают, чем отличаются они от настоящих?

Каждый из вас, вероятно, читал «Приключения Тома Сойера». Вы помните послушного, прилежного Сида? Главная черта характера Сида состоит в том, что он отлично знает, каким хотят его видеть взрослые, и очень удачно притворяется тем мальчиком, за какого его принимают. Тем ненастоящим, игрушечным, как любил говорить Алексей Максимович Горький, «отвратительно прелестным мальчиком», которых всегда рисуют на картинках в букварях.

Книги и стихи, которые писали для детей в старое, предреволюционное время, почти сплошь предназначались для таких вот, не

существующих в природе отвратительно прелестных мальчиков и девочек. Даже хорошие, настоящие поэты, сочиняя стихи для детей, приседали на корточки, начинали сюсюкать и изъясняться в совсем несвойственной им манере. Был, например, в начале нашего века очень известный поэт Валерий Брюсов. Его «взрослые» стихи многие люди помнят и любят до сих пор. Горький уважительно называл его «самым культурным литератором на Руси». Но тот же Брюсов для детей писал так:

Любо василечки
Видеть вдоль межи,
Синенькие точки
В поле желтой ржи.

Надо ли удивляться, что такие искусственные, слащавые стишки мало кто читал. Читали другие. Читали «Степку-растрепку», которого пересказал по-русски какой-то не шибко грамотный и не вполне владеющий русским языком немец. О герое этого произведения сообщалось, что

Он чесать себе волос
И ногтей стричь целый год
Не желал и стал урод.

Детям нравилось, что герой «Степки-растрепки» — живой, настоящий мальчишка, озорной и веселый. Но как это убого и безграмотно! Какой неуклюжий, спотыкающийся, нелепый стих, как не по-русски составлена фраза!..

Молодая советская литература продолжала дело великой русской литературы. Она создавалась не на пустом месте.

Тем, кто создавал советскую литературу для детей, пришлось гораздо труднее. Они вынуждены были начать с самого начала. Прежде всего надо было решить: кого взять себе за образец? У кого учиться?

Маршак выбрал себе двух учителей. Первым был Александр Сергеевич Пушкин. Вторым — фольклор, устное творчество народа.

Впрочем, был еще один, быть может, самый главный учитель.

Есть у Маршака одно маленькое стихотворение.

Оно, правда, адресовано взрослым. Но если вы хотите понять, в чем главный секрет вечной молодости поэзии Маршака, вдумайтесь как следует в эти строки:

Когда вы долго слушаете споры
О старых рифмах и созвучьях новых,
О вольных и классических размерах,—
Приятно вдруг услышать за окном
Живую речь без рифмы и размера,
Простую речь: — А скоро будет дождь!
Слова, что бегло произнес прохожий,
Не меж собой рифмуются, а с правдой —
С дождем, который скоро прошумит.

Маршак много размышлял в своей жизни над тем, каким должен быть стихотворный размер, и над тем, какими должны быть рифмы. Но давным-давно он понял главное: слова в стихах должны во что бы то ни стало «рифмоваться с правдой». Если стихи о дожде — то с холодными и звонкими каплями дождя. Если они об игре в мяч — с гулким хлопаньем мяча о мостовую, со стуком маленькой и крепкой мальчишеской ладони:

Я
Тебя
Ладонью
Хлопал.
Ты
Скакал
И звонко
Топал.

Ты
Пятнадцать
Раз
Подряд
Прыгал
В угол
И назад.

А потом
Ты покатился
И назад
Не воротился.
Покатился
В огород,
Докатился
До ворот,
Подкатился
Под ворота,
Добежал
До поворота.

Там
Попал
Под колесо.
Лопнул,
Хлопнул —
Вот и все!

А вот несколько строк из другого стихотворения:

Раз, два —
По полену.
Три, четыре —
По колену.

По полену,
По колену,
А потом
Врубился в стену.
Топорище — пополам,
А на лбу остался шрам.

Никак нельзя сказать, что автор этих стихов мало думал о том, каким ему писать размером. Недаром ритм, быстрое, учащенное дыхание этого стиха так напоминает любимые детские считалки.

Встреча с читателями.

И ритм и рифмы — все здесь расчетливо подобрано, крепко подогнано опытной, умелой рукой. Но настоящей поэзией эти стихи Маршака делает то, что слова в них рифмуются не только «меж собой». Они «рифмуются с правдой». Со свежим запахом только что расколотого березового полена, звонким стуком топора, с веселой растерянностью незадачливого мастера-ломастера.

Маршак не зря прислушивался к ритму детских считалок. Видно, неспроста эти нелепицы, часто лишенные всякого смысла сочетания слов, не стареют, живут десятки, а то и сотни лет, умудряясь пережить многие, далеко не бессмысленные стихи, написанные настоящими поэтами. Наверное, в самой природе этих считалок есть что-то очень близкое ребятам. Не случайно так часто стихи Маршака начинаются как считалки:

Раз,
Два,
Три,
Четыре.
Начинается рассказ:
В сто тринадцатой квартире
Великан живет у нас...

И совсем уж не случайно его стихи, даже те, которые ничуть не похожи на считалки, взяли у детских считалок свой веселый, легкий, задорный ритм. Ритм, в который так и хочется окунуться, который освежает, как сильный, чистый, холодный душ:

По Бобкин-стрит, по Бобкин-стрит
Шагает быстро мистер Смит
В почтовой синей кепке,
А сам он вроде щепки...

Я уже говорил, что и свое умение в и д е т ь предмет, который он описывает, Маршак взял у детей. Разве взрослый решился бы так описать человека: «А сам он вроде щепки...»?

Одну маленькую девочку попросили описать море. Она написала: «Море было большое».

Антон Павлович Чехов, который знал толк в писательском искусстве, говорил, что это самое великолепное описание моря, какое ему когда-либо приходилось читать.

Стихотворные строки Маршака часто бывают похожи на это описание моря. Его стихи, поэмы, сказки хорошо было бы иллюстрировать рисунками детей. Вот, например:

Плывет пароход
По зеленым волнам,
Плывет пароход
Из Америки к нам...

Так и видишь рисунок, на котором нарисованы крупно, каракулями бурные волны и огромный, во весь лист, пароход... И ничего больше.

Маршак сумел взглянуть на мир жадными, любопытными детскими глазами. Может быть, именно поэтому ему и удалось открыть целый поэтический материк, до него неведомый, никому из его предшественников не знакомый.

Б. САРНОВ

Небесный «миллионер»

На счету у замечательной советской летчицы Валентины Федоровны Стояновской 4 500 000 небесных километров! Это 19 тысяч часов в воздухе!

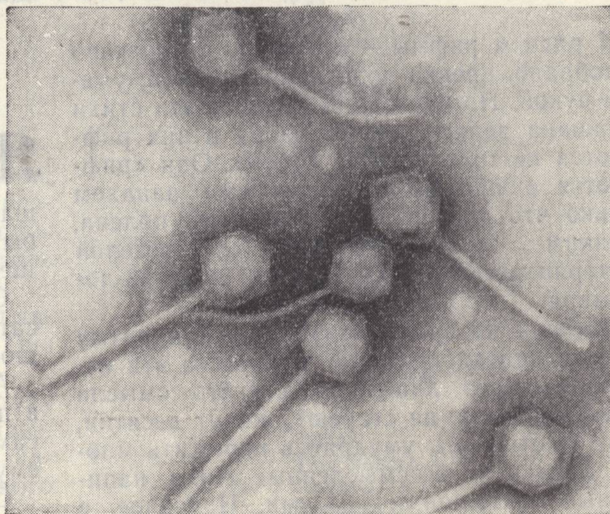
Валентина Федоровна летает уже более тридцати лет. Сначала планер, маленький «У-2» над колхозными полями, а потом, в грозные годы Отечественной войны, фронтовые рейсы, полеты к партизанам, в тыл врага. После войны — перевозка пассажиров и грузов. И за все это время ни одной аварии!

Сейчас пилот первого класса, дважды орденоносец Валентина Федоровна Стояновская работает командиром тяжелого реактивного корабля. Ее экипажу присвоено почетное звание экипажа коммунистического труда.

В. НАУМОВ

Портрет невидимки

— Что тут за граненые шарики, похожие на кристаллы, только с хвостиками? — спросили мы у научной сотрудницы лаборатории электронной микроскопии биологического отделения Академии наук СССР Л. Н. Хаджи-Мурат, предоставившей нам эту загадочную фотографию.

Оказалось, что на фото — бактериофаг. Представьте один сантиметр, разделенный на миллион долей. Представьте тело размером всего в пять таких крохотных отрезков. Это и будет величина головки фага, который перед вами. Многогранную форму головке придает оболочка из белка. Внутри головка почти целиком заполнена веществом особого свойства. Разновидности этого таинственного и удивительного вещества ученые находят во всех живых клетках. Называется оно дезоксирибонуклеиновой кислотой (сокращенно ДНК) и управляет построением всего неисчислимого множества белков, из которых состоят разнообразные клетки разнообразнейших живых существ.

Фаг отличается от всего живого тем, что он не трудится сам над построением своих белков. Зубчиками дисковидной пластинки на конце хвостика он внедряется в оболочку бактерии. Хвостик начинает сжиматься, укорачиваться. Из него, как нога из короткой штанины, появляется тонкий стержень. Но нет, это не нога, это скорей игла смертоносного шприца! Стержень вонзается, входит внутрь бактерии — и тогда все содержимое головки, вся ДНК фага впрыскивается в бактерию. Теперь снаружи осталась лишь пустая, опорожненная оболочка фага.

А его ДНК? Попав в бактерию, она действует на ДНК самой бактерии так, что вместо белков, свойственных бактерии, образуются белки, свойственные фагу. «Работая» на фага, бактерия убивает самое себя, потому что уже не пополняются белки, нужные ей для жизни. Наконец, даже ее оболочка растворяется, и тогда на сцену выходят фаги: с головками, с хвостиками — все как полагается. Фагов теперь видимо-невидимо, так много наштамповала их погибшая бактерия. Получается, что даже свое потомство фаги производят не сами, а как бы вынуждают этим заниматься другое, более сложное живое существо!

Но в таком случае у фагов отсутствуют два важнейших признака живых организмов: способность создавать белки своего тела и производить свое потомство. Может, они вовсе и не живые? Так некоторое время и думали ученые. А теперь снова сомневаются. Слишком уж сложно устроены эти «неживые»!

Некоторые фаги — союзники врачей в борьбе с дифтерией, тифом, холерой. Некоторые не полезны или даже вредны. Но на всех фагах ученым удобно исследовать тайны жизни и наследственности в живом белке.

Е. РУБЦОВА

Глиняные конверты

Документ в конверте.

Древние вавилоняне, жившие более четырех тысяч лет назад, писали на влажных глиняных плитках, вернее, оттискивали на них клинообразные знаки четырехгранными палочками.

В музеях хранятся тысячи таких плиток — и совсем миниатюрных, длиной 3—4 сантиметра, и больших, 20—30 сантиметров. Встречаются и круглые плитки. Это школьные тетради.

Надпись на глиняной плитке легко могла стереться. Поэтому плитки-документы для лучшей сохранности обмазывали тонким слоем глины. На таком конверте писали кратко, что в нем лежит, а иногда ставили еще и печати.

А письма, их тоже клали в конверты?

До нас дошло много древневавилонских писем, но все они без конвертов. Возможно, это потому, что, распечатывая письма, конверты разбивали.

Глиняное письмо.

Р. РУБИНШТЕЙН

А это печать с конверта.

Что дешевле?

Что дешевле: стакан нефти или стакан газированной воды? Многие ответят: «Конечно, воды!» И... ошибутся. Представьте, что стакан жидкого топлива, добытого на промыслах Татарии, в сотни раз дешевле стакана обычной «газировки».

Большую экономию государству приносит передовая технология, которую применяют нефтяники Татарии. Только фонтанный способ добычи топлива, при котором нефть естественно фонтанирует через скважину, сэкономил за последние годы 1 миллиард рублей.

А. КУМЫКИН

Города опускаются

Некоторые районы столицы Мексики за 70 лет опустились на семь метров. В чем причина? Оказывается, за это время сильно увеличилось население города и выросло потребление воды. В результате обезвоженные слои земли под тяжестью построек постепенно уплотняются и оседают.

Подобное явление наблюдается и в Токио. За короткое время этот город опустился на 0,3 метра.

С. ПИЩАЛЬНИКОВ

Чудесный полимер

Советские ученые получили новый полимер. Это—сложное химическое вещество, из которого можно легко приготовить несколько очень ценных лекарств. Первое лекарство — гемовинил — обладает свойствами человеческой крови и может заменить ее в тех случаях, когда необходимо сделать переливание крови больному.

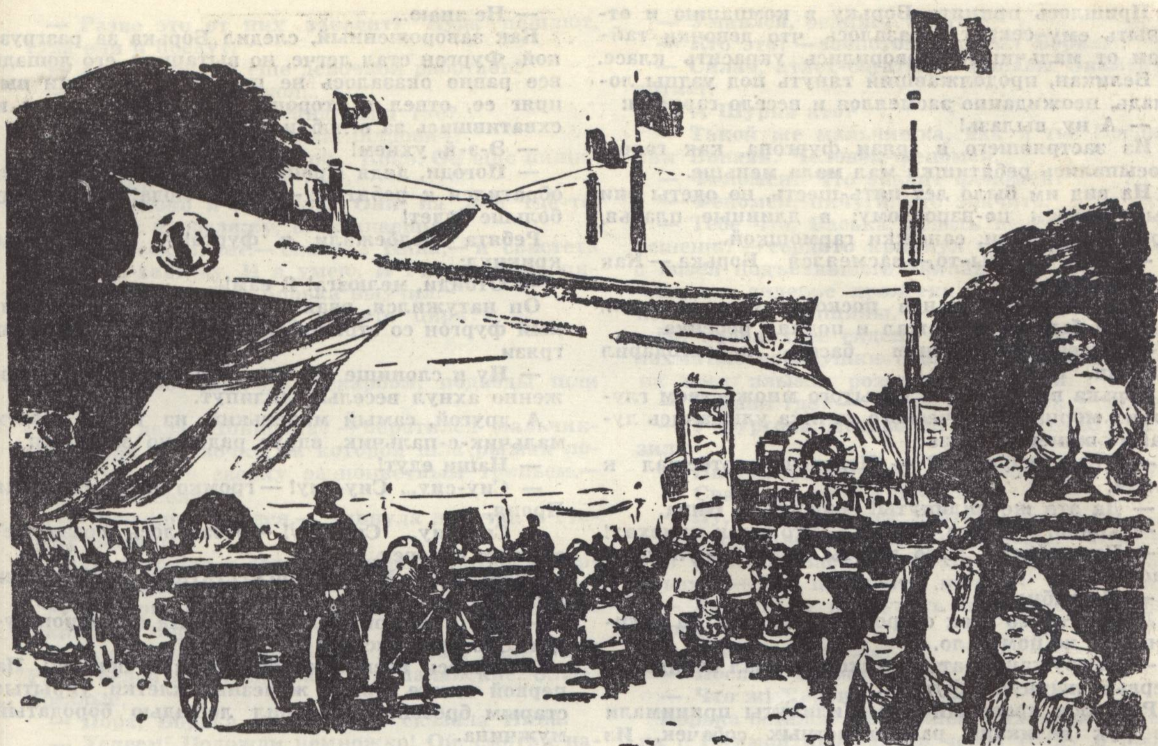
Второе лекарство — гемодез, отличается от гемовинила только своим молекулярным весом. Оно спасает больных от отравления ядами, которые выделяются вредными бациллами дифтерии, скарлатины, столбняка.

Когда врач назначает больному уколы пенициллина, уколы приходится делать два раза в день потому, что действие лекарства продолжается недолго. И вот из тех же веществ, из которых состоят гемовинил и гемодез, приготовляют еще одно лекарство — синпрол. Синпрол значительно продлевает действие пенициллина — от трех до десяти суток.

Осень в прибайкальской тайге. Охотник-эвенк приманивает изюбря. Он дует в берестяную трубу — эривун, искусно подражая реву зверя.

Фото В. Минкевича

ЦИРК приехал

Александр АРОНОВ

Рисунки Д. Пяткина.

Вы помните, конечно, ребята, как герой этой повести Борька Ваткин, спасаясь от побоев отчима, убегает из дому. Влас Шкапа и его сестра Нина взяли Борьку в свою семью, уговорили его пойти учиться. В школе у Борьки появляются друзья: Валя Кадулин по прозвищу Вираж-Фиксаж, Павлик Асиновский, вожатый Коля Плодухин и другие. Борьку принимают в пионеры. Для него начинается совсем иная жизнь, с новыми интересами и заботами. Но он помнит своих цирковых знакомых и ждет их возвращения.

Между тем в 5-м «Б», где учатся Борька, Нина и Влас, назревают сложные события: выясняется, что в классе есть доносчик Петька Бурлаченко. Ребята собираются устроить ему «темную». О том, что было дальше, вы узнаете в этом номере.

(Продолжение)

ЧЕЛОВЕК-ЗАГАДКА

На заре дождь кончился.

Первым, как всегда, завопил хрипастым басом петух отца Никодима. Его поддержали петухи с соседней улицы. Перекличка продолжалась долго. Потом наступила тишина.

Нина проснулась. И сразу же затрещал будильник, стоявший на стуле у кровати. Рывком она сунула его под подушку.

«Никто не проснулся»,— подумала Нина и начала одеваться.

Поднявшись по шаткой лестнице на чердак, она разыскала там портрет Толстого в тяжелой раме и осторожно стащила его вниз. Из кухни принесла горшок со столетником, выпрошенный вчера тихонько у матери. Прихватив портфель, она подняла ношу и вышла за калитку.

Ах, если бы Борька знал, какую тяжесть она тащит в школу! Перепрыгивая через лужи и увязая в грязи, Нина медленно двигалась по мостовой. По другой стороне ее какой-то огромный человек безуспешно тянул под уздцы лошадь, подбадривая ее ласковыми словами. Лошадь выбивалась из сил, а громоздкий, пестро размалеванный фургон, застрявший всеми четырьмя колесами в глине, так и не двигался с места. Нина остановилась, и вдруг кто-то подошел сзади и закрыл ей глаза руками.

Вывернувшись, Нина увидела Римму Болонкину, около которой стоял горшок со столетником и клетка с канарейкой.

По тротуару бежал запыхавшийся Борька.

— Куда это вы в такую рань собрались? Что за вещи тащите? Это Толстой с чердака? Эх, ты! Скрыла!

Пришлось принять Борьку в компанию и открыть ему секрет. Оказалось, что девочки тайком от мальчишек сговорились украсить класс.

Великан, продолжавший тянуть под уздцы лошадь, неожиданно засмеялся и весело гаркнул:

— А ну, вылазь!

Из застрявшего в грязи фургона, как горох, посыпались ребятишки мал мала меньше.

На вид им было лет пять-шесть, но одеты они были совсем по-взрослому: в длинные платья, брюки, пиджаки, сапожки гармошкой...

— Вот чудилы-то,— засмеялся Борька.— Как вырядились!

Один из мальчуганов поскользнулся и упал. Борька быстро подбежал и поднял ребенка.

— Спасибо,— хриплым басом поблагодарил малыш.

Борька вздрогнул: с изрытого множеством глубоких морщин старческого личика улыбались лукавые вишенки-глаза.

— Что, испугался? — Человечек отбежал к своим.

— Да это же лилипуты! — шепнула Нина.

— Точно! — ахнул Борька.— Это цирк приехал!

— Ну, свисти... Чего же ты замер? — улыбнулась Нина.

— Неудобно...

Лилипуты со всех сторон навалились на фургон. Это не помогало.

— Выгружай, братва! — скомандовал великан и первым нырнул в фургон.

Раздался яростный лай. Лилипуты принимали из рук великана разношерстных собачек. Из фургона вылетали тяжелые гири. На землю поставили ящики с голубями, тюки невиданной формы, плетеные сетки и другие удивительные вещи.

Особенно бережно опустили тяжелый, длинный ящик с дырочками на боках и крышке.

— Что это? — спросила Нина у Борьки.

— Не знаю...

Как завороженный, следил Борька за разгрузкой. Фургон стал легче, но вытащить его лошади все равно оказалось не под силу. Великан выпряг ее, отвел в сторону, поплевал на руки и, схватившись за оглобли, нараспев крикнул:

— Э-э-й, ухнем!

— Погоди, дядя Проня! — И веселый человечек обратился к ребятам: — Давай сюда! Все народу больше будет!

Ребята подбежали к фургону, но великан крикнул:

— Отойди, мелюзга! Я сам!

Он натужился, рванул за оглобли, и тяжеленный фургон со страшным скрипом выкатился из грязи.

— Ну и слонище же ты, дядя Проня! — восторженно ахнул веселый лилипут.

А другой, самый маленький из всех, совсем мальчик-с-пальчик, вдруг радостно запищал:

— Наши едут!

— Сиу-сиу... Сиу-сиу! — громко засвистел дядя Проня.

— Сиу-сиу... Сиу-сиу! — отозвалось сразу несколько человек.

Счастливый Борька торжествующе поглядел на девочек.

— Что я говорил! Сейчас Никита и Андрон будут! Это они свистят!

Появилось несколько фургонов и повозок. На первой телеге стояли железные клетки, укрытые старым брезентом. Правил лошадью бородатый мужчина.

— А Шурка где? — спросил его великан.

— С чертями спит в последнем фургоне. Намаялся при погрузке.

— А зачем вы ему грузить разрешили, Глеб Андреевич? — нахмурился дядя Проня.

— Да он сам. Ты что, Шурку своего не знаешь? Дядя Проня недовольно глянул на бородатого.

— Что случилось? — спросил Борька, нагнувшись к самому маленькому лилипуту.

— Рассердился, что Шурка грузил! — пояснил тот.

— Простите, — спросил Борька,— а Иван Абрамович там?

— Какой Иван Абрамович?

— Лекалов — Терри. Дрессировщик.

— Что ты, милый! Он же в ЦУГЦе работает. А у нас цирк частный. Иван Абрамович сейчас выступает в Ростове.

— Значит, он не приедет...— упавшим голосом сказал Борька.— А вы его видели, да? А как Никита с Андроном?

— Все в порядке. А ты их откуда знаешь?

— Мы хорошо знакомы... Я их так ждал... Они обещали... — быстро бормотал Борька, боясь расплакаться.

— Разве это от них зависит! Куда пошлют, туда они и поедут.
— А Никита все еще девочкой работает?
— Все еще девочкой...
— А Николай Александрович где?
— Что за Николай Александрович?
— Клоун. Толстый такой... Коко. Он еще пищики делает...
— Ах, Коко и Мишель! Они на юге где-то. А ты, как я погляжу, всех знаешь...
— Он всех знает,— сказала Нина,— и свистеть умеет по-вашему. И я умею. И Римма. Весь пятый «Б» умеет. Нас Борька выучил.
— Молодцы! Значит, любите цирк?
— Конечно, любим.
Борька вздохнул.
Груженные цирковым скарбом, подводы шли мимо.
— Как дела, Ноночка? — обратился мальчик-с-пальчик к девочке, за которой шла рыжая лошадь, укрытая сверху разноцветным тряпьем.— Чем расстроена?
— Буян простудился,— кивнула девочка в сторону лошади.
Буян подошел к своей хозяйке и потерся мордой о ее плечо.
— Смотри, Нина, медвежат ведут! — немного оживился Борька.
— Гималайские! —пробасил веселый лилипут.— Раз с белой грудкой, значит, гималайские. Злые-презлые.
— Пора, Борька, опоздаем! — сказала Нина.
— Успеем! Подожди немножко! Ой, смотри, народу-то собралось! Как в цирке!
С ребятами и мальчиком-с-пальчиком (его звали Василием Тихоновичем) поравнялась еще одна телега, на ней сидел и правил лошадью лысый, тощий человек. Рядом стояла клетка с очень грязным пеликаном. Сзади примостился пузатый барабан, на котором была нарисована смеющаяся клоунская рожа с красным носом. На барабане висели медные тарелки и связка бубенчиков, весело звенящих при каждом шаге лошади. Тут же лежали длинные ноги-ходули в широченных полосатых штанах и остроносых клоунских ботинках размером с мальчика-с-пальчика.
— Кто это? — спросил у лилипута Борька, когда телега проехала мимо.
— Это дядя Донат. Клоун, самый главный наш черт и шапитмейстер.
— Черт? — изумились друзья.
— Его воздушный полет называется «четыре черта». Дядя Донат выступает вместе с сыновьями и братом.
— Такой старый?
— Он и не старый вовсе.
— А лысый совсем...
— Вовсе и не лысый. Он специально бреет голову. А на макушке оставляет клок волос. Не заметили? Бантик завязывает для смеха. Выходит в шляпе, а как повиснет на трапеции, роняет шляпу в сетку. Тут все и видят у него на голове пышный бантик. А клоунаду работает в рыжем парике. Как Коко.
— А он и черт, и клоун, и еще кто? — спросил Борька.
— Шапитмейстер. Человек, который устанавливает цирк, ставит столбы, натягивает крышу без брезента. Такая крыша называется шапито. Как и сам цирк.
Подошел великан, вытащивший фургон.
— Ну, как Шурка? — спросил его лилипут.
— Умаялся, бедняга. Спит.
— Кто это? — шепотом спросил Борька.
— Силач, атлет-богатырь Вонави. Знаменитый артист.
— А Шурка кто?
— Такой же мальчишка, как и ты. Воспитанник Вонави. Человек-феномен.
— Феномен? Что значит феномен?
— Феномен, пичуги, это значит...
— Тебе что, Васька, делать нечего? Чего язык чешешь? — сердито крикнул сухонький старичок с козел подъехавшего экипажа.
Заднее сиденье пролетки занимала женщина невероятной толщины.
На коленях ее сидели две малюсенькие белые лохматые собачушки с бантами на шеях, глядя на всех злыми, розовыми глазами.
— Вонави где? — спросил старичок у лилипута.
— У фургона. Недоволен очень, что Шурка грузил.
— Ничего страшного. Все устали. И я устал.
— Сравнили себя с Шуркой!
— Ну, ладно! Будет болтать!
— Это хозяева наши, Ануфриевы,— тихо пояснил ребятам Василий Тихонович, когда экипаж отъехал.— Ну, прощайте, пичуги!
— Давайте и я грузить подсоблю! — вызвался Борька.
— А школа как же?
— Поспею. Время есть.
— Что ж! Хорошее дело...
Борька остался с Василием Тихоновичем, а Нина с Риммой пробрались через толпу и побежали в школу.
Девочки прибежали в школу рано и устроили генеральную уборку.
Мальчики входили в класс и замирали. Нравилось все: и цветы, и портреты, и аккуратно вырезанные бумажные занавески на окнах.
Остался недоволен один Ромка Смыкунов: его детище — стенгазету — перевесили с самого видного места в угол.
— Ребята! Цирк приехал! — радостно завопил Борька с порога.
— Знаем! Не ори! — ответил Влас.— Иди скорей сюда!
Он шептался в углу с Валькой, Павликом, Лешкой и Ромкой. Борьку посвятили в план «темной», которую решили провести сразу же после уроков в комнате для мальчиков. Первая часть ее — умывальня — всегда служила клубом, курилкой, местом «дуэлей» и «темных».
— Чтобы не спугнуть Петьку, соберемся там поодиночке,— объяснял Влас.— Кто возьмется завести его туда?
— Я попробую! — предложил Ромка Смыкунов.
— Один не справишься. Может, его придется силой туда заталкивать!
— Я помогу! — сказал Борька.
— Ладно. За это отвечаете оба!
В дверях появился самодовольный Петька.
— Здорово, ребята! О чем шепчетесь?
— Так... Ни о чем...— пожал плечами Борька.

Когда Сандро вышел из кабинета директора, ему попалась навстречу нянечка Ариша. Она изо всех сил трясла большим медным колокольчиком. Начинался второй урок. Одна за другой захлопывались двери в классы.
Свернув по пустеющему коридору направо, Сандро уперся в единственную раскрытую дверь с надписью «5-й «Б». Рядом у стены стоял мешок

с мелом. Сандро заглянул в класс, и ребята увидели Сандро.

Он был худенький, но непомерно широкоплечий. Руки глубоко засунуты в карманы брюк. Старенькие туфли надеты на босу ногу. Из-за пояса торчали учебники и тетрадки, некрасиво оттопыривая застегнутый на верхние пуговицы поношенный пиджачок. На бледном, смуглом лице мальчика горели огромные черные глаза. Ни на кого не глядя, он спросил с сильным кавказским акцентом:

— Место есть, да?

Ребята засмеялись.

— Есть, кацо лубэзный, на заднэй партэ прахады, пажалыста! — под общий хохот ребят ответил Ромка.

Новичок яростно сверкнул глазами в его сторону и, пройдя через всю комнату сквозь строй любопытных ребячьих взглядов, занял место на свободной парте в дальнем углу.

В класс вошла Маргарита Александровна.

— Здравствуйте, ребята!

Застучали крышки парт. Обратив внимание на празднично убранный класс, учительница спросила:

— Кто сегодня дежурный?

К доске с рапортом вышла Нина Шкапа.

— В группе всего тридцать восемь человек. Сегодня на уроках присутствует тридцать девять: к нам пришел новенький.

— Спасибо, Нина.

Ребята сели. Учительница раскрыла журнал.

— А ну-ка, новенький, поднимись!

Не вынимая рук из карманов, новенький встал.

— Твоя фамилия, имя?

— Татешкелиани Сандро.

Учительница записала в журнал.

— Ты грузин?

— Сван.

— Сван?

— Это в Грузии место такой есть. В горах. Знаешь?

— Знаю! — улыбнулась учительница.— К нам в Сибирь ты попал из Сванетии?

— Зачем из Сванетии? В Омске работали.

— Так ты теперь в Омске живешь?

— Зачем? Где работаю, там и живу! Где живу, там школу хожу! Не понимаешь, да? — сердито ответил новичок.

— Нет, Сандро, не совсем понимаю! — спокойно сказала Маргарита Александровна.— Выходит, ты и работаешь и учишься? Так?

— Так!

— Тебя отец привел в школу?

— Сам пришел. Отец нет. Мать нет. Дядька есть.

— У директора был?

— Был. Нет в кабинете. Сказали, завтра придет. Зачэм ждать буду? Прямо сюда пришел. Что, нельзя? Назад к дядьке идти? Уйду!

— Ух, какой горячий! — Глаза Маргариты Александровны смеялись.— Никуда уходить тебе не надо. Завтра вместе пойдем к директору. И учти, пожалуйста, на будущее: учительнице и вообще старшим говорить «ты» нехорошо. Это так же некрасиво, как и руки держать в карманах. Понимаешь? А теперь садись.

Новенький молча опустился за парту.

* * *

Шел третий урок — география. По классу летали записочки. Старательно прикрывая бумагу ладонью, Римма настрочила записку, сложила ее, как порошок от лекарства, и, немного поколебавшись, подбросила на парту новичка. Это заметил Ромка, и ему стало жарко.

Ася Смирнова писала Зое Жук: «Что он, безрукий, что ли? Почему ничего не пишет? Почему не вынимает из карманов рук? Римка ему бросила на парту записку, он даже не взглянул. А она отвертела всю шею!»

На большой перемене Ромка зашел в пустой класс и увидел на месте новичка Риммину записку. Сунув ее в карман, он поднялся на чердачную лестницу, потом развернул записку и... чуть не съехал со ступенек.

«Одна душа страдает, а другая не знает...», — вот что писала Римма новичку.

Ромка стремглав бросился вниз и наткнулся на Сандро.

— Эй ты, «Ручки в брючки», Дикобраза не видел? — еле сдерживая ненависть, спросил Ромка.

— Нет, жирный камбала, не видел,— спокойно ответил Сандро, повернулся спиной и вошел в класс.

— Я тебе припомню еще эту «жирную камбалу»! — еле слышно прошептал Ромка.

Власа Ромка отыскал на школьном крыльце. Там были и Борька с Валькой Кадулиным.

Ромка атаковал Власа.

— Почему бы нам заодно с Петькой Бурлаченко не устроить «темную» и новенькому?

— А за что? Он вроде ничего парень-то! — ответил Влас.

— Да, «ничего»! Камбалой обозвал тебя! Я его спрашиваю: «Не видел Власа Шкапа?» А он отвечает: «Буду я следить за камбалой твоей!»

Ребята недоверчиво рассмеялись.

— Ну, и не верьте! Гордости, Влас, у тебя нет! Я бы на твоем месте дал ему в глаз!

— Брось подначивать! — рассердился Влас.— Ты просто на новичка зуб имеешь.

— Я зуб имею? За что? — возмутился Ромка.

— За то, что Римма Болонкина подкинула ему записочку. А ты Римку вчера очень удачно проводил домой. Это тоже всем известно,— сказал Борька.

Ромка чуть не задохнулся от злости.

— Оставь новичка в покое! — строго сказал Влас.— Ясно?

Но Ромка не унялся. Подговорив нескольких мальчишек, он на последней перемене захлопнул дверь перед самым носом Сандро.

Сандро усмехнулся и прошелся по пустому классу. Из-за двери раздался громкий хохот. Там о чем-то сговаривались.

— Три-четыре! — скомандовал Ромка, и полилась песня:

В Александровском саду
Музыка игрался,
Карапетик сван Сандро
Туда-сюда шлялся!

— Пустите! Слышите, да? — крикнул с угрозой Сандро.

Пение продолжалось. Ромка Смыкунов нагнулся и увидел в замочную скважину, как Сандро, пробормотав что-то по-грузински, яростно замотал головой и опустился на свою парту.

— Вы знаете, что делает карапет,— сказал Ромка.— Дразнится! Показывает нам язык! Грозится кулаками.

Ромка подал знак, и хор грянул еще громче.

Новичок сорвался с места и отчаянно заколотил каблуками в дверь. Подошел Борька. Поняв, в чем дело, он сказал Ромке:

— Прекрати сейчас же! Слышишь? А то позову Власа! Он тебе покажет!

— Зови, пожалуйста!

Борька ушел. Ромка опять наклонился к скважине. Сандро пропал из поля зрения. На учительский стол упала тряпка.

«На доске пишет что-то»,— сообразил Ромка, а ребятам сказал: — Сван-то, сван что вытворяет! Подошел к двери и плюнул в нашу сторону. И показал кукиш.

Появился Влас. Растолкав ребят и отвесив подзатыльник Ромке, он распахнул дверь.

Сандро стоял посреди класса. Через всю доску плясала неровная надпись: «Все вы дешевые повидлы!»

Раздался звонок. Сандро с вызовом посмотрел на ребят и медленно пошел к своей парте.

На уроке пения группа вела себя неспокойно. Старичок учитель выбивался из сил, призывая ребят к порядку. Он стучал смычком по скрипке, уговаривал, а ребята шушукались, гудели, перекидывались записочками.

Ромка сидел мрачный и чувствовал себя обиженным. Когда же получил записку от Власа: «Подсядь к Петьке. Готовь его. Скоро звонок»,— чуть не подскочил от радости. В голове Ромки мгновенно созрел гениальный план. Пересев на Петькину парту, Ромка спросил его зловещим шепотом:

— Тебе что дороже, жизнь или кошелек?

— Жизнь,— весело ответил ни о чем не подозревавший Петька.

— Это хорошо, что жизнь... Очень хорошо...— зловеще протянул Ромка.

— А что такое? — забеспокоился Петька.

— Тогда поклянись, что никому не расскажешь о том, что сейчас узнаешь, и сделаешь все, что я прикажу.

— Клянусь!

— Тебя собираются убить,— спокойно сказал Ромка.— И только я, я единственный человек на земле, который может тебя спасти.

— Когда убить? — спросил Петька глухим голосом.

— Сегодня. После уроков.

— За что?

— За фискальство. Известно все. И про футбол. И про скелет. И про все. Ты погиб! Тебе это ясно?

— Ясно. Что же делать?

— Если я тебя спасу, ты завтра принесешь мне столько денег, сколько стоит штатив для аппарата, или сам штатив купишь. Согласен?

— Да. На все согласен...— бормотал Петька.

— Ты видишь, какой я благородный человек? Я не прошу фотоаппарат. Я прошу только штатив. А теперь слушай!

План Ромки был таков. Как только кончится урок, Петька должен остаться в классе и задержать новичка. Ромка отошлет Борьку вывернуть пробки. Это далеко, и Петька с Ромкой все успеют. Как только в коридоре погаснет свет, Петька должен выйти из класса вместе с Сандро, помочь ожидающему в условном месте Ромке натянуть на него мешок из-под мела и втолкнуть Сандро в комнату для мальчиков. Вот и все. После этого Петька может бежать: путь будет свободен. А Ромка скажет, что все перепутал в темноте.

— Я гений? — спросил Ромка.

— Гений, гений...— выдавил из себя дрожащий Петька.— А как я новичка задержу?

— Это уж твоя забота. А сейчас пиши расписку, что мне должен штатив. Пометь задним числом.

Петька написал распис-

ку. Ромка вернулся на свое место и послал Борьке записку: «Как только вывернешь пробки, возвращайся в класс. Я задержу Петьку».

Барашеньки-крутороженьки,
По лесам ходят,
По полям бродят,
В скрипочку играют...—

пел учитель под свою скрипочку.

По коридору прошла нянечка Ариша со звонком.

Ребята разом поднялись с парт и, не дожидаясь разрешения учителя, выбежали из класса. За ними выскочили девочки.

Учитель пения бережно завернул скрипку в кусок засаленной фланельки, осторожно уложил ее в футляр и, попрощавшись с Сандро и Петькой, вышел.

— О чем говорить хотел? Зачем ждать велел? — спросил у Петьки Сандро.

От страха у Петьки стучали зубы. Он сказал:

— Так просто. Давай дружить.

— У нас на Востоке не договариваются о дружбе. Понятно, да? Дружба не начинается со слов. Дружба начинается с дел. Может, я человек плохой? Как дружить можно?

Петька глянул в коридор. Свет еще горел.

— Нет, нет, ты хороший...— бормотал Петька.

— Перестань, да? Так говорить не дело! — сказал Сандро и поднялся с парты.

— Куда же ты? — испуганно крикнул Петька.— Куда?

— А тебе какой дело? Ты что? — сказал новичок и направился к двери.

За ним поплелся и Петька.

— Ну подожди! Подожди немножко. Куда спешишь?

— А чего ждать? Домой надо. К дядьке. Понятно, да? Ты чудак, да?

Коридор был пуст. Куски мела валялись на полу у стенки. Мешка, в котором он лежал, не было.

До выхода на улицу оставалось еще две двери: в раздевалку и в комнату для мальчиков...

Вдруг погас свет. Сандро остановился. За его спиной скрипнула половица, раздался шепот. Сандро не успел повернуться, как сзади на него натянули мешок из-под мела. Чьи-то руки схватили его и втолкнули в комнату для мальчиков...

Вывернув пробки, Борька бросился в класс. К его удивлению, там не оказалось ни Петьки, ни Ромки. Ничего не понимая, Борька побежал в комнату для мальчиков. У дверей стоял Ромка.

— Иди, иди, все в порядке! — шепнул он Борьке.— Один затолкнул!

Борька вошел.

Со всех сторон на Сандро сыпались удары. Он задыхался в мешке. Били по груди, по спине, по всему телу. С шумом вылетели из мешка и разлетелись учебники и тетрадки. Сандро отбивался ногами. Кто-то взвыл:

— Это нечестно ногами драться!

— А портфелями бить честно? А всем одного бить честно, да?! — крикнул из мешка Сандро.

Но до ребят доносилось только невнятное бормотание.

— Будешь знать, как фискалить! —измененным голосом крикнул Лешка Косилов.

«Кому? О чем фискалить?» — словно сквозь туман подумал Сандро.

Кто-то поймал его за ногу. Сандро отлетел в угол, больно ударившись головой о кафель. Падая, он вывернулся из мешка.

Увидев вместо Петьки Бурлаченко Сандро, ребята обомлели. Вид мальчика был страшен. С волос сыпался мел, из угла рта по напудренному подбородку тонкой струйкой шла кровь. Над глазом вспух фиолетовый фонарь.

— Так ты не Петька...— в изумлении промолвил Влас, совершенно растерявшись.— Так ты не Петька... Как же это?..

Но что такое? Влас вдруг резко вскрикнул от боли и повалился на спину. Падая, он процедил сквозь зубы:

— Ясно. Прием «Курума-Каеши»... Боковой гриф для дам...

— Смывайтесь!— приоткрыл дверь Ромка Смыкунов.— Аркадий Викентьевич идет!

Ребят как ветром сдуло. Борька бросился поднимать Власа. Тот завопил не своим голосом:

— Не трогай! Больно!

Борька отпрянул.

— Жалко, мало тебе больно! — сказал Сандро, поднимаясь с пола и тяжело дыша.

— В чем дело? — спросил учитель.— Что за драка? Они тебя били? — повернулся он к Сандро.
— Зачем били? Я их бил.
Борька и Влас переглянулись.
— Неправда. На тебя напали! «Темную» устроили. Ты говори, не бойся. Я их проучу как следует!
— Дай пройти! — И Сандро вышел из комнаты.
Допрос Борьки и Власа ничего не дал. Как начали они: «Мы сами по себе, а он сам по себе»,— так и кончили.
— Я этого не оставлю! — пригрозил Аркадий Викентьевич.
Схватив мешок и встряхнув его так, что пыль стала столбом, он скрылся.
— К Коле Плодухину побежал! — сказал Влас.
— Фискалить! — согласился Борька.
— Книжки-то подбери! Отдать надо!
Друзья вышли на улицу. Влас опирался на Борькино плечо, морщась при каждом шаге. Борьку и Власа облепили друзья.
— Ну, Ромка, ты за эту подлость ответишь,— зловеще глянул на Смыкунова Влас.
Ромка состроил жалостливую физиономию.
— Вы что? С ума сошли? Я здесь ни при чем. Это Петька Бурлаченко! Он вместо себя подтолкнул новичка, а сам смылся. Я и не заметил подмены. Я, может, больше вас всех на Петьку зуб имею. У меня есть доказательство. Документ с подписью.
Ромка протянул Петькину расписку Власу.
— Видишь, сколько времени Жиртрест мне штатива не отдает. Так вот, подумай сам, хотел я отомстить Петьке или нет? А в темноте и ты мог бы перепутать кого угодно. Борька-то не сразу свет выключил, как договорились, а задержался почему-то...
— Мне нянечка Ариша помешала...— оправдывался Борька.— Рядом крутилась...
— Вот видишь! Ему нянечка Ариша помешала, а я отвечай!
Окно пионерской комнаты приоткрылось. Показался вожатый Коля Плодухин.
— Ребята! Зайдите на минутку.
— Ну, сейчас будет баня! — вздохнул Борька.
— А может, не пойдем? Скажем, что заняты?— предложил Ромка.
— А чего трусить-то? Что сегодня, что завтра! Семь бед — один ответ! — решил за всех Влас.
Вожатый сидел за столом и что-то писал.
— А, явились! Очень хорошо! Я сейчас! Только закончу письмо.
— Не знает...— шепнул Власу Борька.
— Не-е-ет, знает...— усомнился Влас.
— Вот-вот, ребята, вы поговорите, поговорите пока! — сказал Коля, оторвавшись от письма.— Я сейчас. А ты, Ваткин, слетай в библиотеку и на мое имя попроси однотомник Помяловского.
Борька стремглав убежал.
— Ну, все! — сказал Коля и обратился к Власу: — Слушай, Шкапа, ты что-то вроде хромаешь?
— Споткнулся! — помрачнел Влас.
— Ай-яй-яй! — ужаснулся Коля.— Что же ты такой невнимательный? Так ведь недолго и голову разбить.
— Вот она, книга! — крикнул запыхавшийся Борька, запнулся на пороге и грохнулся на пол.
Тяжелый том отлетел прямо под стол. Все засмеялись, а Борька громче других.
— Что за день сегодня невезучий такой? — заметил вожатый.— Все ноги ломают...
— Зачем вызывали? — не глядя на него, спросил Влас.
— Книжку одну хочу почитать вам вслух. «Очерки бурсы». Может, читал кто?
Руки подняли Павлик и Нина.
— Что можешь сказать про книгу? — обратился Коля к Павлику.
— Интересная книга про бурсаков! Как учились ребята в старое время. Как бурсаков учителя били розгами.
— А за что ребят обзывали барсуками? — спросил Борька.
— Не барсуками, а бурсаками! — рассмеялся вожатый.— От слова «бурса». Тебе, Ваткин, будет особенно приятно послушать. Книга эта про будущих священников, пономарей, дьячков и других твоих приятелей.
— Борьку будет воспитывать! — зашептал на ухо Власу Валька.— Вот зачем собрал всех. А не из-за «темной».
Влас немного успокоился.
— Ребята,— сказал вожатый, поднимаясь из-за стола,— ни у кого из вас случайно не найдется марочки?
— Нет.
— Ну и память у меня! — воскликнул Коля и подошел к шкафу.— У меня у самого есть!
Он открыл шкаф, долго рылся в нем и отыскал конверт с маркой.
— Я сейчас! Адрес напишу — и все. Значит, сегодня и уйдет письмецо. Очень важное письмецо.
«Далось ему письмецо это, носится с ним!» — подумал Влас.
Коля снова сел за стол.
— Глядите! — с ужасом показал Борька на раскрытый шкаф.
На нижней полке лежал мешок из-под мела. Ребята перевели взгляд на вожатого. Тот продолжал спокойно возиться с письмом.
— Что это вы на меня так уставились? — оторвался от работы Коля.— Сейчас будем читать! Что это вы такие молчаливые сегодня?
Никто не проронил ни слова.
Коля вырезал ножницами из газеты какую-то статью, вложил ее в конверт и заклеил его.
— Ну, вот и все. Начинаем! — сказал Коля и раскрыл книгу.
— «...Карася отвели в бурсу». Карась — это прозвище новичка,— пояснил Коля.— Тогда, как и сейчас, любили ребята давать прозвища! «Новичок отправился на двор, где и присоединился к кучке бурсачков, игравших в рай и ад, то есть скакавших на одной ноге среди начерченной на земле фигуры, причем носком сапога они выбивали из разных отделений камешек... «Это очень весело»,— подумал Карась...»
— Известная девчоночья игра! — вставил Валька.
— «Но в то же время Карась услышал насмешливый голос:
— Новичок!
— Городской!
— Маменькин сынок!
«О ком это?» — подумал Карась.
Его щипнули».
Ромка Смыкунов и несколько ребят хихикнули.
— Весело, правда? — обрадовался вожатый.— Дальше пойдет еще веселее.
И он прочел дальше:
— «Наконец, кто-то сшиб Карася с ног. Карасю живот тискали, Карась задыхался, Карась землю ел, Карась плакал... После долгих усилий

он вырвался кое-как и ударился бежать в класс. Бурсаки бросились за ним в погоню».

Коля внимательно обвел глазами хохочущих ребят и продолжал:

— «Несчастного Карася щипали, сыпали в голову щелчки, кидали в лицо жеваную бумагу. Рев был до того невыносим, что Карасю представлялось, что ревет кто-то внутри самой головы его и груди. Начинал он шалеть, предметы в глазах путались, линии перекрещивались, цвета сливались в одну массу. Еще минута — и он упал бы в обморок...»

Ребята уже не смеялись.

— «Но Карася так жестоко щипнули, что вся кровь бросилась в лицо, в висках и на шее вздулись жилы».

«А новичку, пожалуй, было еще хуже. Портфелями били...» — вспомнил Влас и посмотрел на мешок, лежащий в раскрытом шкафу. Он заметил, что почти все ребята смотрели туда же.

— «На Карася бросились ученики большого роста.

— На воздусях его!

Карась повис в воздухе.

— Хорошенько его!

Справа свистнули лозы, слева свистнули лозы; кровь брызнула на теле несчастного, и страшным воем огласил он бурсу. С правой стороны опоясалось тело двадцатью пятью ударами, с левой — столькими же. Пятьдесят полос, кровавых и синих, составили отвратительный орнамент на теле ребенка, и одним только телом он жил в те минуты, испытывая весь ужас истязания, непосильного для детского организма».

Влас оторвал взгляд от мешка и глянул по сторонам. Борька тер кулаками глаза, Римма Болонкина даже не вытирала слез, Нина закрыла лицо ладонью, Вираж-Фиксаж кусал ногти.

Голос вожатого зазвучал громче:

— «И ни одного слова в оправдание, ни одной мольбы о пощаде...»

«Совсем, как новенький»,— подумал Борька.

Изредка поглядывая на ребят, Коля продолжал:

— «...раздавался только крик живого мяса, в которое впивались красными и темными рубцами острые, яростные лозы...»

Краска бросилась в лицо Власа, и вдруг впервые в жизни почувствовал он, как откуда-то снизу поднимается огромный, тяжелый ком и медленно подступает к горлу...

— «Тело страдало, тело кричало, тело плакало... Душа Карася умерла на то время».

— Хватит! Не надо больше! — не выдержал Влас.

— Ну что ж, не надо так не надо! — согласился вожатый и закрыл книгу.

Ребята поднялись.

— Нина, опусти письмо,— попросил Коля.

— Пожалуйста...

От самой школы никто не проронил ни слова. Позади всех плелся Ромка Смыкунов. Несколько раз пытался он завязать разговор, но его не поддержал никто.

— Посидим немного,— предложил Влас, когда ребята дошли до горсада.

— Болит, да? — спросил Борька у друга.

— Еще бы! Прием-то «Курума-Каеши»!

Ребята опустились на скамейку неподалеку от афишной тумбы. Молчание нарушил Павлик:

— Как только он про Карася начал, я сразу догадался, о чем пойдет речь.

Ребята помолчали. Влас вспомнил:

— А кому он письмо-то хоть писал?

— Не знаю...— ответила Нина.

— Давайте посмотрим,— сказал Борька.

Нина достала из портфеля письмо и, взглянув на адрес, вскрыла конверт.

— Что ты делаешь? — закричал Влас.

Нина спокойно ответила:

— Не кричи, пожалуйста! Это письмо нам!

— Как так нам?

— Очень просто. Звену пионеров имени Крупской.

И Нина, оглядев ошеломленных ребят, стала читать:

— «Если вы, ребята, внимательны, то это письмо прочтете сегодня же! Нет, так завтра его доставит в школу почтальон. Не знаю, какое впечатление произвел на вас Помяловский, но, глядя на вас сейчас, думаю, что сильное. Но не обо всем сказано у Помяловского. Отвратительно то, что вы, пионеры, били и травили грузинского мальчика. Надежда Константиновна Крупская написала письмо всем пионерам, которые состоят в звеньях ее имени. Оно напечатано в «Пионерской правде». Я вырезал это письмо. Там и о национальной вражде сказано и еще о множестве вещей, о которых пионерам забывать нельзя. Прочтите его. Потом вместе обсудим. Коля».

«Вы же, ребята, не малыши и не слепые,— начиналось письмо Надежды Константиновны,— вы живете не под колпаком, а жизнь не по рельсам катится кругом. Много еще в ней плохого: безграмотности, пьянства, угнетения женщины, богатые притесняют бедных, сильные слабых, люди не помогают друг другу, неорганизованы, верят в бога и чертей и т. п.».

— Видишь, Борька, кто о тебе заботится? Сама Крупская!— шепнул Валька.

— Не мешай, Вирфикс! — отмахнулся Борька.

Надежда Константиновна говорила в письме о том, чтобы ребята смелее вторгались в жизнь, помогали изменить ее к лучшему, заступались за слабых ребят, защищали детей-евреев от тех, кто дразнит их «жидами».

Письмо кончалось так:

«Вы не бары и не институтки — вы дети трудового народа, вы ленинцы, пионеры, и не к лицу вам подражать барчатам. Вы подростки, а подростки уже много могут сделать».

Нина оглядела ребят и вложила письмо в конверт.

— С сегодняшнего дня все прозвища отменяются! — неожиданно сказал Влас.— Если кто кого обзовет, со мной будет дело иметь!

— А если по привычке кто кого обзовет?— спросил Валя Кадулин.— Сразу-то не отвыкнешь...

— Первое время штрафовать можно,— предложил Борька,— а потом поговорить и по-другому!

— Принято единогласно! — сказал Лешка Косилов.

— Ты что это, мерзавец, делаешь? — раздалось из-за афишной тумбы.

Уже знакомый Нине, Римме и Борьке бородатый мужчина из цирка трепал за уши худенького мальчугана.

— Как вам не стыдно маленьких обижать? — обратился к бородатому Ромка Смыкунов.— За что вы его мучаете?

— Я не мучаю его, а уму-разуму учу! — засмеялся бородатый.— Чтобы клей не жрал!

— Какой клей?

— Обыкновенный, мучной. Его директор цирка послал рекламу клеить, а он, щенок, вон что вытворяет! Пошли! — щелкнул в лоб мальчишку бородатый и зашагал прочь.

Мальчишка, подхватив кисть, ведро с клеем и афиши,— за ним.

— Вы его, наверное, голодом морите, вот он и ест клей! — крикнул им вслед Борька, но бородатый даже не обернулся.

— Вот тебе и вмешались в жизнь! — огорчился Павлик.

— Ребята! — позвал друзей Валька.

Он уже стоял у афишной тумбы.

Вся тумба была заклеена пестрым плакатом.

ОТКРЫТИЕ ЦИРКА И ПАНОПТИКУМА АНУФРИЕВЫХ!

Тысяча удовольствий! Грандиозные и эффектные представления! Три разнообразных отделения! В антрактах посещение конюшни и паноптикума!!! Там: Наполеон, Смерть Марата, Святая Инквизиция, Русалка и многое другое! Весь вечер на манеже Чарли Чаплин!

СПЕШИТЕ ВИДЕТЬ!!!

Невероятно, но факт! Нужно видеть, чтобы поверить! Силовой аттракцион! Итальянский чудо-богатырь Вонави. Борьба с удавом! Разрывание цепей! Вырывание зубами гвоздей!

— Итальянец, а как по-русски разговаривал! — вспомнил Борька.

Борька и девочки без труда узнали на снимках и веселого лилипута и остальных новых знакомых. Василий Тихонович был сфотографирован рядом с огромной толстухой. Они были облачены в восточные халаты и белые тюрбаны. В руках толстухи блестел кривой меч.

Старик директор, помещенный на отдельной фотографии, был в чалме и во фраке. «Али-Индус! Факир, гипнотизер, доктор черной и белой магии» — было написано под фотографией.

Весело скалили зубы выстроившиеся в один ряд четыре «черта» со скрещенными на груди руками.

— Ой, ребята, на снимке-то кто! Глядите! — изумилась Римма.

С фотографии, помещенной в самом низу, ребятам улыбалось лицо новичка. На Сандро красовался цилиндр и накидка. Во рту дымилась длинная сигара. А подпись была такая: «Человек-загадка, человек-феномен, чудо двадцатого века САНДРО ТА-ТЕШ!»

— Вот те на! — свистнул Павлик Асиновский.

— А он не Та-тешем назвался, а Татешкелиани,— сказал Валька Кадулин.

— Сокращенно будет Та-теш. Псевдоним,— разъяснил Павлик.— Как Вирфикс.

— А что такое феномен?

— Исключительный, сверхъестественный человек.

— Что же в нем такого исключительного? — спросила Нина.

— Все! — сказала Римма.— Я сразу почувствовала!

Ромка помрачнел. Павлик Асиновский предположил:

— Он гипнотизер, наверное. Помните, как он быстро в уме задачку решил? Подобный номер делал гипнотизер. Ему давали расческу, и он сразу угадывал, сколько в ней зубьев. Потом на доске зрители писали столбиком многозначные цифры, крутили вокруг оси доску, а гипнотизер, пока она крутилась, мгновенно ответ подытоживал. И еще, конечно, мысли угадывал.

— И ты думаешь, что и новичок мысли угадывает? — спросила Римма.

— Если он феномен-гипнотизер, то, конечно, угадывает!..

— Ну-да, угадывает! — усомнился Борька.— Если бы угадывал, так в окошко бы выпрыгнул и в «темную» не попал.

— Завтра все узнаем! — сказал Влас.

Но назавтра Сандро в школу не явился.

ТАЙНА ОТЦА НИКОДИМА

Встав пораньше, Ромка отправился к Петьке Бурлаченко, которого решил окончательно запугать. Его ожидала приятная новость.

— За штатив я тебе деньги отдам, я человек благородный,— сказал Петька,— но больше у вас в школе учиться не буду. В другую перехожу.

— Правильно! — обрадовался Ромка.— А то убьют и спасибо не скажут. Неблагородные люди. Меня вчера заподозрили, что я тебя спас. Тоже чуть не убили. Я уж и не рад был, что из-за штатива жизнью рисковал. Мало я с тебя запросил. Честно скажу. Мало! Из Карапета-то шашлык сделали.

Петьку передернуло.

— Как же ты в другую школу решился перейти?

— Неохота учиться со всякой шпаной. Противно.

Юные негодяи помолчали. Ромка сказал:

— Мне тоже противно, но что поделаешь? Приходится терпеть. Ну, так насчет штатива не забудь. Я загляну на днях. А насчет тебя скажу, что ты с родителями в Америку уехал.

— Не поверят. Ты лучше скажи, что ко мне приехал старший брат. Моряк. И если кто меня тронет, плохо будет. Скажи, что он чемпион по боксу.

Успокоенный Ромка помчался в школу.

После уроков в пионерской комнате состоялось обсуждение письма Крупской. Ребята постановили немедленно отправиться в цирк, разыскать новичка и от имени всей группы принести ему извинения. Делегатами избрали пятерых: Власа, Нину, Римму, Борьку и Павлика.

Еще издали показались между деревьями две высокие цирковые мачты. Ребята вошли в сад.

На каркас циркового барабана натянули брезент, но крыши еще не было. Ветер хлопал брезентом, мачты качались, и было боязно за прилепившихся к ним двух смельчаков. В первом ребята тут же узнали клоуна и главного «черта» дядю Доната. Он был босой, без пиджака.

«Черти» возились с тросом, идущим из центра барабана через блок, который висел на перекладине между мачтами. Сделав что-то с креплениями, босоногие «черти» ловко и быстро соскользнули по мачтам внутрь барабана. Вскоре из него появилась остроконечная брезентовая крыша. Она поднималась вверх к перекладине.

— Раз-два — взяли! — кричали артисты, тянувшие за трос снизу.

Крыша дошла до перекладины и остановилась.

Из цирка вышел бородатый.

— Нам бы Татешкелиани. Или Василия Тихоновича...

— Шурку не видел. А что за Василий Тихонович?

— Лилипут.

— Васька, что ли? — догадался бородач.— Пройдите в цирк. Не все, конечно! Он на манеже, кажется.

— Идите вы,— решил Влас, передав Нине и Борьке тетрадки и учебники Сандро,— мы будем ждать вон на той скамейке.

Борька и Нина шмыгнули внутрь.

Цирк состоял из огромной черной земляной ямы-воронки с манежем в центре. Манеж еще не был готов.

— Разве это работа? — кричал на артистов доктор черной и белой магии Али-Индус.— Разве это манеж? Перекопать! Разровнять! — приказал он и пошел к плотникам.

Плотники настилали грубые доски на врытые в землю свежие деревянные колья. Директор, видимо, остался доволен их работой, ничего не сказал.

Лилипуты обивали барьер материалом, под который засовывали сено, стружки и солому.

— Простите,— обратился Борька к одному из них,— вы не знаете случайно, где Василий Тихонович?

— Случайно знаю! — пропищал лилипут, вынув изо рта гвозди.— Собак кормит! — и указал молотком в сторону циркового двора.

Во дворе артисты разгружали ящики и составляли из металлических частей какую-то сложную аппаратуру. На ребят никто не обратил внимания.

Нонна кругами прогуливалась по двору. За ней послушно следовал невзнузданный Буян. Возле медвежьей клетки сгрудилось несколько человек. Медвежонку лечили зуб. Четверо рабочих держали его сквозь прутья клетки. Человек в белом халате, наверное, ветеринар, стоял чуть поодаль.

Медведю с трудом вставили в пасть распорку из дерева. Дрессировщик набирал в детскую клизму мутную жидкость из большой банки и направлял струю в мишкину пасть. Медвежонок хрипел, дергался, пытался вырваться.

— Да подойдите вы ближе! Не бойтесь! — уговаривал ветеринара дрессировщик.

— А зачем подходить? — говорил ветеринар.— Мне и отсюда все видно!

Он нервно докурил папироску и отбросил окурок в сторону. Окурок упал возле обезьянки, привязанной к столбу. Обезьянка была в смешном костюмчике — шерстяной зеленой фуфайке и красных коротких штанишках. Она бегала, как заводная, вокруг столба. Веревка то наматывалась на столб и становилась совсем короткой, то разматывалась во всю длину. Испугавшись окурка, обезьянка вскарабкалась вверх по столбу и чуть не задохнулась. Соскочив на землю, она снова начала кружить вокруг столба.

Ребята как завороженные смотрели на обезьянку, забыв о медвежонке.

— Привет, пичуги! — подошел сзади Василий Тихонович.— Как вы сюда попали?

В руках его была большая поварешка и щепки. Поверх пиджака — фартук.

— Здравствуйте, Василий Тихонович! Нам очень Та-теш нужен. Он книжки в школе забыл.

— Его не было сегодня. Дядя Проня наверняка знает, где он. Это его приемный отец. Эй, ребята, Вонави никто не видел? — спросил лилипут у артистов, собиравших аппарат.

— За опилками поехал!

— Значит, подождать вам придется.

— Гляди, Борька! — толкнула мальчика Нина.

Обезьянка, погасив окурок, развернула его и отправила табак в рот.

— А она не отравится? — испугалась Нина.

— Ничего не будет! Она как-то в конторе выпила целый флакон чернил. Лакомка. Бог весть что любит! Смотрите!

Василий Тихонович достал коробку спичек и потряс ею. Обезьянка тут же перестала бегать и уставилась на коробку. Лилипут зажег спичку, а когда она догорела почти до конца, погасил и протянул обезьянке. Обезьянка тут же сунула спичку в рот, выплюнула недогоревший кусочек и просительно протянула ручку.

— Любимое блюдо,— пояснил Василий Тихонович.— Значит, нужно для организма. Угостите-ка ее, не бойтесь.

Борька, а потом Нина дали обезьянке по обгоревшей спичке.

— А теперь познакомьтесь! Дай-ка лапу!

Обезьянка протянула маленькую, как у ребенка, ладошку. Она была очень горячая и нежная. Снизу розовая, а сверху коричневая, покрытая мягкими волосами. С блестящими черными ноготками.

— Ну, а теперь идемте со мной! Посмотрите, как я хозяйничаю! Захватите щепок побольше! — скомандовал Василий Тихонович и направился в глубь двора.

Перед фанерной стеной, за которой помещались стоящие в четыре этажа собачьи клетки, был разложен костер. На двух кирпичах кипело в большой кастрюле варево. От него шел смрад.

Борька с Ниной подкинули щепки в огонь и поморщились. Василий Тихонович расхохотался:

— Что, не нравится похлебка? А собаки любят. Тут и первое, и второе, и третье. Все вместе. Мое изобретение!

Услышав знакомый голос, собаки подняли отчаянный лай.

— Пошли поглядим? — пригласил ребят Василий Тихонович.

Увидев чужих, собаки забесновались. Они скалили пасти, бросались на решетки, царапали их лапами, надрывались на все голоса.

Ребята отступили. Борька наткнулся спиной на самого директора Али-Индуса.

— Тебе что, делать нечего? — набросился на Василия Тихоновича доктор черной и белой магии.— Я давно слежу за тобой! Кого это ты развлекаешь?

— А вы не кричите на меня, Гораций Иванович! — с достоинством ответил Василий Тихонович.— Ребята мясо собакам принесли. И совершенно бесплатно. Их отец работает на бойне. И еще принесут! Тоже бесплатно! Верно, пичуги?

— Верно...— выдавила из себя Нина.

— Им бы контрамарочку за это выписать надо, а вы ругаетесь!

— Ну, раз бесплатно, тогда можете приходить! — смягчился директор.

Он вытащил из кармана засаленную книжицу, вырвал из нее листок, послюнявил карандаш и написал: «На два лица. На свободные места» — и вручил бумажку Нине.

— Если кто спросит, я в город вышел! Вернусь скоро! — обернулся он к Василию Тихоновичу.

— Ему бы, кащею, только добыть бесплатно! —

пробурчал вслед Василий Тихонович и тут же расхохотался: — А что, ловко мы его, мясниковы дети?

— А он очень злой, да? — спросил Борька.

— Очень! Сейчас потише стал. Боится, что уйдем от него все...

— А куда?

— Туда, где твои друзья работают. В ЦУГЦ — Центральное управление государственными цирками. Ануфриев ведь частник, нэпман. Весь чемпионат борьбы от него недавно в ЦУГЦ перешел. Всего два борца осталось. Понятно? Ну, мне пора. А книжки для Сандро или мне давайте, или ждите дядю Проню, Вонави.

Василий Тихонович ушел. Ребята сели на бревнышке, подальше от собак, и от нечего делать развернули тетрадки новичка. Какие рисунки они увидали! Неслись на всех парусах по морю корабли, по степям бежали диковинные звери...

— Вот это рисует!

За брезентом раздался грохот. Борька с Ниной заглянули в щелку и увидели знакомый ящик с дырочками. Из-под разбитой крышки торчали куски разноцветных одеял.

— Пойдем поглядим, что там, в ящике,— сказал Борька.

— Неудобно. Сами поднимут. Не волнуйся...

Ребята продолжали разглядывать рисунки. Из-за брезента раздалось шипение.

— Водопровод шумит...— прислушался Борька.

— Непохоже на водопровод... Давай лучше на скамеечку пересядем,— с опаской глядя на брезент,— сказала Нина.

Таинственное шипение не прекращалось ни на минуту.

Скрипнули ворота. Во двор въехала телега с белыми, как снег, опилками. Лошадью правил дядя Проня. Борька и Нина подбежали к великану.

— Простите, пожалуйста, товарищ Вонави,— вежливо обратилась к нему Нина,— вы не скажете, Сандро Татешкелиани скоро придет?

— Не придет он сегодня. А вы кто такие?

— Мы с ним вместе учимся.

— Что же у вас за школа такая, что там свет все время гаснет и гаснет.

Борька и Нина переглянулись.

И тут дядя Проня рассказал совершенно удивительную историю. Сандро приняли в школе как родного. Ребята в группе оказались замечательные и учительница добрая. За первую парту посадили. После уроков Сандро шел по коридору и вдруг погас свет. Сандро сделал несколько шагов в темноте и неожиданно полетел вниз. Когда свет загорелся, оказалось, что он скатился по лестнице в подвал. И угодил в мешок с мелом. Разбился весь и книжки забыл собрать. Теперь на премьере выступать не сможет.

Борька и Нина онемели.

— А может, вы навестите его? — предложил дядя Проня.

— А удобно это? — спросила Нина.

— Неудобно, братцы мои, у нас в цирке говорят, только сальто-мортале под столом крутить. Для сальто высота нужна! Заодно и поесть ему отнесете.

— Может, и книжки отдадим? — неуверенно обратилась Нина к Борьке.
— А вы книжки нашли? Как хорошо!
Дядя Проня исчез в цирке и скоро вернулся с узелком.
— Вот, возьмите.
— А адрес вы нам запишете? — спросила Нина.
Великан рассмеялся:
— Чего не умею, того не умею. Не обучен. Зато Шурка у меня за двоих грамотей... Сенная, два, квартира два, в подвале, по коридору последняя дверь. Ход со двора. А мне пора...
И он сам рассмеялся, довольный своим экспромтом.

Римма, Влас и Павлик сидели на скамейке.
— Какая жалость, что бородатый всех в цирк не пропустил...— сказала Римма.
— Да... жалость...— подтвердил Павлик.— Ребята, пошли пока полежим на травке. Неизвестно, сколько ждать придется.
— А не провороним? — спросил Влас.
— Что ты! Из-за кустов все видно...
Перешагнув через дощечку с надписью «Траву мять воспрещается», ребята устроились в кустах за скамейкой.
Шло время. Борьки и Нины не было.
— Влас, смотри, кто идет! Твой преподобный сосед! — воскликнул Павлик.
На аллее появились отец Никодим с Сергеем Михайловичем, отчимом Борьки.
— Так вот, повторяю,— говорил отец Никодим,— дело это совершенно секретное.
— Дело, конечно, рискованное,— отозвался Сергей Михайлович.— Врач или специалист нужен. И деньги... И место.
— За деньгами дело не станет. Только где возьмешь покойника-то? Не могилы же на кладбище раскапывать!
Священник и староста направились к выходу.
— Пошли за ними! — шепнул Влас. Глаза его горели.— Слыхали? Темное дело какое-то затевается!..

Борька и Нина выбежали из цирка.
— Куда же ребята ушли? — рассердилась Нина. Борька пожал плечами.
— Ждать их здесь глупо! — решил Борька.— Идем к новичку! А где это Сенная находится?
— Я знаю.
Ребята направились к выходу.
А в цирке происходило следующее.
На манеж, где дядя Проня разбрасывал опилки, ворвалась Нонна:
— Дядя Проня, беда! Удав на свободу вырвался! В конюшню заполз! А там Буян!
Отбросив лопату в сторону, великан ринулся вслед за Нонной. У конюшни толпились люди. Изнутри доносилось рычание зверей, лошадиное ржание. Войти в конюшню никто не решался. Оглядев толпу артистов, великан скомандовал:
— Дядя Донат, Вано, Рудька, за мной! Больше никто!
Открыв дверцу в воротах, артисты прошли внутрь. Нонна юркнула за ними.
Зверей обуял страх. Лошади бились в стойках. Осел сорвался с привязи и метался по конюшне. Буян громко ржал и бил копытом. Пеликан забился в угол клетки и раскрыл клюв, словно глотая воздух. Зоб его болтался во все стороны, как пустой мешок. Из-за стены доносился яростный лай собак.

Вано схватил под уздцы осла и, загнав в стойло, крепко привязал.
— Где же удав? — спросил дядя Донат.
— Вон он, в сено забрался,— подсказала Нонна.
— Нонна, назад! — приказал дядя Проня.
— Не уйду, ни за что не уйду! — крикнула девочка и вбежала в стойло к Буяну.
Конь радостно заржал. Девочка, обняв его за шею, уткнулась в рыжую гриву.
— Что будем делать? — спросил дядя Донат.
Удав не обращал на людей никакого внимания. Его огромное пятнистое тело распласталось на сене. Он не двигался и тяжело дышал.
— Глянь-ка, что с ним!..— ахнул дядя Донат.
На боку и шее удава зияли раны.
— Где его, окаянного, угораздило?! — выругался дядя Проня.
— Ящик перевернулся, я видела,— сказала Нонна.— Он, наверное, на гвозди наткнулся...
Дядя Проня погладил удава. Удав не шелохнулся. Только из пасти высунулся длинный раздвоенный язык и снова ушел внутрь.
— Во-первых, надо все в тайне сохранить,— сказал, подумав, дядя Донат.— Ни Индуса, ни Глеба Андреевича в цирке нет. Всех артистов предупредить, чтобы молчок! Это — самое главное.
— Верно. Не то...— Дядя Проня махнул рукой.
— Ветеринару его следует показать. Он не ушел еще?
— Нет,— сказала Нонна.
— Удава отсюда надо перенести. Пока во двор, за загородку, а там решим... Видишь, что творится с животными?
— Дело! Рудька, Вано, тащите сюда ящик. И захватите рогатину! — приказал дядя Проня и снова погладил удава.
Удав зашипел.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА СЕННОЙ

Сенная, два.
Борька и Нина прошли через захламленный двор и обнаружили у помойного ящика дверь, обитую драной коричневой клеенкой.
— Здесь,— указала Нина на большую нарисованную пожелтевшим мелом двойку.
Открыв дверь, ребята очутились на полуразрушенной крутой лестнице без перил и осторожно спустились вниз на несколько ступенек.
Пахнуло холодом и кошками. Тусклая, засиженная мухами лампочка под железной сеткой, прогнивший дощатый потолок и сырые, облупленные стены отражались в черной воде на полу.
К единственной двери вели кирпичи и несколько досок. На самой широкой из них неподвижно сидела крыса. Борька отодрал от стены кусок известки и бросил в крысу. Та взвизгнула и пустилась наутек, с шумом разрезая воду.
— Ничего себе артисты живут...— прошептала Нина.
— Может, мы не туда попали? — предположил Борька.
— Сейчас узнаем...
Осторожно ступая по кирпичам, они подошли к двери. Миновав пустую кухню, тесно заставленную столами, на которых чадили керосинки и яростно шипели примуса, ребята остановились в конце пустого коридора перед последней дверью.
В комнате с кем-то разговаривал, громко смеясь, Сандро.

— Минька, перестань, да? Не мешай работать!
Застучал молоток.
— Минька, бандит, отдай гвоздь! Слышишь, да? Не хулигань!
Борька и Нина переглянулись. Борька тихонько постучал в дверь.
— Нельзя! — поспешно крикнул Сандро.— Минуточку!
Было слышно, как на пол полетел молоток и кто-то запрыгал на одной ножке. Застонали пружины матраца.
— В постель лег,— догадался Борька.
— Это ты, Нонна? — спросил Сандро.
— Нет. Это мы. Ребята из твоей группы,— сказала Нина.
— Зачем пришли? — сухо спросил Сандро после паузы.
— Книжки принесли.
— Оставьте за дверью!
— Видела, как обиделся,— шепнул Борька,— даже не хочет разговаривать... Пойдем.
— Ни за что! — сказала Нина и постучала в дверь.— У нас есть дело. Поговорить нужно!
— Говори!
— Через дверь, что ли?
— А что, не слышно, да? Я, например, хорошо слышу! А тебе уши заложило, да?
— Мы насчет школы...— начала Нина, но Сандро перебил ее:
— Никакой дело со школой больше нет! Вашу школу знать не хочу!
— Учиться бросишь?
— Зачем брошу? Другой школу себе найду. Городе школ много.
— Мы не хотим, чтобы ты шел в другую школу. Все ребята просят остаться.
Сандро промолчал. Нина продолжала:
— Тебе «темную» устроили по ошибке! Ребята тебя больше не тронут!
Сандро вскипел:
— А что я, боюсь? Боюсь, да? Сам буду приходить их бить!
— Ну и глупо! Они у тебя хотят прощения просить.
— Бог простит. Я не прощу,— резко крикнул Сандро и вдруг рассмеялся: — Минька, перестань! Не щекотись!
Борька и Нина переглянулись: «Что за Минька такой?»
Нина снова постучалась.
— У нас есть к тебе важное дело. Нас прислал дядя Проня.
Сандро насторожился.
— А вы откуда Вонави знаете?
— В цирке познакомились. Он просил передать сверток.
— Оставьте за дверью! Спасибо. До свидания!
— Пойдем, Нина, неудобно,— шепнул Борька.
— Неудобно «сальди-мальди» под столом крутить! Ты же слышал: он из школы уходить собрался. Нельзя его одного оставлять! — Нина энергично застучала в дверь: — Мы не можем на полу оставить сверток. В нем завтрак. А тут крысы кругом...
— Ладно уж,— сказал Сандро.— Заходите!
Ребята толкнули дверь. Заглянув в комнату, они шарахнулись назад и в страхе застыли на пороге.
На кровати лежал Сандро с забинтованной головой, укутанный до подбородка одеялом. На груди его пристроился невиданный, ростом с огромную кошку зверек. Его вытянутое туловище было покрыто зеленовато-серой густой шерстью. Ее желтые концы торчали во все стороны. Огромный пушистый хвост напоминал щетку-ежик для чистки керосиновых ламп.
Увидев чужих, зверек привстал на короткие лапы, оскалил заостренную хищную мордочку, обнажив ряд сильных острых зубов, и злобно зафыркал.
Ребята отступили назад.
— Да вы не бойтесь! Не бойтесь! — сердито зашептал Сандро, сверкнув глазами.— Не тронет вас Минька! Нужны вы ему, трусы такие! Проходите к окну. Понятно, да?
Борька и Нина, не спуская глаз с диковинного зверька, прижимаясь спинами к стене, перешли на цыпочках к окну.
— Предупреждаю,— сказал Сандро.— Насчет школы заговорите — выгоню! И еще: как только Минька с крысами расправится — домой пойдете! Минька, вперед! Крысы!
Зверек злобно ощерился. Шерстка его стала дыбом. Он поднялся на задние лапы, обнажив нежное, пушистое, светлое брюшко, и начал принюхиваться. Потом снова преспокойно улегся на грудь Сандро.
— Ты что, не понял, да? Там крысы! Крысы! — торопил его Сандро.
Зверек нехотя спрыгнул на пол и, по-змеиному извиваясь, вприпрыжку побежал в коридор.
Борька и Нина стали с любопытством рассматривать комнату.
Все убранство этого убогого жилья составляли две старые железные кровати с никелированными шишечками, стол, табуретка и хромоногий венский стул.
В углу примостился не то сундук, не то шкаф. В нем было множество ящиков, отделений, дверок. Некоторые из них задернуты разноцветными занавесками. Рядом с сундуком валялись гвозди, молоток, клещи, куски фанеры, ручная пила-ножовка. Очевидно, до прихода непрошеных гостей Сандро и чинил этот странный предмет.
Стены комнаты украшали три цирковых плаката: два типографских, третий — рисованный от руки. На первом были изображены четыре перелетающих с трапеции на трапецию «черта» в ярко-красных трико, в шапочках с рожками. Путь полета «чертей» был обозначен пунктирными линиями. Они перекрещивались, закруглялись в кольца.
На втором плакате с надписью «Итальянский борец — гладиатор Вонави» ребята узнали богатыря дядю Проню в объятиях огромного удава.
На третьем с надписью «Чудо-богатырь Вонави против Красной Маски» был нарисован тоже дядя Проня в открытом красном трико-борцовке в схватке с человеком в совершенно глухом трико зеленого цвета и красной маске, закрывающей лицо.
— Это что за комод? — указал Борька на странный предмет.
— Кофр называется. В нем все барахло наш: костюмы, вещи.
— Удобный! — оценила по-хозяйски Нина.
— Конечно, удобный. Переезжать-то часто приходится,— согласился Сандро.— И костюм на вешалка висит, не мнется и другие вещи. Вместе с Вонави его мастерили. Самоделка...
— Неужели сами мастерили? — удивилась Нина.

— Конечно. Я вообще мастерить люблю. Даже сапоги шить умею. Цирковой костюм тоже умею шить. Не фрак, конечно. Трусы, рубашка. Меня дядька всему научил. Он иногда, когда с деньгами совсем плохо получается, сапоги шьет. Портняжит. Подрабатывает. А я помогаю, конечно.

— Неужели вам подрабатывать приходится? Такие артисты знаменитые! — присвистнул Борька.

— Я еще не такой знаменитый. Дядя Проня знаменитый. Очень. Вонави знают все артисты России. А подрабатывать приходится.

— Все его знают или только циркачи?

— Никогда так не говори, слышишь? Мы очень обижаемся, когда нас называют циркачи. Это нехороший кличка. Так нас при царе называть можно было. Сейчас не надо. Надо артисты цирка. Или просто цирковые. Дядька, знаешь, мастер какой? И акробат, и жонглер, и борольщик.

— Что такое «борольщик»?

— Так борцов в цирке называют. Борольщик, или артист борьбы. Он и на концертино, и на гитара играет, и может любой зверь дрессировать.

— Он тебе родной дядя? — спросила Нина.

— Зачем родной? Дядьками в цирке называют старших мастеров. Тех, кого очень уважают. А мне Вонави не родной! Только лучше всякий родной... Он нашел меня в Тбилиси. Я работал у один нищий. Богатый такой нищий попался. Я милостыню собирал вместе с ним. Он много денег на мне нажил. Показывал меня...

— Показывал? Как показывал? — удивился Борька.

— Да так...— замялся Сандро,— чепуха. Он себе фруктовый сад купил, а я чуть с голоду не подохнул. Так ему надо было. Хотел, чтобы я худым оставался, чтобы меня жалели побольше... Бил меня крепко, когда пьяный напивался. А трезвый не трогал... Никогда... Бил он меня раз... Вонави проходил мимо. Увидел, как мне попадает, выхватил меня у хозяина, а нищего поднял кверху за шиворот одной левой... Здоровый нищий был, а он его одной левой... Смешно, да?

Но Борьке и Нине не было смешно.

— «Чего,— говорит,— хочешь, гад? Под суд за пацан идти или один раз в скулу получить?» «Лучше в скулу давай!» Вонави легонечко его так ударил, нищий упал, за челюсть держится. С тех пор Вонави возить меня с собой по циркам и балаганам стал. Номер мне придумал. Я уже полжизни артистом работаю. С семи лет. Вот он человек какой, дядя Проня...

— А он итальянец? — спросила Нина.

— Какой итальянец? Русский...

— А фамилия почему такая?

— Надо...— нахмурился Сандро.— Так в частном цирке принято. Хозяин любит русский артист выдавать за иностранный. Мне тоже фамилию переделали.

— А как его настоящая фамилия?

— Кто знает? Он и сам забыл, по-моему. Вонави и Вонави...

— А что у тебя за номер? Ты гипнотизер? — поинтересовался Борька.

— Зачем гипнотизер!

— А кто?

— Придешь в цирк — увидишь!

В раскрытую дверь с виноватым видом вошел зверек и, высоко подпрыгнув, снова очутился на груди Сандро и немного сбил одеяло. Сандро тут же схватил зубами за край одеяла и натянул его до подбородка.

— Вот дурной! — пробормотал он, потом с досадой сказал Нине: — Спугнули вы крыс!

— Значит, все? — упавшим голосом спросил Борька.— Идти нам?

— Кто гонит? Сиди, если нравится...

Ребята заулыбались.

— Тебя можно и Сандро и Шурой звать? — спросила Нина.

— Как хочешь, можно. И Сандро, и Шурой, и Шуркой, и Саней, и Аликом, и Шуриком, и Сашей, и Александром Григорьевичем даже! — рассмеялся Сандро.— А вас как зовут?

Ребята представились.

— А что за зверек твой Минька? — спросил Борька.

— У него столько названий, сколько у меня имен. Фараонова мышь, нимс, змееед, ищейка, мангуст. Он сам названий не знает. Ему это ни к чему. Он только Минька понимает!

Минька пошевелил усами и посмотрел на хозяина.

Сандро засмеялся.

— Он умный очень, ласковый, хитрый, смелый. Самых ядовитых змей победит всегда. Видели, какой у него мех? Ни один змея не прокусит. А он еще нарочно валяется в иле, потом шкурку свой сушит. Тогда совсем пан-

цирь получается. А морду от змеиный укус прикрывает хвостом. Так что не ухватить Миньку.

— А еще его Рикки-Тикки-Тави зовут,— сказала Нина.— Про него написал книжку писатель Киплинг.

— Киплинг? Не попадался мне такой книжка.

— У нас дома есть! Я ее тебе в школу принесу. Как только поправишься. Ладно?

— Ладно...

Ребята переглянулись: «Победа! Придет!»

— А правду говорят, что мангуст может одолеть крокодила? — спросила Нина.— Я так слышала. Крокодил отдыхает после еды. Пасть у него широко раскрыта. Мангуст прыгает в нее, прогрызает горло, потом разрывает сердце и наружу выбирается через брюхо?

— Насчет крокодил ничего точно сказать не могу. Про змей знаю.

— Он у тебя дрессированный? — спросил Борька.

— Умеет кое-что! Алло, Минька!

Мангуст тут же соскочил на пол и перекувырнулся через голову. Ребята засмеялись и зааплодировали. Минька встал на задние лапы, важно прошелся по комнате, вернулся к кровати, присел, свистнул и замотал головой, требуя награды.

— Можно его угостить? — попросила Нина.

— Яйцо ему дайте! — разрешил Сандро и строго приказал Миньке: — Есть будешь только в клетке!

Борька положил яйцо в клетку. Минька тут же схватил его передними лапами и бросил между задними о фанерную стенку клетки. Яйцо разбилось. Минька зло захрюкал. Быстро съел яйцо, выскочил из клетки и, усевшись перед кроватью Сандро, снова начал «служить».

— А теперь покажи, как умеешь прыгать,— приказал Сандро.

Минька стал прыгать, как угорелый. Ему, видно, очень хотелось угодить хозяину и гостям. Он сперва носился по полу, потом вскочил на табуретку, оттуда на стол. Повизгивая от восторга, Минька схватил лежавшие на столе перчатки и стал их теребить.

— Не смей, Минька! Не смей! — приказал, захлебываясь от смеха, Сандро.

Но Минька не хотел слушаться. Он рычал, подпрыгивал вверх, отлетал назад, прижимался брюшком к полу и в ярости бросался на перчатки.

— Нельзя! Нельзя! — кричали все.

Но Минька не слушался.

— Плетку ему покажите! — крикнул Сандро.

Как только Нина поднесла плетку к мордочке Миньки, он соскочил со стола и, виновато пофыркивая, побежал в клетку и зарылся головой в солому. Борька и Нина начали подбирать с пола разбросанные перчатки.

— Зачем тебе перчаток столько? — удивилась Нина.

— Белые для фрак надо.

— А телесные?

Сандро смутился, покраснел и буркнул:

— Нужно...

— Ты где постоянно живешь? — спросил Борька.

— Где же ты видел, чтобы у цирковых была постоянная квартира? — улыбнулся Сандро.— Нет таких артистов.

— А кто нарисовал эту картинку с борольщиками?

— Не картинку, а рекламу,— поправил Сандро.— Я нарисовал. А что, плохо, да? Непохож дядя Проня получился?

— Наоборот. Очень похож.

— Кто тебя рисовать научил?

— Никто. Сам. А сейчас жалко, пропадает плакат. Директор заказал, а теперь платить не хочет. Понятно, да?

— А почему? — спросил Борька.

— Плакат стал не нужен. Распался в нашем

цирке чемпионат. Лучшие борольщики перешли в госцирк. Только дядя Проня да Глеб Андреевич остались.

— Чего же они теперь делают, если борьбы в цирке уже нет?

— Вонави стал бороться с удавом. Идет в программе аттракционом. Удалось директору удава раздобыть в один частный зверинец. Уговорил Вонави бороться. А Вонави что? Он смелый.

Нина снова посмотрела на афишу.

— А борец в маске что делает?

— Глеб Андреевич-то? Работает. Замещает директора. Родственник ему приходится. Помогает ему в иллюзионном номере. За реклама следит. За паноптикум. Ремонт маленький делает. Он на все руки мастер. А как рисует, ты бы посмотрел! Как лепит! Куда мне!

Нина спросила очень серьезно:

— А почему ты в частном цирке работаешь? Почему, как и борцы, в государственный цирк не перешел?

Сандро помрачнел.

— Сложный дело. Кругляков Глеб Андреевич — правый рука директора. Никуда не уйдет. Вонави тоже: он много денег хозяину задолжал. Удав хочет выкупить. А удав, знаешь, сколько стоит? О-го-го! И я, конечно, без Вонави никуда не пойду. Где Вонави — там я! Артисты другие тоже вряд ли уйдут: хозяин всех очень запугал. Понятно, да? Говорит, в ЦУГЦ плохо будет. Свобода никакой нет. Посылают не туда, куда сам хочешь. По плану. Чиновники, говорит, управляют цирками, а не артисты.

— Я бы никогда у частника работать не стала. Ушла бы! — сказала Нина.

Сандро не успел ответить. С Минькой стало твориться что-то невообразимое. Он стрелой выскочил из клетки, остановился посреди комнаты, принюхался, засопел, завертел носом во все стороны, ощетинился и стал вдвое больше. Потом он выскочил из комнаты.

В коридоре поднялась возня. В комнату, крепко прижимая к груди возбужденного Миньку, вбежал Василий Тихонович. Мангуст извивался, злобно сопел, пытался вырваться. Василий Тихонович еле доволок его до клетки.

— Что случилось? — спросил встревоженный Сандро.

— Не говори, Шурка, беда! — ответил запыхавшийся Василий Тихонович.— Удав поранился. Операцию будут делать.

— Здесь?

— В цирке опасно. Чего доброго, директор увидит. Или Глеб Андреевич.

На пороге, сгибаясь под тяжестью ящика, появились четверо: великан, дядя Донат с партнерами. Они опустили ящик на пол. Из него донеслись приглушенный стук и шипение. Минька снова начал беситься в своей клетке.

— Тихо ты! — прикрикнул великан и ударил по решетке.

Василий Тихонович внес из коридора длинную палку с рогатиной на конце.

— Стол — в сторону! Ящик — на его место! — командовал дядя Проня.

Заметив сверток с завтраком, он укоризненно покачал головой и недовольно сказал Сандро:

— Так и не ел ничего весь день? Эх, Шурка, Шурка!..

— Мы вам не помешаем? — спросила Нина.

— Нет. Только в сторону отойдите. Вон рядышком с Шуркой на стул садитесь. А табуретку доктору отдадим. Где он запропастился?

— Я здесь,— раздался голос, и в комнату вошел уже знакомый Борьке и Нине ветеринар. Вид у него был растерянный.

— Располагайтесь! — указал дядя Проня на табуретку.

Ветеринар открыл чемоданчик и стал раскладывать свое медицинское хозяйство.

— Ну, что ж, Донат, приступим? — сказал дядя Проня лысому клоуну.— Дай мне рушник, что ли...— кивнул великан на полотенце, висевшее на спинке его кровати.— А вы все по моему сигналу открывайте ящик. Осторожно только.

— Рушник, пожалуй, будет тонковат,— сказал клоун.— Лучше одеяло.

— Верно! — согласился дядя Проня, взял одеяло и скомкал его в правой руке.

Из ящика продолжали раздаваться удары. Они становились все сильнее и сильнее.

Дядя Проня поправил в руке одеяло и скомандовал:

— Ну, ребятишки, внимание... Поднимайте крышку!..

Стоило, однако, открыть запор и чуть дотронуться до крышки, как в нее со страшной силой ударило изнутри. Крышка, стукнувшись о стенку, прихлопнула ящик. В нее опять ударило снизу...

С угрожающим шипением удав ринулся прямо на дядю Проню. Тот отпрянул в сторону и резко сунул одеяло прямо в пасть змеи.

— Рогатину, рогатину скорее! Проглотит! — крикнул Василию Тихоновичу дядя Проня.

Схватив рогатину, он прижал ею голову змеи к полу. Удав яростно зашипел и вытолкнул из пасти одеяло. Великан отбросил в сторону рогатину, охватил удава обеими ручищами за шею и навалился на него туловищем. Огромной пружиной вылезало из ящика упругое, все в коричневых пятнах, скользкое тело змеи. Все, кроме ребят и ветеринара, обхватили удава руками и тоже навалились на него. Но удав продолжал медленно вылезать из ящика. Дядя Проня позвал на подмогу доктора. Змея шипела и злилась, пытаясь сбросить людей.

— Так мы долго не выдержим, Проня,— сказал дядя Донат.— Надо посылать за подмогой!

— А ну-ка, ребята, быстро летите в цирк! Только на директора не напоритесь!

Но ребятам никуда лететь не пришлось. В комнату ворвались взбешенный директор, Нонна и Глеб Андреевич.

Директор закричал:

— Скрыть от меня решили! На квартиру перенесли. Моего удава! Мое сокровище! Жулики! Обманщики! Ни на минуту отлучиться нельзя! Рассказывай без утайки, как все случилось!

Дядя Проня рассказал все по порядку.

— А дальше что? — сухо спросил у великана Али-Индус.

— А что дальше? Стал я удава в ящик перекладывать, а он на Буяна как кинется! Еще минута — и задушил бы лошадь... Я на помощь, вместе с ребятами. Тут он и дал нам жизни! То ли рану ему задел ненароком, то ли блажь ему ударила в голову... Поди пойми его!

— А должен понимать,— снова напустился директор на дядю Проню.— Вот когда выкупишь его, будет он твоей собственностью, делай что хочешь, а пока животное еще мое...

— Да будет вам мораль читать,— не вытерпел дядя Донат.— Помогите лучше!

Али-Индус даже не повернул головы.

— Я думаю, придется Глебу Андреевичу немедля бежать заказывать для тебя гроб. «Мертвеца» пустим, если с удавом выступать будет нельзя. И Шурке придется завтра отработать.

Дядя Проня помрачнел.

— Шурку работать ни за что не пущу! А «мертвеца» отработаю, раз надо...

— Нет! — со слезами в голосе крикнул Сандро.— Нет! Я завтра отработаю. Не надо «мертвец». Забыли, что в последний раз было с дядькой?

— На этот раз поменьше в гробу полежит. Часок — и все. Сорвется премьера без аттракциона. Твой номер хоть и хороший, а аттракциона не заменит! — ответил директор.

— Нет! Не надо «мертвец»! Не надо!

— Не лезь в разговоры! — оборвал мальчика великан.— Послушаем доктора, может, и не придется работать «мертвеца». До завтрева времени много...

— Выступать с ним нельзя, конечно...— сказал ветеринар.

Глеб Андреевич предложил:

— Давайте раны заклеим пластырем, а я пластырь разрисую под змеиную кожу. Человек рядом встанет — ничего не заметит. Ручаться могу!

— Ни в коем случае,— сказал ветеринар.— Нельзя вашу гадину тревожить в таком состоянии. Вы ручаетесь, что она не задушит завтра того, кто с ней попробует бороться? Сейчас с трудом удерживаете удава. А вас вон сколько!..

Удав неожиданно резко дернулся, словно в подтверждение слов доктора. Все, даже директор, кинулись к нему.

— Видели, что вытворяет! А вы «бороться»... Дней двадцать нельзя его трогать. Ой, да у него и губа рассечена!

Артисты переглянулись: «Почти месяц... Без аттракциона. Катастрофа...»

— Ну, держите покрепче вашу тварь. Губу зашивать я отказываюсь, хоть убивайте, а на раны швы наложу.

— А как же быть с губой? — спросил Али-Индус.

— Я вам йоду дам, вы сами намажете.

Бледный от волнения ветеринар открыл бутылочку, и сразу запахло эфиром. Доктор вылил лекарство прямо в рану, на обнаженные мышцы змеи. Удав громко зашипел. Голова его, которую крепко прижимал коленом дядя Проня, казалась игрушечной картонной маской. Глаза змеи не двигались.

— Он совсем плохо видит! — шепнул Сандро.

— Неужели ослеп? — испугался Борька.

— Нет! Все удавы видят плохо. А язык у них чувствительный.

— А сколько дней удав без пищи может прожить?

— По три-четыре месяца обходится без воды и без кролик.

— А ты сам видел, как кормят удавов?

— П-хе! Много раз!

— И что же? Правда, что кролик сам идет к удаву в пасть?

— Сказка! Бывает, удав силком не заставишь кролик съесть. Запихивать в пасть силой приходится. И иногда бедный кролик по удав скачет, а удав как мертвый лежит. Понятно, да? Надоест удав лежать, он языком кролик сперва ощупает, потом набросится, задушит, да так осторожно, что останутся целы все косточка. Чтобы не пораниться. Только потом начинает есть. Сам себя, как чулок, натягивает на кролик. Хвостом себе помогает. Как раскроет пасть во всю ширь! А в ней девяносто с лишним зубов помещается. Глядеть противно.

— И человека легко задушить может?

— П-хе! Зачем человек? Бык запросто душит. Недаром удав всякий зверь боится в природе. Слон даже.

Борька и Нина со страхом смотрели на чудовище. Ветеринар засыпал в рану какой-то белый порошок, вытащил из блюдца с прозрачной жидкостью белые толстые нитки и, выбрав одну из них, стал вдевать ее в ушко серповидной иглы.

— Отрежьте, пожалуйста! — попросил он ребят.

Борька и Нина со страхом подошли к табуретке. Нина чувствовала, как дрожат ее руки. Взяв ножницы, она отрезала нитку. Ветеринар с трудом протыкал толстую кожу, накладывал швы. Удав вдруг зашипел и так дернулся, что директор, державший его за хвост, отлетел в сторону, на ящик с Минькой. Затрещала фанера. Мангуст проскользнул в дыру и метнулся к змее.

— Наверх, наверх, выше удава поднимайте! — крикнул, вскакивая, дядя Проня.— Прокусит сейчас!

Все вскочили на ноги и подняли удава высоко вверх. Змея яростно заколотила хвостом по стене. Посыпалась штукатурка. Игла выпала из рук ветеринара и отлетела под кровать.

Минька подпрыгивал, пытаясь укусить змею.

— Уберите Миньку! Плетку ему покажите!

Нонна с плеткой подскочила к зверьку, но Минька не унимался. Тогда директор накинул на мангуста пиджак, схватил зверька в охапку и вынес за дверь.

— Опускай! Все в порядке! — скомандовал дядя Проня.

— Рубаха на нем треснула.

— Доктор, латай дальше! — рассмеялся он, вытирая пот плечом.

(Окончание в следующем номере.)

ПОКА

НЕ ВЫПАЛ СНЕГ...

В. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ,
мастер спорта

Юный друг! На дворе ноябрь, зима у ворот. Готов ли ты к ней, к снежной, морозной спортивной зиме? Возьми-ка свои лыжи в руки! Сотри тряпочкой летнюю пыль, проверь, все ли в порядке: не износился ли какой-либо ремешок на креплениях, не разболтался ли шуруп на скобах.

Если у тебя лыжи слаломные, просмотри их окантовку, подточи ее легонько напильником. А равнинные лыжи, особенно если они самые простые, не клееные, не худо пропитать в начале сезона смолой либо жидкой мазью. Для этого лыжу хорошенько прогревают — около костра, у открытой дверки протопленной печи, над газовой или над примусной горелкой; смазывают поверхность скольжения, еще раз прогревают и втирают смазку тряпочкой в поры. Просмоленная лыжа гибче, она лучше скользит по мокрому снегу, меньше снашивается, не гниет.

А готовы ли твои лыжные палки? В каком состоянии кольца и темляки? Без колец палки проваливаются, это всякий знает. Без темляка невозможно хорошо оттолкнуться.

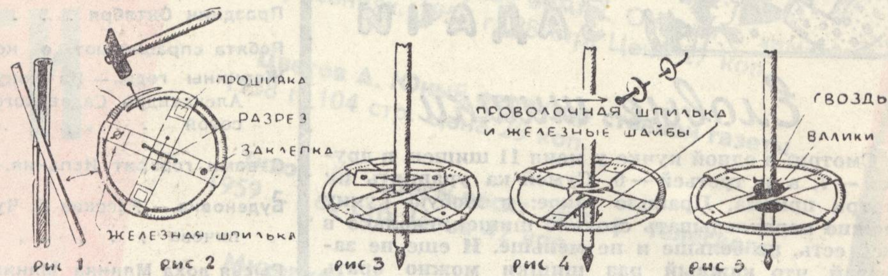
Кольца можно сделать самому: из прутьев ивы, орешины (лещины), из обломка бамбуковой палки, расколотого (или распиленного мелкозубчатой пилкой) на продольные рейки шириною в пять — восемь миллиметров и длиной сантиметров в тридцать (рис. 1). Эти заготовки распаривают в горячей воде 10—20 минут и, вынув, сгибают. Соединенные концы скрепляют гвоздем или обматывают тонкой проволокой. Поперечины изготовляют из двух ремешков с прорезами для палки посредине. У кольца ремни крепятся заклепкой, железной шпилькой или прошиваются нитками (рис. 2).

Приладить кольцо к палке можно посредством короткого ремешка с дырочками, двух шайб и проволочной шпильки, как показано на рис. 3 и 4, а можно с помощью двух валиков из лейкопластыря или изоляционной ленты. Валики наматывают на палку выше и ниже кольца (см. рис. 5). Иногда для большей прочности выше кольца вставляют в палку гвоздь и слегка его загибают. Темляки к палкам делают либо из ремня, либо из фитильной тесьмы. Для ременного темляка в верхней части палки просверливают дрелью или прожигают толстым гвоздем отверстие. Сквозь него протягивают концы ремня с прорезями на концах. Затем в прорези продевают середину ремня, затягивают петлю, и темляк готов (см. рис. 6, 6а, 6б). Темляки из фитиля крепят иначе. Их приклепывают к палке (см. рис. 7).

Петли темляков не должны быть длинными. Руку в темляк вставляют снизу (см. рис. 8). При этом

если темляк правильной длины, он будет охватывать кисть у запястья. Конец палки над сжатой кистью не должен возвышаться больше чем на 2—3 сантиметра. Иначе при неудачном падении он может повредить глаз. Еще лучше конец обшить чехлом из кожи от старой рукавицы и набить под этот чехол ваты (см. рис. 9).

Теперь займись своей обувью. Ботинки для бега на лыжах нужно промазать касторкой, очищенным березовым дегтем, рыбьим жиром или специальной мазью для спортивной обуви. Слаломные ботинки лучше пропитать парафином у горячей печки, тут же надеть их, зашнуровать и выйти на холодную улицу. Тогда ботинки застынут по форме ноги, а это очень важно в слаломе.

А может, у тебя не лыжные ботинки, а валенки? Ну что ж! Они неплохо послужат и на горных спусках и на равнине. Только ты их приведи в порядок.

Не забудь о шерстяных носках и рукавицах. Выстирай и заштопай их, не откладывая, если ты не сделал этого раньше, прежде чем спрятать на лето.

...Теперь, кажется, все. Ты готов, чтобы встать на лыжи и ехать куда вздумается: в поле, в лес, на гору, с горы. Вон и первые снежинки кружатся в воздухе!.. Но нет, еще не все сделано!

Пока не лег настоящий снег:

выйди на горку, очисти ее от камней, сучьев, валежника. Это сбережет твои лыжи от поломки, а тебя — от досадных падений;

приведи в порядок прошлогодние трамплины, сделай новые из земли, из жердей;

пройдись по лесу пешком, посмотри, наметь, где зимой интереснее проложить лыжню; делай регулярно зарядку, специальные гимнастические упражнения, бегай кроссы по пересеченной местности, короткие отрезки, метров по пятьдесят, преодолевай в быстром темпе, ходи «гусиным» шагом (в присядку), приседай «пистолетиком» — на одной ноге, прыгай. Словом, тренируй свое сердце, легкие, мышцы, связки, нервную систему.

А когда встанешь наконец на лыжи:

в первый день не увлекайся чрезмерно, не уходи далеко от дома: твои силы могут внезапно иссякнуть;

на всякий случай возьми с собой несколько кусочков сахара: сахар быстро всасывается в кровь и почти мгновенно восстанавливает силы;

на спуске никогда не выставляй палки вперед: это опасно, на них можно наткнуться;

не съезжай с незнакомой горы «на авось», не зная ее. Сначала познакомься как следует с ее склоном на подъеме, потом спустись с одной четверти, потом с половины, с трех четвертей... А после этого уверенно и с самой верхушки.

...Да, чуть не забыл!

Если у тебя нет креплений, загляни в январский номер «Пионера» за 1961 год. Там на «выставке креплений» ты выберешь модель, которую легко сделать самому. Здесь мы только покажем тебе основные типы креплений и их различия.

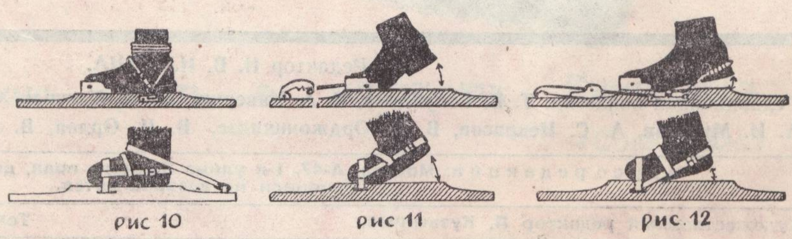
Вот они на рисунках внизу.

Крепления для спуска с поворотами: вся стопа должна быть плотно притянута к лыже (рис. 10).

Крепления для ходьбы по ровным и пересеченным местам: пятка ботинка или валенка должна свободно подниматься (рис. 11).

Крепления для прыжков с трамплина: пятка поднимается ограниченно (рис. 12).

Желаю счастливых стартов!

В часы досуга

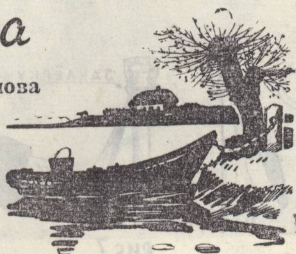

ДЕДУШКИНЫ ЗАДАЧИ

Еловые шишки

Смотри: в одной кучке у меня 11 шишек, в другой — 7, а в третьей — 6. Сумей-ка уравнять их в три приема. Правило такое: в любую кучку можно перекладывать столько шишек, сколько в ней есть, не больше и не меньше. И еще не забывай, что каждый раз шишки можно брать только из одной какой-нибудь кучки. Ну-ка!..

Одна лодка

Три друга-рыболова владеют одной лодкой. Они хотят, чтобы каждый мог в любое время пользоваться лодкой, но при этом никто из посторонних не мог ее взять. Для этого они держат ее на цепи, которая замыкается тремя замками. Каждый имеет ключ только от одного замка, и все-таки он может отомкнуть цепь своим единственным ключом, не дожидаясь прихода товарищей с их ключами. Как же у них так удачно получается?

ОТВЕТЫ на задачи, ПОМЕЩЕННЫЕ В № 10

Метаграммы

Метаграммы: 1) сукно — суДно; 2) булка — бЕлка; 3) зола — зоНа; 4) болт — болЬ; 5) морс — моПс; 6) каюта — каРта; 7) гром — грИм; 8) проза — проБа; 9) бронза — брЫнза; 10) соха — соВа; 11) плита — плАта; 12) рука — рЕка; 13) слон — сТон; 14) плен — плАн; 15) свод — Овод; 16) краб — краН; 17) плов — Улов; 18) курок — куБок; 19) стук — стЫк; 20) лещ — леВ; 21) буран — бАран; 22) лото — лЕто; 23) борт — Торт.

Из сменных букв всех вторых слов составляется текст народной загадки: День прибывает, а он убывает (Отрывной календарь).

С помощью зеркала

Днем окно разбито, за ночь вставлено (Прорубь).

Содержание

Редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**

Редакционная коллегия: **Т. В. Голубцова, В. А. Каверин, Л. А. Кассиль, Ф. В. Лемкуль, А. И. Мошковский, А. И. Мусатов, А. С. Некрасов, В. Н. Орджоникидзе, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева.**

Адрес редакции: **Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, дом 28. Телефон Д 3-30-73.**
Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор **П. Кузьмичев.** Технический редактор **В. Пархоменко.**

А 10801. Подписано к печати 10/XI 1962 г. Тираж 565 000 экз. Изд. № 2006. Заказ № 2872.
Форм. бум. 84 × 108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена 25 коп.

КАК МЫ НА РАКЕТЕ ЛЕТАЛИ

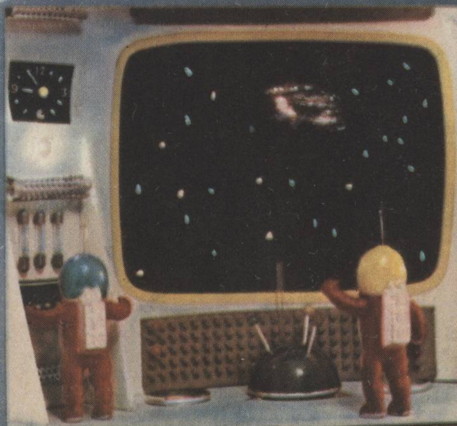
Стихи Сергея БАРУЗДИНА.
Художник В. ГОРТИНСКИЙ.

Праздничный день кончается,
В окнах не видно огня.
Чего во сне не случается
После хорошего дня!

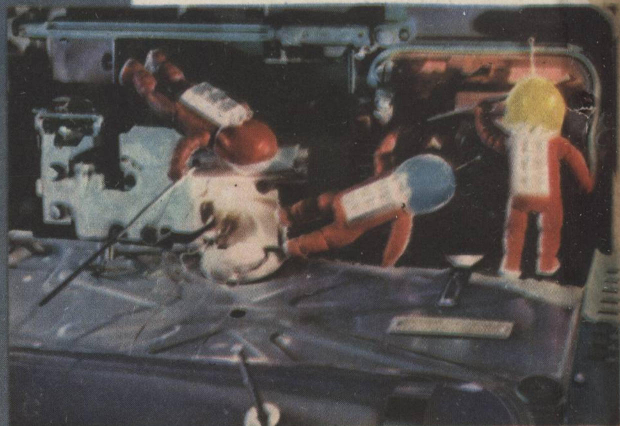
Вроде бы рядом игрушки
Лежали вместе с флажком,
И вдруг у самой подушки
Вырос ракетодром...

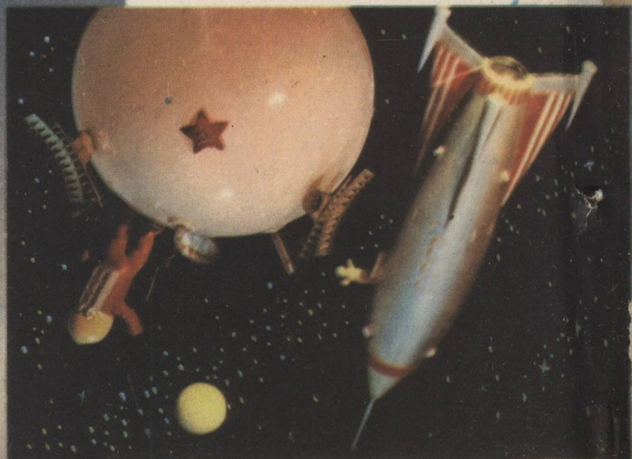
Срочный ремонт.

Метеорит!

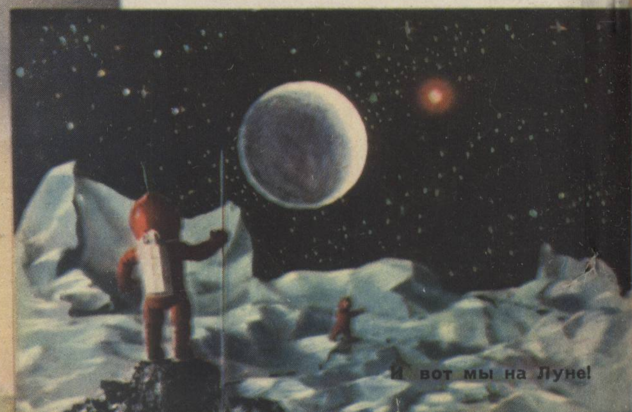

Состояние невесомости.

Пересадка на спутник.

На ракетодроме.

И вот мы на Луне!